

КАЛМЫЦКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ
КАЛМЫЦКОЙ АССР

Ус(Калм)

В 748

24234

**ВОПРОСЫ ГРАММАТИКИ И
ЛЕКСИКОЛОГИИ СОВРЕМЕННОГО
КАЛМЫЦКОГО ЯЗЫКА**

Москва 1976

КАЛМЫЦКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ
КАЛМЫЦКОЙ АССР

ВОПРОСЫ ГРАММАТИКИ И
ЛЕКСИКОЛОГИИ СОВРЕМЕННОГО
КАЛМЫЦКОГО ЯЗЫКА

- 24234 -
44
138
1985

БИБЛИОТЕКА
Калмыцкого научно-
исследовательского
института
ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва 1976

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР канд.филол.наук М.У.Монраев

В сборник включены статьи по малоисследованным
вопросам грамматики и лексикологии современного кал-
мыцкого языка

© Калмыцкий научно-исследовательский институт
языка, литературы и истории

Т.А.Бертагаев – видный советский монголист

12 апреля 1976 г., на 71 году жизни скоропостижно скончался известный ученый, руководитель группы монгольских языков Института языкознания АН СССР, заслуженный деятель науки Бурятской и Калмыцкой АССР, профессор, доктор филологических наук Трофим Алексеевич Бертагаев.

Профессор Т.А.Бертагаев был ученым – филологом широкого диапазона. В его научных трудах освещаются актуальные вопросы грамматики, лексикологии монгольских языков.

В 1935 году т.Бертагаев Т.А. защитил кандидатскую диссертацию по теме "Опыт терминотворчества в бурятском языке". Она является одним из первых научных исследований по терминологии монгольских языков. Это исследование свидетельствует о напряженных поисках молодого ученого в разработке вопросов терминологии. Главные положения этого исследования легли в основу развития терминологического дела в современном бурятском языке.

Плодотворная научная деятельность Т.А.Бертагаева в области сравнительного исследования монгольских языков началась с 1953 г., когда он был переведен в Институт языкознания для руководства группой монгольских языков. Группой он руководил беспрерывно более 20 лет. За эти годы им выпущено в свет большое количество книг и статей на самые различные темы монгольской филологии. Об этом говорят исследования ученого. "Синтаксис современного монгольского языка. Простое предложение", вышедший из печати в 1969 году, представляет собой многолетний опыт специального изучения основных вопросов простого предложения современного монгольского языка. Исследуя в сравнительном плане характерные особенности простого предложения монгольских языков, автор приходит к выводу, что они являются результатом тех сдвигов, которые произошли на разных ступенях всей системы языка в целом.

Основные вопросы синтаксиса - связь слов, типы предложений, главные и второстепенные члены предложения, деепричастные обороты и др., рассматриваются по-другому, чем это было принято в монголистике. В этом исследовании с иных позиций освещается ряд общелингвистических положений, относящихся к предложению, к его членам и принципам классификации членов предложения.

Для монголистов представляет большой интерес исследование Т.А.Бертагаева "Морфологическая структура слова в монгольских языках", вышедшее из печати в 1969 году. В нем дается описание строения слова в языках и диалектах монгольской группы и характеристика общемонгольских словообразовательных и грамматических аффиксов /их структура, значения, функции/.

В исследовании по-новому решаются проблемы типологии агглютинативных и флективных языков, морфологической природы алтайской группы языков. Автор на многочисленных примерах доказывает, что алтайские языки не относятся к чисто агглютинативным, а в них фактически агглютинация, аналитизм и флексия переплетаются.

Необходимо отметить, что исследование лексики монгольских языков находилось в центре внимания ученого, ибо вопросы развития лексики монгольских языков от древнейших времен до наших дней не получили в научной литературе полного и всестороннего освещения. По этой теме он в 1948 году защитил докторскую диссертацию. В 1974 году Т.А.Бертагаев выпустил капитальный труд "Лексика современных монгольских литературных языков" /на материале монгольского и бурятского языков/.

На большом фактическом материале прослеживается развитие лексики, анализируется роль заимствований и влияние их на современные монгольские языки. В этой работе слово рассматривается не как произносительный знак, а как исторически сложившееся единство структурных элементов при ведущей роли семантики и его развитие по внутренним законам. Автор подчеркивает, что "За небольшой исторический отрезок времени лексико-семантическая основа

МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ ДОСТИГЛА УРОВНЯ КУЛЬТУРНЫХ И РАЗВИТЫХ ЯЗЫКОВ СОВРЕМЕННОСТИ И ОБРЕЛА НОВОЕ КАЧЕСТВО. НЕ СЛУЧАЙНО МНОГИЕ МОНГОЛОВЕДЫ ЗА РУБЕЖОМ, ЗНАТОКИ СТАРОГО МОНГОЛЬСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА, НЕ УСПЕВШИЕ ЕЩЕ ОСВОИТЬ НОВЫЙ ЯЗЫК, ЖАЛУЮТСЯ НА ЕГО НЕДОСТУПНОСТЬ ИМ" /стр.5/.

В монографии подчеркивается, что знаменательным явлением в развитии лексики монгольских языков в те годы явилось заимствование слов из русского языка. Это были в основном советизмы – русские неологизмы революционной эпохи, и особенно их структурно-семантические модели и кальки. Так, например, в бурятском литературном языке преобладает заимствования, проникшие в язык благодаря двуязычию бурятской интеллигенции и в какой-то мере знанию русского языка общей массой бурятского населения /ср. русск. совет – бурят. совет, русск. колхоз – бурят. колхоз, русск. нация – бурят. наций и т.д./.

Научно-исследовательская работа по филологии монгольских языков у Т.А.Бертагаева всегда сочеталась с преподаванием различных курсов по русскому языку в педагогических институтах в г.Магнитогорске, им. Доржи Банзарова в Улан-Удэ, им. Н.К.Крупской в Москве и т.д. Разнообразие научных исканий находили отражение в тех лекционных курсах и занятиях.

Будучи ученым с очень широкими научными интересами, Т.А.Бертагаев всегда принимал активное участие в работах многих международных, всесоюзных и региональных совещаний, конференций и симпозиумов. Проф.Т.А.Бертагаевым написано более 150 научных трудов, он редактор целого ряда книг и монографий по монгольским языкам.

Проф. Т.А.Бертагаев, как ученый филолог, оказывает систематическую помощь Калмыцкому научно-исследовательскому институту ЯЛИ в разработке и исследовании актуальных вопросов калмыцкого языкознания. Для этой цели он неоднократно приезжал в столицу нашей республики – Элисту. Выступал с научными статьями на страницах научных трудов института. Является автором раздела "Калмыцкий язык" в монографии "Младописьменные языки народов СССР". В

В ней дает высокую оценку синтаксису калмыцкого языка Д.А.Павлова и У.У.Очирова, изданного в 1941 г. на калмыцком языке. "... определенную научную ценность, - пишет Т.А.Бертагаев, - представляет калмыцкая лингвистическая терминология, впервые систематически разработанная ее авторами. Это несомненный вклад в калмыцкое языкознание, равный по своему значению упомянутой выше первой грамматике калмыцкого языка, составленной А.Поповым" /стр.499/.

Под его непосредственным научным руководством впервые в Калмыкии составляется "Нормативная грамматика калмыцкого языка" в двух частях. Написание второй части этого труда "Синтаксис современного калмыцкого языка" автором Г.Ц.Цорбеевым закончено, обсуждено на заседании группы монгольских языков Института языкознания АН СССР и на заседании сектора калмыцкого языка и диалектологии и подготовлен к печати с предисловием ответственного редактора проф. Т.А.Бертагаева.

Проф.Т.А.Бертагаев имеет большие заслуги в подготовке научных кадров. Многие ученые монголисты Бурятии, Монгольской народной республики, Калмыкии - это ученики Т.А.Бертагаева, прошедшие под его руководством аспирантуру. При этом необходимо отметить о том, как готовил Т.А.Бертагаев к научной работе своих учеников-аспирантов. Главное заключается в том, что он старался с первых же шагов привить начинающим специалистам навыки научной работы, представлял своим ученикам возможность максимального выявления своих способностей. Он никогда не навязывал аспирантам своих научных взглядов и относился с полным уважением к мнению начинающего молодого научного работника.

Большую помощь оказывал проф.Т.А.Бертагаев в подготовке научных кадров по филологии для Калмыцкой республики. За последние годы под его руководством прошли учебу в целевой аспирантуре и защитили кандидатские диссертации 7 человек.

Наши ученые-филологи Ц.-Д.Номинханов, Д.А.Павлов, И.К.Илишкин получали от проф.Т.А.Бертагаева научно-методическую помощь в подготовке и защите докторских диссертаций.

За оказанную помощь в развитии калмыковедения и за непосредственное руководство подготовкой научных кадров - языковедов для республики Президиум Верховного Совета Калмыцкой АССР Указом от 20 октября 1975 г. присвоил почетное звание заслуженного деятеля науки республики доктору филологических наук, профессору Т.А.Бертагаеву.

СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ
ПРОФЕССОРА БЕРТАГАЕВА ТРОФИМА АЛЕКСЕЕВИЧА

I. Книги и статьи

1927. Новые песни бурят-монгольского народа, Бурятоведческий сборник. "Зап. НИИКЭ", Улан-Удэ.

1934. Западно-бурятский диалект на материалах лексики. "Академия наук СССР ак.Н.Я.Марру", М.-Л., АН СССР.

1935. О заимствованных русских словах в разговорном бурятском языке. "Зап.Института культуры", вып. I, Улан-Удэ.

Опыт исследования терминовтвочества в бурятском языке. Тезисы дисс. на степень канд. наук, М., АН СССР.

1936. Заметки лингвиста о хоринском говоре. "Зап. Бур-Монг. НИИЯЛИ", № I, Улан-Удэ, Об орфографии бурят-монгольского языка. Там же.

1941. Аморфное сочетание имен /на материале бурятского, монгольского и русского языков/. "Записки Бур-Монг. НИИЯЛИ", вып. 3-4, Улан-Удэ.

Словарные расхождения бурятских диалектов. "Зап. НИИЯЛИ", Улан-Удэ.

1946. Орос-монгол толь /русско-монгольский словарь/. Бурятоведческий сборник. "Зап. НИИКЭ", Улан-Удэ.

1947. Влияние русского языка на развитие фонетической системы бурят-монгольского языка. Уч. зап. Бур-Монг. пединститута им. Д. Банзарова. Вып. I, Улан-Удэ.

К исследованию сложноподчиненных предложений в бурят-монгольском языке. "Зап. НИИКЭ", вып. 7, Улан-Удэ.

Банзаров как ученый. Блокнот агитатора, №5, Улан-Удэ.

1948. Флексия основ в агглютинативных языках. Сб. трудов по филологии. Вып. I, Улан-Удэ.

О словаре Абашева и Черемисова. Бурятоведческий сборник. "Зап. НИИКЭ", Улан-Удэ.

Влияние русского языка на развитие смысловой системы литературного бурятского языка. "Сб. трудов по филологии", вып. I, Улан-Удэ.

О жанрах языка /на материале русского и бурятского языков/. Там же.

1949. Об устойчивых фразеологических выражениях". Сб. трудов по филологии", вып. II, Улан-Удэ.

О фонетическом и морфологическом оформлении заимствованных слов из русского языка. Ученые записки пед. ин-та. Улан-Удэ.

Об основах образования терминов в бурят-монгольском языке. Там же. О сложноподчиненных предложениях. Сб. "В помощь учителю", Улан-Удэ.

К истории изучения бурят-монгольского языка в советский период. "Зап. НИИКЭ", вып. 9, Улан-Удэ.

1950. Сложноподчиненные предложения с несколькими придаточными и смешанными предложениями. "Зап. НИИК", вып. X.

Несколько замечаний о сложноподчиненных предложениях в бурят-монг. языке. "Записки НИИК", вып. X, Улан-Удэ.

О сложных и некоторых других глагольных образованиях в бурят-монгольском языке. Там же.

1951. К вопросу о внутренних законах развития полисемии. "Известия АН СССР", т. 10, вып. 6.

О качественных прилагательных. "Записки Бурят-монг. НИИК", вып. XII, Улан-Удэ.

Выступления по вопросам бурятского языка. Материалы научной конференции по вопросам бурят-монгольского языка, Улан-Удэ.

1953. К проблеме сложных предложений. "Вопросы языкознания". № IV.

Опыт исследования лексики монгольских языков. Улан-Удэ.

Материалы по селенгинскому говору и фольклору. Улан-Удэ. О фонеме. Отклики на статью С.К.Шаумяна. Проблема Фонем. Известия ОЛЯ, т.ХП, в.4.

Выступление об эпосе ГЭСЭР, Сб.О характере бурятского эпоса Гэсэр. Улан-Удэ.

1954. Бурят-монгол хэлэнэй грамматика. Учебник, Хоёрдохи часть. Улан-Удэ.

О классификации частей речи в монг. языках. В кн.: "Тезисы докладов на открытом расширенном заседании ученого совета, посвященном дискуссии о проблеме частей речи в языках разных типов 28-30 июня 1954г". М.

О русско-бурят-монгольском словаре. "Записки Бурят-Монг. НИИК", вып.ХХ, Улан-Удэ.

Об основных типах аппозитивных сочетаний в русском языке. Труды кафедры русского языка МОПИ.

1956. Падеж основы. "Зап.Бур-Монг.НИИК", вып.22. Проблема классификации частей речи. "Сб.трудов по филологии", вып.2I, Улан-Удэ.

О синтаксических особенностях деепричастных словосочетаний I-ой группы, В сб. "Ак.В.В.Виноградову к его 60-летию". М.

1957. Отграничение сочетаний с приложением от сходных сочетаний. Русский язык в школе., 1957, №I.

О продуктивных и непродуктивных типах сложных существительных в русском языке. Уч.зап. Алма-Ата, пединститут соавт., 1957, т.2.

1958. Об этимологии слов "баргуджин, "баргут" и "тукум". В кн.: "Филология и история монгольских народов". М.

Субъект и подлежащее. "Вопросы языкознания", №5.

К проблеме сложных предложений. Вопросы языкознания, №5.

Выступления о сложных предложениях. "Вопросы грамматики тюркских языков". Алма-Ата.

Роль контекста в употреблении слов в языке художественных произведений, т.П.

Калмыцкий язык. Младописьменные языки народов СССР. М., АН СССР.

Роль русского языка в развитии словарного состава языков народов СССР. Вопросы терминологии, Соавт. М.

1960. К сравнительно-историческому изучению лексики монгольских языков. М.

Словарный состав в живой речи и его дифференциальные группы. "Краткие сообщения Бурятского КНИИ", вып. 2, Улан-Удэ.

О синонимии фразеологических сочетаний в современном русском языке. Русский язык в школе, №3, соавт. Выступления по докладу А.А.Реформатского. Вопросы терминологии, М.

О структуре сложных предложений в монгольских языках. "Проблемы востоковедения", №4.

1961. К исследованию лексики монгольских языков /Опыт сравнительно-статистического исследования лексики бурятских говоров/. Улан-Удэ.

Грамматика бурятского языка. Синтаксис. М.

О морфологическом строе бурятского языка. М., АН СССР.

О спорных вопросах грамматики /на материале монг.яз./ Сб. "Вопросы составления описательных грамматик". М., АН СССР.

1962. Союзы. *Studia Mongolica*. Улан-Батор, т. IV, 1-7.

Чередование фонем и сингармонизм в агглютинативных языках. В кн.: Понятие агглютинации и агглютинативного типа языков". Л.

1963. О границах слова /на материале монгольских языков/. В кн.: "Морфологическая структура слова в языках различных типов" М.-Л.

Лексические критерии определения языковых подразделений.

Вопросы диалектологии тюркских языков. Баку, т. III.

Выступления по докладам М. III. Рагимова и др. "Вопросы диалектологии тюркских языков". Баку, т. III.

Выступления по докладу Е.И.Убратовой. Там же.

Сочетание слов и аналитическая конструкция. Тезисы, Л. Аналитическая конструкция в языках различных типов. Л. Выступление по докладу "Русский язык и советское общество". Сб. "Вопросы развития литературных языков народов СССР".

Выступления по докладу Н.А.Баскакова и др. "О современном состоянии и путях дальнейшего развития тюркских языков". Там же.

Дифференциальные группы слов в бурятских говорах. Краткие сообщения бурятского комплексного Института при Сиб. филиале АН СССР, Улан-Удэ.

1964. Синтаксис современного монгольского языка в сравнительном освещении. Простое предложение. М., Наука. Ведущий диалект койне и литературный язык. /доклад./ Сб. "Развитие литературных языков народов Сибири". Улан-Удэ. О суффиксах -тан, -та и др. "Записки калм.НИИЯЛИ", вып.3. Элста.

1965. Сочетание слов и аналитическая конструкция. Сб. "Аналитическая конструкция в языках различных типов". Чередование фонем и сингармонизм в агглютинативных языках. Сб. "Морфологическая типология и проблемы классификации языков". М., Наука.

О типологическом методе. Сб. "Лингвистическая типология и восточные языки". М., Наука.

К генезису некоторых падежей в монгольских языках. "Краткие сообщения института народов Азии", вып.83, М., Наука. Рецензия на "Грамматику нивхского языка" в двух частях. В.З.Панфилова. "Известия языка и литературы АН СССР", М., Наука.

1968. Сингармонизм, ударение и изменение звукового состава слова. "Вопросы языкознания". М., Наука.

№ 2, 2106-III.

Следы эргативного строя в монгольских языках. Эргативный строй в разных языках. Наука.

Бурятский язык. В книге "Языки народов СССР", т.5.

Роль социологических факторов в развитии языка. В кн. Язык и общество. М.

О комплексной характеристике частей речи. Вопросы теории частей речи. Л.

1969. О взаимоотношении языков. В кн.: Взаимовлияние и взаимодействия языков народов СССР".

По поводу одного названия цвета в монгольских языках. Будапешт-Венгрия. Сб., посвященный к монголистической конференции в Улан-Баторе. Билингвизм, типы и виды его употребления. М., Наука /тезисы/.

Морфологическая структура слова в монгольских языках. М., Наука,

Бурятский язык. "Языки народов СССР", М., Наука, 5 том.

Введение /о монгольских языках/. Там же.

Введение /о современных монгольских языках в СССР/. Сб. "Закономерности развития литературных языков СССР". М., Наука.

Развитие и обогащение русского языка за счет заимствований из языков народов СССР /соавт./ М., Наука.

О выпадении инициативных звуков в монголо-тюркских языках. Наука. Сб. посвященный Н.К.Дмитриеву.

Сочетание слов и современная терминология. М., Наука.

О развитии литературных языков монголоязычных народов Советского Союза. "Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху".

К вопросу о взаимовлиянии языков /о монголизмах и двуязычии/. Взаимодействия и взаимообогащение языков народов СССР.

1970. Об этнонимах "бурят" и "курикан". "Этнонимы", М. Об этнонимах керумчин. Там же.

Антонимия слова и антонимия фразеологизмов. Труды Самар-

кандского гос.ун-та, вып.178.

On the etymology of a colour name in Mongolian.
Mongolian studies, Будапешт.

1971. Количественное чередование гласных и аблаут в монгольских языках.

"Вопросы языкознания". № 6.

Об аблауте в некоторых этимологических наблюдениях в алтайских языках. В кн.:

"Структура и история тюркских языков", М.

Внутренняя реконструкция и этимология слов в алтайских языках. В кн.:

"Проблема общности алтайских языков".

1972. О союзе и союзных словах в монгольском языке.
Studia Mongolica. Улан-Батор.

Биллингвизм и его разновидности в системе употребления.

В кн.: "Проблемы двуязычия и многоязычия", М.

О сегментации или о членении предложения. В кн.: "Члены предложения в языках различных типов". М.

О монголизмах в русском языке. Материалы II Международного конгресса монголоведов. Улан-Батор.

1973. Об унификации и интеграции родственных языков. Международный конгресс социологов в Варне.

О терминах кан - хан - каган в монгольских языках. "Проблемы алтаистики и монголоведения", Элиста.

1974. Лексика новых национальных языков /на материале монгольских языков/, М., Наука.

Внутренняя реконструкция и этимология слов в монгольских языках.

К этимологии некоторых слов в монгольских языках. В кн.: "Исследования по восточной филологии". М.

Культовое значение корневого слова "От-ут". "Советская этнография", № 2.

О соотносительности некоторых глаголов в тюркских и монгольских языках. "Висбаден".

1975. *On some common Seman-Researches tis indices of root ele-in altais ments in the altais Languages.* Будапешт

Предисловие к книге А.А.Дарбеевой "Развитие общественных функций монгольских языков", М.

Космогонические представления в мифологии монгольских племен. Сб. "Историко-филологические исследования, посвященные ак.Н.Конраду", М.

On some semantis indices of root elements in the altais Languages. Researches in altais Languages. Будапешт

II. Рукописи /неопубликованные работы/

1958. Орфоэпия бурятского языка.

1961. О типах сочетаний слов в монгольских языках.

1962. Выступление на совещании по вопросам синтаксиса русского языка, созванной МГУ в 1962.

Об унгинской версии эпоса Гэсэр, изданного Ц.Галсановым. К этно-лингвистическим исследованиям наименований древних племен Прибайкалья.

О монгольских этнонимо-антропологических показателях.

III. Редакторская работа

1962. Грамматика бурятского языка, т. I, Фонетика и морфология. М.

"Грамматика бурятского языка", Синтаксис. М.

1965. Редактор лингвистических исследований С.Ш. Шагдарова, Улан-Удэ.

А.А.Дарбеева. "Развитие общественных функций монгольских языков в советскую эпоху".

1970. Г.Ц.Пурбеев. "Глагольная фразеология монгольских языков", М.

1972. Редактор исследований доктора филологических наук Ц.Д.Номинханова "Тюрко-монгольские языковые параллели".

Г.Ц.Пурбеев "Калмыцко-русский фразеологический словарь", Элиста.

Предисловие и редактор работы А.А.Дарбеевой "Развитие изолированных диалектов в условиях двуязычия". /на материале монгольских языков/ - в печати.

Предисловие и редактор работы Г.Ц.Пурбеева "Синтаксис калмыцкого языка". /в печати/.

ГРАММАТИКА

-24234-

БИБЛИОТЕКА
Калмыцкого научно-
исследовательского
ИНСТИТУТА
истории, языка и литературы

О системе склонения имен существительных
в калмыцком языке

Склонение в калмыцком языке, как стройная грамматическая система, первое свое научное освещение получило в "Грамматике калмыцкого языка" проф. А. Попова, изданной в Казани в 1847 году, и в "Монгольско-калмыцкой грамматике" проф. А. Бобровникова, также изданной в Казани в 1849 году.

Капитальный труд А. Попова, классическая грамматика А. Бобровникова со всей полнотой раскрывают систему склонения старописьменного калмыцкого языка и освещают наметившееся его развитие в живом языке калмыков в середине XIX века.

А. Попов, касаясь склонения имен существительных, разбил их на три группы¹. К первому склонению, — пишет А. Попов, — относятся имена, кончающиеся на гласные и дугласные /дифтонги/: аха "старший брат", эка "мать", моной "змея", буу "ружье", деу "младший брат", үгэ "слово". Ко второму склонению относятся имена, кончающиеся на согласный н: за:н "слон", модун "дерево", шубуун "птица", морин "лошадь". К третьему склонению относятся имена, кончающиеся на согласные б, с, т, д, л, м, г, р, н: кэб "форма", барс "барс", болод "сталь", эд "вещи", харуул "караул", хурим "пир", цаг "время", нуур "озеро", жирхалаң "наслаждение"².

Переходя к вопросу о категории числа, А. Попов последовательно рассматривает его, называя показатели множественного числа наращениями. Он отмечает, что имена пер-

1. Все примеры даны в транскрипции как в источнике. Знаком /:/ обозначается долгота гласных, передававшаяся в старокалмыцком письменном языке черточкой сзади буквы.

2. А. П о п о в. Грамматика калмыцкого языка. Казань, 1847, стр. 43-45.

вого склонения во множественном числе получают наращения -нар, -нэр, -с: аханар "старшие братья", эмэс "женщины", үгэс "слова", моһос "змея", һахас "свиньи". Имена второго склонения получают во множественном числе наращения: -д, -т: морид "лошади", за:д "слоны", модуд "деревья", шубууд "птицы". Далее он отмечает, что слова с конечными чи, р тоже получают наращения -д, -т: заһасучи-заһасучид "рыболовы", эмчи-эмчид "врачи", күсэгчи-күсэгчид "желающие", һазар-һазад "земли", некөр-некөд "друзья".

Касаясь слов с конечными -сун, -сун, А.Попов указывает, что в словах данного типа во множественном числе выпадают эти конечные слоги и присоединяются аффиксы множественности -д, или -т: хубцасун-хубцад "одежды", балһасун-балһад "города", гөрө:сун - гөрө:д "звери", килһасун-килһад "конский волос". Далее говорится, что имена третьего склонения во множественном числе получают наращения -ууд, -ууд, но большей частью -ноһоуд ~ негөүд: барс-барсууд ~ барс ноһоуд "тигры", эмүүд ~ эм негөүд "лекарства", цэцэг-цэцэгүүд ~ цэцэг негөүд "цветы".

Допускаются наращения аффикса ноһоуд и в словах с конечным н: кэбөүн-кэбөүд ~ кэбөүн негөүд "сыновья". Отмечается аффикс множественности -чууд: моңголчууд "монголы", байачууд "богачи". Затем указывается, что все имена во множественном числе склоняются по третьему склонению.

А.Попов приводит следующие падежи: именительный, родительный, отделительный /исходный/, дательный, винительный, звательный, творительный, инструментальный, совокупительный.

Как видно из изложенного, классификацию имен по трем группам склонения А.Попов произвел, исходя из звукового состава слов в их конечных позициях, и связал аффиксы множественного числа с той или иной группой склонения.

Кроме указанных выше типов склонения, А.Попов отмечает наличие склонений с различными притяжениями.

А.Бобровников в отличие от А.Попова, не подразделяет

имена на три группы склонения. Он сразу перечисляет семь падежей: именительный, родительный, винительный, исходный, местный, творительный и соединительный. К последнему отнесены также имена существительные с аффиксами -тай, -тэй. Затем в разрезе каждого падежа классифицируются имена для склонения и даются они по своему типу отдельными параграфами. Так, к одной группе склонения отнесены, как пишет А. Бобровников, — имена, кончающиеся на краткие гласные: эчигэ "отец", экэ "мать"; к другой группе — имена, кончающиеся на долгую гласную с мягким предыханием /т.е. с конечными дифтонгами Д.П./: далай "море", абай "дедушка", к третьей — имена, кончающиеся на долгие гласные: то: "число", муу "плохой", к четвертой — имена, кончающиеся на н: наран "солнце", үнэи "истина", к пятой — имена, кончающиеся на прочие согласные: һал "огонь", гэр "дом", улус "народ", арсалаң "лев"¹.

Как видно из этой классификации, А. Бобровников хотя и не называет их отдельными группами склонения, но фактически разбивает имена по типам их склонения, однако уже на пять основных групп.

Далее А. Бобровников отмечает притяжательные частицы, которые наращиваются к тем или иным падежным окончаниям. Приводятся примеры склонения имен с возвратными частицами -сэ:н, Һэ:н, развившимися в -а:н, -э:н².

Касаясь аффиксов множественного числа, А. Бобровников отмечает, что показатели множественного числа не имеют никакого отношения к типам склонения имен существительных, с чем трудно согласиться.

В 1915 году проф. В. Л. Котвич издал "Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка", а в 1929 году переиздал ее.

---

1. А. Бобровников. Монгольско-калмыцкая грамматика. Казань, 1849, стр. 88-100.

2. Там же, стр. 101-105.

В этой грамматике В.Л.Котвич различает четыре типа склонения: простое, двойное, лично-притяжательное и возвратное.

Простой формой склонения В.Л.Котвич считает обычную форму склонения, когда к основе слова присоединяется падежный аффикс. Он называет аффикс приставкой. Двойным склонением считает такое склонение, когда "появляются рядом приставки двух падежей"¹. Лично-притяжательным называется такое склонение, когда "личные притяжания ставятся после форм всех падежей"². Возвратное склонение — это такое склонение, когда "притяжание возвратное -а:н -э:н также ставится после приставок падежей, сливаясь с ним в одно целое"³.

Простую форму склонения имен В.Л.Котвич, в свою очередь, подразделяет на четыре группы склонения.

К первой группе простого склонения относятся, как он пишет, слова, оканчивающиеся на согласные, кроме н: аң "зверь", тоб "пушка", бичик "письмо". Ко второй группе — слова, оканчивающиеся на краткие гласные: ха:лһа "дорога", экэ "мать", үддү "сабля". К третьей группе относятся слова, оканчивающиеся на долгие гласные: то: "число", те: "пядь", залуу "юноша". К четвертой группе — слова, оканчивающиеся на согласный н: тэргэн "телега", йуун "что", куун "человек". Кроме того, он выделяет пятую группу, куда относит склонение некоторых категорий местоимений, отличающихся своими парадигмами от указанных выше групп склонения.

В.Л.Котвич различает десять падежей: именительный /неоформленный/, звательный, родительный, дательный,

---

1. В.Л. К о т в и ч. Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка, Петроград, 1915, стр.82.

2. Там же, стр. 85.

3. Там же, стр. 87-88.

винительный, исходный, творительный, соединительный /две формы/, направительный и предельный.

Вопрос о классификации имен существительных по типам склонения в последнее время был предметом неоднократно-го обсуждения. Широкое развитие народного образования после Великого Октября, обучение родному языку сначала в начальной, затем - в неполной средней и средней школах потребовали и уточнения системы склонения современного калмыцкого литературного языка, нормализации ее и унификации терминологии.

Калмыцкие ученые, в частности Б.Б.Бадмаев, в соавторстве с проф.Б.К.Пашковым создает первые учебники для начальной школы.

В 1933 году Б.Б.Бадмаев и проф.Б.К.Пашков издает "Грамматику калмыцкого языка для 3,4,5 классов". В этом учебнике имена существительные подразделены на четыре группы склонения: первая группа - слова с конечными согласными /һар "руки", гер "дом"/, вторая группа - односложные слова /зо "спина", су "подмышки"/, третья группа - двух и более сложные слова с конечными гласными /ноха "собака", дөрө "стремя"/, четвертая группа - слова с конечным н /һасн "столб", терги "телега".

Перу Б.Б.Бадмаева принадлежат учебники по морфологии калмыцкого языка и для восьмилетней школы и вуза.

В 1939 году Б.Б.Бадмаев издал первый стабильный учебник на родном языке для 5-7 классов. В этом учебнике имена существительные подразделены на четыре типа склонения: простое, двойное, возвратное и лично-притяжательное.

Простое склонение в свою очередь включает шесть групп склонения. К первой группе простого склонения, по мнению Б.Б.Бадмаева, относятся слова, оканчивающиеся на согласные, за исключением н: һар "рука", бүс "ремень", мал "скот", беш "печь", арат "лисица", кеэрг "мех", болд "сталь". Сюда же отнесены слова типа бахн "столб", бөкүн "комар", батхн "муха", курн "хорек" и др. Ко второй группе отнесены односложные слова с открытым слогом: зо "спина", бу "ружье", се "ночь", то "число". К третьей

группе - двух и многосложные слова, оканчивающиеся на гласные: хаха "свинья", доре "стрема", ноха "собака", цаха "рак". К четвертой группе - слова, оканчивающиеся на н: с предшествующим согласным: һосн "сапоги", мөрн "лошадь". К пятой группе - слова, оканчивающиеся на н с предшествующим гласным: яман "коза", темән "верблюд". И, наконец, к шестой группе - слова, оканчивающиеся на н ац "зверь", арздн "лев".

В учебнике даются 10 падежей: именительный, родительный, дательный, винительный, творительный, соединительный, совместный, исходный, направительный и предельный.

В 1940 году вышел четвертым изданием учебник Б. Бадмаева для 3-го класса, где имена существительные простого склонения подразделены на три группы склонения. Перечисляются десять падежей под таким же названием, в таком же порядке, как в его учебнике для 5-7 кл.

В этом же году вышла "Грамматика калмыцкого языка" проф. Г.Д. Санжеева. В этой грамматике указываются следующие десять падежей: именительный, родительный, винительный, дательно-местный, орудный, соединительный, совместный, исходный, направительный, предельный. Далее дается сводная таблица склонения, где в основу классификации положены конечные звуки основы слова. Исходя из этого, имена существительные подразделены на следующие пять групп: слова, оканчивающиеся на: а/долгий гласный в односложных словах; б/долгий гласный в неогосложных словах; в/согласный н; г/согласный н; д/любой согласный, кроме н и н, или редуцированный гласный.

Затем приводятся другие типы склонения под названиями: личное и безличное склонение, возвратное склонение, двойное склонение.

В 1940 году пишущим эти строки была издана "Правда калмыцкой орфографии", где имена существительные подразделены на три группы склонения. Первая группа - слова, с конечным неустойчивым н, вторая группа - слова с конеч-

ными согласными, третья группа – слова, с конечными гласными.

В 1958 году Б.Б.Бадмаев в соавторстве с проф. Б.К.Пашковым издает учебник калмыцкого языка для 4 класса, где даются три группы склонений. Классификация имен существительных по группам склонения произведена так же, как в нашей указанной работе.

В 1959 году Б.Б.Бадмаев переиздает "Граматику калмыцкого языка" для 5–6 классов. Здесь уже дается семь групп склонений. В самостоятельную группу склонения выделены слова с конечным неясным гласным типа бахн "столб", курн "хорек".

В переизданном в последующие годы в соавторстве с А.Ченкалиевой учебнике калмыцкого языка для 5–6 классов Б.Б.Бадмаев делит имена существительные уже на три группы склонения. К первой группе склонения отнесены слова с конечными согласными, ко второй группе – слова с конечным неустойчивым н, к третьей – слова с конечным гласным.

В 1966 году Б.Б.Бадмаев издал "Граматику калмыцкого языка" (Морфология) в качестве учебного пособия для вуза. В этой работе имена существительные подразделены на три группы простого склонения. К первой группе отнесены слова с конечным согласным, ко второй – слова с конечным н, к третьей – слова с конечным гласным. Перечисляются девять падежей: именительный, родительный, дательно-местный, винительный, творительный, соединительный, совместный, исходный и направительный.

Кроме простого склонения, даются двойное, возвратное и лично-притяжательное склонения.

В 1974 году Н.Н.Убушаев в соавторстве с Д.С.Дармаевой и А.Б.Чудутовой издает грамматику калмыцкого языка для 3 класса. В этом учебнике даются три типа простого склонения. К первому типу относятся слова с конечным согласным, ко второму типу – слова с конечным неустойчивым н, к третьему типу – слова с конечным гласным. Кроме того, выделяется в особый тип склонение заимствованных слов.

Приведенные выше данные позволяют сделать следующие выводы:

1. Ученые, занимавшиеся калмыцким языком в советское время, имели своих предшественников в лице профессоров А. Попова, А. Бобровникова и В. Л. Котвича, капитальные труды которых до сих пор не потеряли своего научного значения и в области системы склонения калмыцкого языка.

2. Б. Б. Бадмаев, первый калмыцкий профессор, внесший значительный вклад в разработку грамматической системы современного калмыцкого языка, как видно из его работ, полностью придерживался системы склонения, изложенной в грамматике В. Л. Котвича, а именно — выделения 4-х типов склонения: простого, двойного, возвратного и лично-притяжательного.

Б. Б. Бадмаев, как и В. Л. Котвич, приводит сначала десять падежей. Но в отличие от В. Л. Котвича соединительный падеж с аффиксом -та, -те называет совместным падежом, опускает звательный, а в дальнейшем и предельный падеж.

3. В настоящее время продолжает существовать разнобой в классификации простого склонения по типам: одни авторы делят простое склонение на три группы, другие на четыре-пять, а третьи — до семи. При этом одно количество склонений указывается в учебниках для начальной школы, другое — для средней школы, третье — для вуза. Одни авторы относят к первой группе простого склонения слова с конечным согласным, другие — с конечным неустойчивым н, третьи — с конечным гласным. Примеры, приводимые по тем или иным типам склонения, зачастую не убедительны и не служат образцом.

Все это свидетельствует о том, что вопрос о нормализации системы склонения в грамматике современного калмыцкого языка полностью еще не решен, и такое положение в дальнейшем не допустимо.

В связи с подготовкой к изданию нормативной грамматики современного калмыцкого литературного языка и задачи преподавания калмыцкого языка в Калмыцком государственном университете со всей остротой встал вопрос об

обеспечении преемственности в прохождении программы по калмыцкому языку между средней школой и вузом, с одной стороны, и об устранении имеющегося разнобоя в освещении тех или иных грамматических понятий, — с другой.

Все это, в свою очередь, потребовало пересмотра программы калмыцкого языка для начальной и средней школы, уточнения существующих грамматических терминов, дальнейшей разработки целого ряда курсов по современному калмыцкому языку, приведения в определенную последовательную систему грамматических категорий, в том числе и нормализации системы склонения калмыцкого языка.

Склонение, как известно, является одним из основных морфологических признаков имени существительного.

В калмыцком, как и во многих других языках, существуют различные типы и разновидности склонения. Классификация слов по типам склонения зависит от качества конечного звука основы и состава гласных в слове. Основа слова является морфологически общей для единственного и множественного числа, т.е. при склонении употребляются те же самые падежные аффиксы, но они имеют фонетические варианты в зависимости от качества гласных основы слова.

Выделение трех типов склонения произведено нами на основе группировки слов по составу гласных и качеству конечного звука основы слова, а также особенностей падежных форм, т.е. единичности окончаний, которые получают при изменении по падежам и числам слова данного склонения.

Предлагаемая система склонения калмыцкого языка такова: 1. Первое склонение /негдгч киисклйн/ — слова с конечным н, типа: яман "коза", темэн "верблюд", һосн "сапоги", мерн "конь". 2. Второе склонение /хойрдгч киисклйн/ — слова с конечным согласным, в том числе с конечным неясным гласным типа: һар "рука", кэл "нога", унг "корень", худг "колодец", чон "волк", бахн "столб", үй "период", толь "словарь", аң "зверь", кең "вата".

3. Третье склонение /һурвдгч киисклһн/ - слова с конечным ясным гласным, типа: така "курица", шире "стол", то "число", ду "младший брат".

К аффиксам падежей этих склонений могут присоединяться еще возвратные, лично-притяжательные частицы и аффиксы косвенных падежей. Склонения с указанными показателями для удобства названы так:

1. Склонение с двойным падежом /давхр киисквртэ киисклһн/;

2. Склонение с возвратной частицей /эврэ хувсте киисклһн/.

3. Склонение с лично-притяжательной частицей /бий хувсте киисклһн/.

Таким образом, устраняется разнобой в классификации склонения по типам, и, как в русском языке, склонения обозначаются порядковыми номерами I, II, III. Эти склонения охватывают все имена существительные калмыцкого языка.

В калмыцком языке нет категории рода. Поэтому при отнесении слова к тому или иному типу склонения учтено не звуковое окончание слова, а состав и качество конечного звука основы слова. В связи с этим принято в оборот старинное калмыцкое слово эцус "конец", үгин эцус "конец слова", а слово чылгч "окончание" сохраняется в значении аффикса в учебниках для начальной школы.

Большое значение имеет подбор примерных слов по типам склонения. Слова калмыцкого языка в инициальной форме являются графически очень наглядными и имеют фонетическое соответствие с произношением. Исключение составляют слова с конечными неясными гласными. Эти слова относятся ко II склонению. Поэтому классификация слов по типам склонения не вызывает затруднения. Однако, слова образующие разновидности того или иного склонения, нельзя выделять в особый тип склонения. Эти слова должны включаться в соответствующий тип склонения. Разновидности по падежам незначительны, и они указаны в парадигмах склонения в скобках.

Определение порядкового номера склонений является, в целом, условным. Но нам кажется, что нельзя допускать безразличия и к этому вопросу. Здесь должна сложиться определенная традиция, обоснованная необходимостью, отвечающая дидактическим требованиям.

К I-му склонению отнесены слова с конечным н неспроста. Это вызвано двумя причинами: во-первых, падежные аффиксы слов с конечным н полностью дублируют падежные аффиксы вопроса ин? "что?" Это намного облегчает усвоение учащимися аффиксов падежа, например, р.п. - юна? - ямана, д.п. - вунд? - яманд, в.п. - юг? - ямаг, т.п. - юнар? - яманар, с.п. - юнда? - яманд, н.п. - юнур? - яманур и т.д. Во-вторых, слова с конечным н имеют во множественном числе обычно один аффикс множественности -д: яман-яманд "kozy", мерн-мерд "лошади".

Изучив сначала этот тип склонения, легче перейти к другим типам, где наличествует многообразие падежных аффиксов и показателей множественного числа. Здесь последовательно применяется дидактический принцип - от известного к неизвестному, от простого к сложному.

В словах, относящихся к первому склонению, конечный н графически и фонетически не имеет различий, т.е. написание соответствует произношению. В словах данного типа конечный н является неустойчивым. В некоторых косвенных падежах этот согласный выпадает.

Что касается слов, относимых ко второму склонению, то здесь, как было сказано, наряду со словами, где графическое начертание конечных звуков основы слова совпадает с произношением, имеются слова, где графическое начертание конечной позиции слова не совпадает с произношением, например: нар "рука", кел "нога", но угъ "слово", бахъ "столб", ахъ "старший брат", эмъ "мать", толъ "зеркало". Такое явление объясняется редукцией кратких гласных непервых слогов слова. Редуцированные, или неясные, гласные на письме не обозначаются. Поэтому при отнесении слов с конечным неясным гласным ко второму склонению следует учитывать не только графическое начер-

тание конечного звука основы слова, но и произношение слова в целом, особенно в его конечной позиции.

Редукция кратких гласных непервых слогов слова вызвала переход слов из одного склонения в другое. Слова с конечными краткими гласными ранее склонялись по группе слов с конечными гласными вообще. Теперь же слова с конечными неясными гласными склоняются по типу слов с конечными согласными основы. Поэтому наибольшее количество морфологических особенностей имеет II-е склонение.

Касаясь аффиксов множественного числа слов, относящихся ко II-му склонению, следует отметить, что здесь встречается аффикс множественного числа -с. Данный аффикс множественного числа имеется в двух - и многосложных словах с конечным неясным гласным в основе: бахис "столб", шалс "косы", но үгмуд "слова", үгмуд "суставы".

К третьему склонению, как указано выше, отнесены только те слова, которые имеют в конце своей основы ясные гласные. Такое разграничение имеет существенное значение при отнесении слов с конечными гласными к тому или иному типу склонения: слова с конечными ясными гласными относятся к III-му склонению, а с конечными неясными гласными ко II-му склонению. Все ясные гласные непервых слогов исторически восходят к долгим гласным или дифтонгам.

Слова III-его склонения, как правило, получают аффикс множественности -с: такас "курицы", дерес "стремена".

Основной причиной, вызвавшей перегруппировку слов в типах склонения в калмыцком языке явилась редукция кратких гласных непервых слогов, развитие дифтонгов в монографии, а долгих гласных в соответствующие краткие гласные фонемы в определенной позиции слова. В древнерусском языке типы склонения строились по последним звукам исторических основ, но затем произошло переформливание склонений: существительные объединились в склонении по признаку грамматического рода. Категория рода оказалась ведущим принципом, лежащим в основе образования типов склонения в русском языке.

При группировке слов по типам склонения в калмыцком языке учитывались следующие закономерности:

1/ Закон гармонии гласных, т.е. сингармонизм. В соответствии с этим законом падежные аффиксы, присоединяемые к тем или иным словам, имеют не морфологические, а фонетические варианты. Твердорядные слова имеют аффиксы с твердым составом гласных, а мягкорядные слова — аффиксы с мягким составом гласных: һарар "рукой", такаһур "к курице", но герер "домом", төгәһур "к колесу".

2/ С появлением в калмыцком языке палатализованных согласных как особых фонем, различение основы имен существительных производится, как и в русском языке, по конечному твердому или мягкому согласному основы слов. Так, слова с твердорядными гласными, но с конечным л, н, т, д в родительном, винительном падежах получают аффикс с гласным н: һал "огонь", р.п. — һалын, хотын "пищи", в.п. одыг "звезду", ханыг "стену". Но, если указанные согласные будут мягкими в отмеченной позиции слова, то в этих падежах — аффикс -ин, -иг, а в творительном, исходном и направительном падежах аффикс имеет начальный я или ю, например: толь "словарь", р.п. — толин, в.п. толиг, т.п. — толяр, исх.п. — толяс, н.п. — толор и т.д.

В калмыцком языке склоняются все слова как в единственном, так и во множественном числах. Нет несклоняемых слов. Но есть слова, которые не имеют множественного числа, например: слова типа мал "скот", и производные слова на -ан/-ән: марһан "пари", дерлән "соревнование". Вошедшие в калмыцкий язык из русского и через русский язык так называемые несклоняемые слова, а также слова, имеющие только единственное или только множественное число, полностью подчиняются законам калмыцкого словоизменения и словообразования. Такое явление объясняется тем, что при заимствовании иноязычных слов отбрасываются безударные родовые окончания и аффиксы множественного числа. Отсюда: час "часы", каникул "каникулы", обществ "общество", студенчеств "студенчество", но депё, пальтё,

кашнэ, Москва. К этим и подобным им словам присоединяются аффиксы калмыцкого языка в общем порядке.

При склонении имен существительных по падежам обычно ставятся, как и в русском языке, вопросы кен? "кто?", юн? "что?". Разница в постановке этих вопросов по сравнению с русским языком заключается в том, что вопрос кен? ставится к именам существительным, обозначающим только человека, иначе говоря, разумное существо, а ко всем остальным одушевленным и неодушевленным предметам ставится вопрос юн?

Имена существительные калмыцкого языка, как известно, имеют категорию падежа. Категория падежа в монгольских языках является словоизменяющей категорией.

Имена существительные, принимая падежные формы, вступает в предложении в синтаксическую связь с другими словами. Падежные формы при склонении обычно различаются аффиксами.

В агглютинативных языках, каким является калмыцкий, в отличие от флективных языков, падежные формы называются аффиксами падежей, и они являются однозначными, т.е. обозначают одну определенную грамматическую категорию, выражая отношение между зависимыми членами сочетания. Следовательно, падеж представляет собой одну из наиболее характерных грамматических категорий имени. Наличием категории падежа имена противостоят глаголам.

Падежная система калмыцкого языка представлена девятью падежами. Они имеют определенные названия: именительный /нерлгч/, родительный /тергч/, дательный /өггч/, винительный /гемнлгч/, творительный /бурдэгч/, соединительный /ниилулгч/, совместный /хамцулгч/, исходный /наргч/, направительный /залгч/.

Кроме этих падежей, в литературе встречаются звательный /дуудгч/ и предельный /тулгч/ падежи. Эти падежи имеют крайне ограниченное употребление и образуются не от любых имен существительных. Звательный падеж представляет собой скорее форму обращения, и конечный слог слова произносится долго и с ударением: Кермэн "ямя" -

Керме:н и Керме:, Доржъ /имя/ - Доржа:, Босхмжъ /имя/ - Босхмжа:. Здесь появляются аффиксы звательного падежа а:, а:. Предельный падеж имеет аффикс -ца/-цә/: шаһаца "по шиколотку", өвдтцә "по колено".

Некоторые падежи могут управляться послелогоми: ду "младший брат" - дүүһин төлэ "ради младшего брата", үдин өмн "перед обедом", гер тал "к дому", ахла хамдан "вместе о братом" и т.д.

Калмыцкий дательный падеж не адекватен русскому дательному падежу. Точнее его называют дательно-местным падежом. Но придерживаясь установившейся традиции мы тоже называли его дательным падежом. Этим падежом обозначается не только косвенный объект, но и лицо, предмет или пункт, по направлению к которому совершается действие, отрезок времени, в течение которого совершается какое-либо действие, место, предмет, учреждение, коллектив, где что-либо находится, пребывает или совершается действие и т.д.

Падежи калмыцкого языка с точки зрения их значения и основной синтаксической функции делятся на две группы: группу падежей с пространственными значениями и группу падежей, не имеющих пространственных значений. Падежи с пространственными значениями - это дательный, исходный и направительный. Они обозначают место и исходный или конечный пункт действия или движения.

Именительный падеж выражается именной основой и является основной или прямой формой имени и по своему значению в предложении противопоставляется всем другим косвенным падежам. Именительный падеж не имеет формальных показателей /аффиксов/ и выступает в нулевой форме /или в форме основы/.

При словоизменении все аффиксы косвенных падежей присоединяются к этой именной основе.

Исключение составляет усеченная или нулевая форма винительного падежа, когда имя может употребляться без аффикса винительного падежа. В этих случаях имена существительные в именительном и винительном падежах имеют

одинаковую или совпадающую основу, а в словах с конечным н выпадают последние: мерн "конь", мэр бэрх "поймать коня", хар "рука", хар боох "привязать руку".

Определенный интерес представляют соединительный и совместный падеж. А. Попов и А. Бобровников рассматривали их как один падеж. Первый называл творительным совокупительным, а второй — соединительным падежом.

Впервые В. Л. Котвич рассмотрел их как самостоятельные два падежа, назвав соединительный I и соединительный II. Б. Б. Бадмаев назвал соединительный II падеж совместным падежом, что больше соответствует истине.

Данный падеж, помимо всего прочего, обозначает объект обладания: мертэ кун "человек, имеющий лошадь", признак субъекта: кучтэ кун "сильный человек". Такая двойственная природа данного падежа, нам кажется, вызвана тем, что омертвевший суффикс прилагательного — т, восходящий к -ту, -ту, в свое время семантически слился с аффиксом -та/-тай/ и -тэ/-тэй/. Теперь происходит отпочкование и образование особого суффикса прилагательного -та, -тэ от падежного аффикса -та, -тэ, составляя с последним омоним. Можно констатировать, что отвлеченные имена существительные с аффиксом -та, -тэ должны рассматриваться как имена прилагательные. Предметные же имена существительные пока сохраняют значение объекта обладания. Поэтому сужается роль совместного падежа.

В калмыцком языке не было направительного падежа. Появление этого падежа, как отмечает Г. Д. Санжеев, связано с переходом послелого уру:/~ ру:/^I в аффикс падежа -ур, -ур/: хол уру → холур "к реке". С образованием этого падежа часть функции дательного-местного падежа перешла к направительному падежу, и сузилось употребление послелога тал: гер тал "к дому", а теперь больше говорят: герур "к дому".

Известный интерес представляет также склонение слов с конечным н. В историческом прошлом слова с конечным н

Г. Д. Санжеев. Сравнительная грамматика монгольских языков. М., 1953, стр. 35.

в родительном падеже имели аффикс -и. Кроме того, встречались аффиксы -ай, -эй. Последние в современном калмыцком языке развились соответственно в аффиксы -а, -э. Эти аффиксы, в свою очередь, получили двоякое семантическое развитие: с одной стороны, они сохранились как аффиксы родительного падежа в словах с конечным н, а с другой стороны, они развились в суффикс относительно прилагательного от слов с конечным согласным: черг "войско" - чергэ "военный, войсковой". Аффикс родительного падежа -и развился в суффикс, образующий относительное прилагательное от слов с конечным н: зурки "сердце" - зуркини "сердечный", дарани "очередной".

Остановившись вкратце на некоторых падежах, представляющих интерес в плане их исторического развития, приводим в обобщенном виде парадигму склонений.

В приведенной ниже таблице склонений очень четко вырисовывается различие аффиксов по типам склонения.

Падежи:	Склонения					Аффиксы
	I	II	III	IV	V	
	яман, модн	һар, бахн, аң, толь	така, то			во мно- жествен. числе
	I	2	3	4	5	
Имен.	-	-	-	-	-	
Род.	-а, -э	-ин, /-ни/ /-гин/	-н, -һин	-ин, /-һин/		
Дат.	-д	-т, -д	-д	-т		
Вин.	-г, -иг /-ыг/	-иг, /-ыг/ /-гиг/	-г	-иг, /-ыг/		
Твор.	һар, һер, һар, һер	-ар, -эр, -яр, /һар, -һер/	һар, һер	-ар, -эр		
Соед.	-ла, -лэ	-лэ, -ла	-ла, -лэ	-ла, -лэ		
Сов.	-та, -тэ	-та, -тэ	-та, -тэ	-та, -тэ		
Исх.	-ас, -эс	-ас, -эс, /-яс/ /-гас, -гэс/	һас, һэс	-ас, -эс		
Напр.	-ур, -үр	-ур, -үр, /-юр/ /-гур, -гүр/	һур, һүр	-ур, -үр		
Аффиксы множествен. числа	-д	-муд, -муд; /-с, -чүд, -чүд/	-уд, -үд	-с		

В этом склонении обращает на себя внимание следующее:
а/ в первом склонении: 1. Знаком ~ показано выпадение конечного н основы слова перед некоторыми аффиксами падежей. 2. В винительном падеже аффикс -ыт/-ыг/, творительном -аффикс -ар/ -эр/ употребляются со словами с конечным н, но с предшествующим согласным. В твердорядном варианте после согласных н, л, т, д употребляется -ыт: хотн "поселок" - хотыг.

б/ во II склонении: 1. Аффиксы -ын, -ыг присоединяется к твердорядным словам с конечным устойчивым н, а также т, д, л: бахн "столб" - бахнын, бахныг; мал "скот" - малын, малыг; 2. Аффиксы со вставным г, т.е. -гин, -гит; -гар, -гэр; -гас, -гэс; -гур, -гур присоединяются к словам с конечным н. 3. Аффиксы -яр, -юр присоединяются к твердорядным словам с конечным й и конечным мягким согласным /край-краяр, толь-толяр, толюр/. 4. Аффиксы множественного числа -с употребляется в многосложных словах с конечным неясным гласным, а -чуд, -чуд и с субстантивированными прилагательными /байн "богатый" -баячуд/.

в/ в III склонении: 1. Аффикс -һин присоединяется к односложным словам /то "число" -тооһин/. 2. Остальные аффиксы с начальным вставным һ присоединяются к любым словам с конечным ясным гласным.

По указанным выше трем типам склоняются, кроме имен существительных, и другие именные части речи, в случае их субстантивации. Не случайно А.Попов, А.Бобровников и В.Котвич не выделяли в особые таблицы склонение отдельных именных частей речи, за исключением местоимения.

А.Попов справедливо указывал, что "прилагательные имена, находясь перед своими существительными, не склоняются"¹ В.Котвич дальше развил эту мысль, впервые указав на субстантивацию имени вообще. Он писал, что "в калмыцком языке склоняются имена существительные, а так-

---

1. А. Попов. Там же, стр. 75.

же прилагательные, местоимения, числительные и причастия, когда они играют роль существительных"¹.

Необходимо отметить, что выполнение той или иной частью речи роли имени существительного не означает еще переход ее в существительное. Имя прилагательное, например, выполняющее в порядке субстантивации роль имени существительного, не перестает быть именем прилагательным. И не каждое имя прилагательное или причастие может субстантивироваться, т.е. выполнять роль имени существительного. Только в случае полной субстантивации имя прилагательное или причастие переходят в разряд существительных, например: хустг "спички", татг "выдвинутый ящик", баячуд "богачи".

Попутно заметим, что в современном калмыцком языке посредством аффиксов творительного падежа образуются наречия от качественных прилагательных и некоторых имен существительных, точнее, наречие в данном случае представляет собой застывшую форму творительного падежа. Падежные аффиксы -инэр ~ инэһэр, -аһар ~ эһэр, -таһар ~ тэһэр в известной мере могут уже рассматриваться как суффиксы, образующие наречия: советинэр "по-советски", көвүнэһэр "по-сыновьему", йовһар "пешком", хурдар "быстро", һашу-таһар "горько", күчтэһэр "сильно".

Как известно, непроходимой грани между частями речи не бывает, но нельзя допускать смещения грани между частями речи и членами предложения. Здесь следует исходить из морфологических показателей и лексико-семантического значения слова.

Падежные аффиксы имен существительных принимают только те именные части речи и причастия, которые подвергаются субстантивации и при склонении группируются по указанным выше типам склонения имен существительных.

Переходя далее к освещению так называемых двойного, возвратного и лично-притяжательного склонений, следует отметить неправомерность такого их названия. Основу

---

1. В.Л. Котвич. Там же, стр. 66.

этих склонений составляют указанные выше три типа обычного склонения, точнее родительный и совместный падежи этих склонений являются основой, от которой образуются вторичные падежные формы, т.е. эти падежи являются основой для дальнейшего слово- и формообразования. При любых словоизменениях эти вторичные падежные аффиксы или возвратные и лично-притяжательные частицы остаются неизменными. Поэтому мы сочли нужным, как было сказано, называть их так: склонение с двойным падежом, склонение с возвратной частицей и склонение с лично-притяжательными частицами.

Склонение с двойным падежом начинается только с дательного падежа. Основую его служат родительный и совместный падежи. Причем этот тип склонения образуется не от каждого имени существительного, а только от таких имен, которые обозначают человека, т.е. разумное существо. Склонение с двойным падежом не имеет формы множественного числа.

Парадигмы склонения с двойным падежом представлены следующей таблицей:

Основы для склонения

Родительный падеж : Совместный падеж

Па: Аффиксы : Вторич- : Аффиксы : Аффикс-: Вторич: Аффикс-
 де: родительный : двойных : сн сов: ный : сн двой
 жи: ного падежа: аффикс : падежей : местн.: аффикс: ных па-
 : падежа: : дежей

I	2	3	4	5	6	7
	-а, -э -ин, -ын /-гин/ -н, -һин	-	-	-та, -тэ	-	-
Д.	"	-д	-ад, -эд -инд, -ынд, /-гинд/ -нд, -һинд	"	-д	-тад, -тэд
В.	"	-г -эг, /-иг/	-аг, -эг -инег, -ынег /-иниг, -гиниг/ -наг, -нег, -һинег, /-ниг, -һиниг/	"	-г	-таг, -тег
Т.	"	-һар, -һэр -ар, -эр	-аһар, әһәр -инер, -ынер	"	-һар, -һэр	таһар, -теһәр

			/-гинэр/ -нар, -нэр, -һинэр			
C..	-ла, -лэ	-ала, -элэ -инлэ, -ынлэ -нла, -нлэ, -һинлэ		-ла, -лэ	-тала -телэ	
Сов.	-та, -тэ	-ата, -этэ -интэ, -ынтэ / -гинтэ / -нта, -нтэ, -һинтэ		-та, -тэ	-тата, -тетэ	
И.	-һас, -һэс -ас, -эс	-аһас, -эһэс -инэс, -ынэс / -гинэс / -һас, -һэс, -һинэс		-һас, -һэс	-таһас -тэһэс	
Н.	-һур, -һүр -ур, -үр	-аһур, -эһүр -инүр, -ынүр / -гинүр / -һур, -һүр, -һинүр		-һур, -һүр	-таһур, -тэһүр	

В склонениях с двойным падежом заслуживают внимания такие явления:

1. В живом языке калмыков бытует в винительном падеже, наряду с формой -иниг, ещё -инэг: ахиниг и ахинэг "братьев". В форманте -инэг гласный -э, видимо, появился по аналогии с аффиксами -наг, -нэг: һаһанаг "тетинь", һэрэнэг "Торяевых".

2. От слов с конечным н, стоящим в родительном падеже, перед аффиксами творительного, исходного, направительного падежей появляется соединительный -һ: Балди /имя/: Балдиһар, Балдиһас, Балдиһур "к Балдановым".

3. Встречается единичный случай образования двойного падежа от основы дательного падежа: гертэс. Здесь корень гер "дом", т - аффикс дательного падежа, -эс - аффикс исходного падежа. К аффиксам двойного падежа могут присоединяться и возвратные частицы: тавтад "пятилетнему", тавтадан "своему пятилетнему" и "когда было пять лет". Здесь тав усеченная форма от тавн "пять", -та - аффикс совместного падежа, -д - аффикс дательного падежа, -ан возвратная частица.

4. К именам с двойным падежом от основы слова с конечным н могут присоединяться и лично-притяжательные частицы: көвүн "сын", көвүнэдм, көвүнэһичн, көвүнэһертн, көвүнэһесмдн и т.д.

В калмыцком языке, как во всех монгольских языках, разграничиваются понятия "мой", "твой", "свой", "его", "наш", "ваш", "их".

В зависимости от этого различаются возвратные и лично-притяжательные частицы. Эти частицы присоединяются к падежным аффиксам.

Посредством возвратной частицы -ан /-эн/ передается понятие "свой". Эта частица присоединяется к аффиксам того или иного падежа, что иллюстрируется следующей таблицей:

Па-:	Основа слова	: Падежный аффикс	
де-:	Аффиксы	: Возвратная	: с возвратной
жи:	падежей	: частица	: частицей
1	2	3	4
Д.	-д, -т	-ан, -эн	-дан, -дэн -тан, -тэн
В.	-г, -иг, -нг /-гиг/	-ан, -эн	-һан, -һэн -һэн -эн, -эн, /-ян/ /-ган, -гэн/
Г.	-һар, -һэр -ар, -эр, -яр	-н	-һарн, -һэрн -арн, -эрн, /-ярн/ /-гарн, -гэрн/
С.	-ла, -лэ	-рн	-ларн, -лэрн
Сов.	-та, -тэ	-һан, -һэн	-таһан, -тэһэн
Иск.	-ас, -эс, /-яс/	-н	-асн, -эсн, /-ясн/ /-гасн, -гэсн/ -һасн, -һэсн
Н.	-ур, -үр	-н	-урн, -үрн, /-үрн/ /-гурн, -гүрн/ -һурн, -һүрн

Особенности склонения имен существительных с возвратной частицей таковы:

I. В зависимости от характера конечного звука падеж-

ного аффикса к слову присоединяется тот или иной вариант возвратной частицы —к твердоярдым словам частица -ан, а к мягкорядным частица -эн. Возвратная частица присоединяется, начиная с дательного падежа.

2. В винительном падеже к основе слова может присоединяться полная форма аффикса -иһэн, /-гиһэн/, где элемент г аффикса -иг в интервокальном положении чередуются с увулярным һ, а также неполная форма, т.е. только частица -ан/-эн/ без падежного аффикса: һариһэн "свою руку", мериһэн "своего коня", но һаран, мерэн. В словах с конечным һ, но с предшествующим согласным, конечный һ основы выпадает.

3. Слова с конечным һ, но с предшествующим гласным, как с конечными ясными гласными, в винительном, совместном падежах получают соединительный һ. При этом конечный һ основы слова выпадает: ямаһан "свою козу", темәһэн "своего верблюда", нохатаһан "со своей собакой".

4. В творительном, исходном, направительном падежах применяется усеченная форма частицы -һ: һарарһ "своей рукой", мернәһ "от своего коня", темәһурһ "к своему верблюду".

5. В соединительном падеже употребляется вариант -ри вместо -ан/-эн/: мернләрһ "со своим конем".

В современном калмыцком языке имеются лично-притяжательные частицы: -һь /-ину, -ину/, -м/-мини/, -чһ ~ -чһь/-чини/, -мдһ/-мадһ/, -тһ/-тана/. Эти частицы представляют собою усеченную форму родительного падежа личных местоимений единственного и множественного чисел и указывают на принадлежность предмета первому, второму и третьему лицам обоих чисел. Посредством этих консонатных типов частиц, ярко выраженных в калмыцком языке по сравнению с остальными монгольскими языками, передаются понятия: -һь "его", "их", -м "мой", -чһ "твой", -мдһ "наш", -тһ "ваш".

Эти лично-притяжательные частицы присоединяются к аффиксам того или иного падежа и при любых словоизменениях остаются постоянными.

Падежи:Аффиксы::Лично-притяжа:Падежные аффиксы с лично-
:падежей :тельные части:притяжательными частицами
: : ЦЫ :

И.	-	-М, -ЧН, -НЬ -МДН, -ТН	
Р.	-а, -э -ИН, -ЫН/-ГИЯ/ -Н, -ЬИН	"-"	-анм, -анчн, -аннь, -анмдн, -антн -инм, -инчн, -иннь, -инмдн, -интн -нм, -нчн, -ннь, -нмдн, -нтн
Д.	-д, т	"-"	-дм, -дчн, -днь, -дмдн, -дтн
В.	-г, -иг, /-ГИГ/ -Гар, -Гар	"-"	-гнм, -гичн, -гннь, -гнмдн, -гнтн -им, -ичн, -инь, -имдн, -итн
Т.	-ар, -эр -ар, -эр /-гар, -гер/	"-"	-арм, -арчн, -арнь, -армдн, -артн -арпн
С.	-ла, -лэ	"-"	-лам, -лачн, -лань, -ламдн, -латн
Сов.	-та, -тэ	"-"	-там, -тачн, -тань, -тамдн, -татн
Ис.	-ас, -эс	"-"	-асм, -асчн, -аснь, -асмдн, -астн -аспн
Н.	-ур, -ур	"-"	-урм, -урчн, -урнь, -урмдн, -уртн -урпн, -урчпн, -урньпн, -урмдпн, -уртпн

В указанной таблице приведены примеры твердого варианта аффиксации в разрезе типов склонения. Не даются примеры разновидностей склонения, о чем было сказано ранее. Заслуживают внимания следующие особенности, связанные с применением лично-притяжательных частиц:

1. В именительном падеже конечный н основы слова перед частицами -м, -мдн, -нь выпадает: мерн "конь", -мерм "мой конь", мермдн "наш конь", мернь "его конь".

2. В словах с конечным н в родительном падеже перед лично-притяжательными частицами появляется вставной н: он как бы дублирует аффикс родительного падежа н, присоединяемого к словам с конечным -н: носн "сапоги" - носнанм "моих сапог". Здесь а - аффикс родительного падежа, н - вставной согласный, дублирующий аффикс н родительного падежа в словах с конечным н, -м - лично-притяжательная частица первого лица единственного числа. Отсюда - носнанчн, носнанмдн, носнантн. Вставной н в живой речи перед

частицей -м ассимилируется, переходя в м и вместе с последним произносится как долгий м: һоснам:.

В произношении происходит ассимиляция н и переход его в м и в других аффиксах родительного падежа перед частицами -м, -мдн, но пишется н, исходя из морфологического принципа письма: һаринм "моей руки", такамдн "наших кур", но не һаринм, такамдн.

3. Аффикс -г винительного падежа перед лично-притяжательными частицами чередуются с увулярным һ: яман "коза" - ямаг-ямаһим, така "курица" - такаг-такаһим, такаһитн, такаһинь и т.д. В аффикс -иг слов второго склонения выпадает элемент г: һар "рука" - һариг-һарим, һаримдн, һаринь, а в словах с конечным н в любой позиции перед любым гласным появляется вставочный г: аң "зверь" - аңгим, аңгитн, аңгинь и т.д.

Указательные местоимения в современном калмыцком языке

Местоимение – часть речи, характеризующаяся универсальным значением. Оно выступает в роли других знаменательных частей речи. Местоимения не называют предметы и их качества, не определяют их конкретного содержания, числ., а лишь указывают на них. Местоимение употребляется вместо других знаменательных частей речи как эквивалент слов-названий. По своему лексическому значению и грамматическим признакам местоимения соотносительны с именами существительными, прилагательными, числительными и выполняют в предложении те же синтаксические функции, что и соответствующие части речи.

В данной статье рассматривается один из основных рядов калмыцкого местоимения – разряд указательных местоимений.

К указательным местоимениям относятся:

эн "этот, это, эта", тер "тот, то, та", энд "здесь", тенд "там", иим "этаким, этакое, этакая", тиим "вон такой, вон такое, вон такая", эду-үдү "вот столько, столько", теду-түдү "столько, вон столько".

В зависимости от пространственного размещения предметов по отношению к говорящему указательные местоимения можно разбить на антонимические пары: эн-тер, энд-тенд, иим-тиим, эду-тедү.

Указательные местоимения в калмыцком языке по своим семантико-грамматическим особенностям могут быть разбиты на следующие подразряды, которые условно можно назвать: предметно-указательным, качественно-указательным, пространственно-указательным, количественно-указательным.

К предметно-указательным местоимениям относятся:

эн "этот, это, эта", тер "тот, то, та".

К качественно-указательным местоимениям относятся:

им "этакий, этакое, этакая", тиим "такой, такое, такая".

К количественно-указательным местоимениям относятся: эдү-үдү "вот столько, столько", тедү-түдү "вот столько, столько".

К пространственно-указательным местоимениям относятся: энд "здесь", тенд "там", эдук/д/ "недалеко", тедук/д/ "поодаль", үүнд "здесь", түүнд "там".

Склонение предметно-указательных местоимений единственного числа эн "этот", тер "тот".

эн			тер	
энүнэ	үнүнэ	үүнэ	терүнэ	түүнэ
энүнд	үнүнд	үүнд	терүнд	түүнд
энүг	үнүг	үүг	терүг	түүг
энүгөр	үнүгөр	үүгөр	терүгөр	түүгөр
энүнлэ	үнүнлэ	үүнлэ	терүнлэ	түүнлэ
энүнтэ	үнүнтэ	үүнтэ	терүнтэ	түүнтэ
энүнэс	үнүнэс	үүнэс	терүнэс	түүнэс
энүнүр	үнүнүр	үүнүр	терүнүр	түүнүр

Предметно-указательные местоимения эн, тер в косвенных падежах имеют несколько основ: эн энүн - үнүн - үүн; тер - терүн - түүн-.

Эти основы каждого местоимения имеют одинаковое значение и свободно заменяют друг друга, что создает большой разноречивой в употреблении их как в разговорной речи, так и в художественной литературе, где наблюдается смешение всех форм и вариантов.

В винительном и творительном падежах эти основы утрачивают конечный -н.

Предметно-указательные местоимения множественного числа образуются от соответствующих местоимений единственного числа при помощи суффикса -дн, при этом конечные -н, -р выпадают: эн - эдн, тер - тедн.

Предметно-указательные местоимения могут выступать субстантивно, употребляясь в качестве названия предметов. В предложении они бывают в роли самостоятельных членов

подлежащего, дополнения, обстоятельства.../ и могут принимать различные падежные формы. Амбарт бээн буудя цеврлүжэр бөөхлэ, терүгөн келэд тэвчк. "Если хочешь, чтоб мы веяли зерно в амбаре, скажи об этом и отпусти". /Б.А.УЭБ.116/.

- Терти үни. Би ардан гөмтэ экэн хайчкад харлав. "Это правда. Я оставила дома больную мать". /Б.А.УЭБ.60/. Талниг харч одхла, мадинд ус буслүж өгөд кевтүлчкв. "Когда вы вышли, нам вскипятили воду и уложили в постель /Э.К., г.х., 152/. Эдн иигж мек харһна. Сельсоветд бээн эднэ малин то өскш /Э.К., г.х., 175/. "Они вот так ухитряются. Количество скота, что находится в списке Сельсовета, не растёт". Энти одал тордго дээрэн харч. Не иигэд эклси хөөн шивси эдл одх /Э.К., г.х., 190/. "Теперь он не удержит. Если так начнет, то пойдет как пущенный". Предметно-указательные местоимения калмыцкого языка могут выступать в функции личных местоимений третьего лица он, оно, она, они.

Предметно-указательные местоимения в значении он, оно, она, они, в предложении могут быть подлежащим, дополнением.

Коля тийм үг, буйн болтка, бичэ келтн. Би терүлэти терүц тер угав. "Коля, такие слова мне не говорите, пожалуйста. Я с ним никакого дела не имею". /Э.К., г.х., 482/. Энчн намаг тэвш уга дээрэн харси бөөдлте /Э.К., г.х., 479/. "Он, видимо, меня совсем не отпустит". Уй, энчн биилдг дасад авчклу? Шартуд бөөхдөн биилдго билүс /Э.К., г.х., 476/. "Ой, она уже научилась танцевать? в Саратове же она не умела". Цө ууж авн эдн цааран харцхав. "Попив чай, они отправились".

Предметно-указательное местоимение множественного числа эдн может употребляться также при перечислении лиц в значении "и другие". Например, Халымг трестин за-лач Пушкинский, тосхлтин управленэ ахлач Сви́нарев эдн ирцхэв /Б.А., Эдмо, 237/. "Приехали управляющий Калмыцким трестом Пушкинский, начальник строительного управления Сви́нарев и другие".

В основном предметно-указательные местоимения в беспадежной форме могут употребляться атрибутивно, указательным путем замещая название признака предмета или выделяя предмет из массы однородных указанием на его близость или отдаленность.

Ср. Та эн туульсан үвлэһэ Зунһру, Дорж, Басң һурвн манад ирж хонхд келүлст /Э.К., һ.х., 16/. "Вы же эти сказки рассказывали зимой, когда у нас ночевали Зунгру, Дорджи и Басанг". Эссентуки бас калыг нерн. Эн балһсна ормд йисн туг нег цагт хатхгдсн бээж. /Б.Т., Б.Ц., 23/. "Эссентуки тоже калмыцкое название. На месте этого города когда-то было водружено девять знамен".

Предметно-указательные местоимения в сочетании с послелогом хоорнд выступает в функции обстоятельственных слов, ср., тер хоорнд цөгцд эрк кеһэд, эмтнд бэрүль. /Б.А., УЭБ, 73/. "Между тем разлили по рюмкам водки и подали людям".

Предметно-указательные местоимения могут употребляться предикативно. Например, — Папа, юн болна гидгнь энви? Чамаг таньну? — гифэд күүкнь эцкәсн сурв /Б.А., УЭБ, 12/. "Папа, что это? Тебя знают? — спросила дочь у отца". Хөләһит, баячуд иигж тарах улс эдн. /Э.К., һ.х., 74/. "Смотрите-ка, эти люди так и разгонят богачей". Эн, бишив. Бәәснәс күртнә гидг эн /Э.К., һ.х., 74/. "Вот же. Когда есть всегда достанется".

В калмыцком языке местоимения эн, тер могут заменять друг друга, если, во-первых, отдаленность или неотдаленность по занимаемому месту не имеет значения, и важно лишь указательное обозначение: во-вторых, если говорящий будет считать определяемый предмет более или менее отдаленным по занимаемому месту или по предшествующему упоминанию о нем. Ср., Харһаһар хавчад кесн утувцр болн маштг гер. Эн теегин аэропорт. Терүкә нуһн талас, одн мет гиигн, ЯК-муд, цармудт зүүдг ярм мет давхр живрте..., АН-2 болн... ИЛ-муд... нислдәд һарад бәәцхәнә. /Б.А., УЭБ, 7/. "Сколоченный из досок продолговатый низкий дом. Это

степной аэропорт. Из-за него /того/ вылетают легкие, как пушинки, Яки, словно ярмо для волов, двукрылые АН-2 и ИЛ-ы".

Качественно-указательные местоимения употребляются для указательного обозначения качества, признака предметов или явлений. Электрическ герл... кезень иим герл орулхн болхв? /Б.А., УЭБ, 62/. Электрический свет... когда провели такой свет?

Склонение качественно-указательных местоимений не сложно.

Ср.	ИИМ	ТИИМ
	ИИМИН	ТИИМИН
	ИИМД	ТИИМД
	ИИМИГ	ТИИМИГ
	ИИМЭР	ТИИМЭР
	ИИМЛЭ	ТИИМЛЭ
	ИИМТЭ	ТИИМТЭ
	ИИМЭС	ТИИМЭС
	ИИМУР	ТИИМУР

Качественно-указательные местоимения в основном выполняют атрибутивную функцию, при этом они не принимают на себя падежные аффиксы.

Напр., Ноонинкин бичкн күүкдт му болхн уга. Тедн яһв чигн иим бичкн күүкдтэ улулхн /Э.К., h. x., II/. "Нонины не должны к детям плохо относиться. Как никак они тоже имеют таких же маленьких детей". Тиим, энүнлэ эдл көвүд заргдэд йовнахн /Э.К., h. x., II/. "Да, такие, как он, ребята работают."

Качественно-указательные местоимения калмыцкого языка могут употребляться также и субстантивно, замещая название предметов. При этом, в отличие от атрибутивной функции, эти местоимения принимают падежные аффиксы.

Ср., Иим маши өмннь үзлчи? Уга, иимиг шицкэн үздэм эн. "Ты раньше видел такую машину? Нет, такую вижу впервые".

В калмыцком языке возможно также предикативное употребление качественно-указательных местоимений. Ср.,

- Кээр наадад шүүгдлт? - болж күүкнэ эк эн йовдлын үндс илткв.

- Э, тийм билэ. /Б.А., УЭБ, 76/.

- "Вы в карты проиграли? - спросила мать девушки, выясняя причину этого случая.

- Да, было такое".

- Кедлмш кек чон биш, кедэ орж гүүх уга эсий?

- Тийм, тийм. Амрх кергтэ. /Б.Т., Б.Ц., 85/.

- "Работа не серый волк, не убежит же в степь?"

- Да, так. Надо отдохнуть".

- Медгдженэ, тийм болхла, йир сэн /Э.К., х.х., 478/.

- "Понятно, если так, хорошо".

Мини Цаста тийм, ду нархш /Э.К., х.х., 438/. "Моя Цаста в точь такая, молчит".

Качественно-указательные местоимения калмыцкого языка могут образовать глагольные формы, при этом утрачивается конечный -м.

Примеры: Та мана наэриг медэд уга болад тийгж келжэ-нет, - болж медэтэвр ода күртл тагчг йовсн шофер хэрү егв /Б.А., УЭБ, 20/. "Вы еще не знаете нашу землю, поэтому так говорите, - сказал молчавший до сих пор пожилой шофер". Хордж йовснъ тер болжахугов. Тийгэд ээлхэд көөснтн сэн болж /Э.К., х.х., 483/. "Значит со зла так делает. Хорошо, что погугали так".

О, о. Бата, мэнд. Иигтлэн тул нархсн һунжна бөөдл нарад яһвч?... - гиһэд тергнэсн бууһад Батан нар атхад мөндв. /Э.К., х.х., 140/. "О. Бата, здравствуй. Что ты так стал похож на отелившуюся телку? - сказал, слез с телеги и поздравился с Батой за руку". Иигсн хөөн, эднэсчн өнгөвр уга /Э.К., х.х., 146/. "Если так, от них никакой надежды нет". Тийгхд минь эн мини бөрж йовсн тайгла эдл моддуд билэ /Э.К., х.х., 147/. "Тогда еще дерева были величиной с мой посох".

Качественно-указательные местоимения также могут образовать наречия, показывающие направление /туда, сюда/ движения по отношению к говорящему.

Би бас тийгэн харчанаг. Района дундын школд директор болж одхв. /Б.А., УЭБ, 18/. "Я тоже перехожу туда. Буду директором районной средней школы".

Пространственно-указательные местоимения калмыцкого языка в основном являются производными от предметно-указательных, а именно формой дательного падежа энд "здесь", тенд "там", энүнд, үүнд "вот здесь", терүнд, түүнд "вон там".

Как выше уже отмечалось, местоимения энд "здесь", тенд "там" употребляются для пространственно-указательного обозначения места предмета, места происшествия того или иного явления и имеют обобщенное, не совсем конкретное, значение.

Тенд, эдукн курисн эндр толһа деер, хар шовун - сууна. /Н.М., Хкт., 3/. "Там, на темнеющем поодаль высоком холме, сидит орел". Урднь хойр даж энд ирж медете ах куурст дасдг студентрла урн-үгүн, нэрн бичгин тускар кур келе /Э.К., л.х., II, 84/. "Раньше он два раза проводил беседу со студентами старшего курса по вопросам литературы и письменности".

Пространственно-указательные местоимения энүнд, үүнд "вот здесь", терүнд, түүнд "вон там" в отличие от местоимений энд, тенд имеют более узкое, конкретное значение. Эн өмн бийд, Хар-Цох гидг толһад эднехне хөөне хош йовна. Шев гһәд нег өвгн бөөнә, түүнәс мөрн тергинь татулж авад хәр /Б.Б., БО, 496/. "Здесь южнее, на холме Хар Цох находится их овечья кошара. Там будет старик по имени Шев, возьми у него подводу и езжай домой".

Шүүгдэд үкәжхнь үнд, - гиж келн цугтаднь, һалд бөөсн-днь, тәв, - гиж кәзр хуваж бөөсн хар залуд келв. "И так уж проигрываю здесь, - сказав, он обратился к высокому черному мужчине, раздававшему карты, - положи на все, что есть на кону" /Б.Б., БО, 491/.

Пространственно-указательные местоимения энд, тенд, энүнд - үүнд, терүнд - түүнд в предложении выполняют функции обстоятельства места.

От этих местоимений при помощи аффикса -к образуются пространственно-указательные местоимения эндк "здешний, находящийся здесь", тендк "тамошний, находящийся там", энундк үундк "находящийся вот здесь", терундк түүндк "находящийся вон там". Эти местоимения в предложении могут выступать как атрибутивно, так и субстантивно.

К пространственно-указательным местоимениям в калмыцком языке относятся также эдукнд үдукнд "недалеко, близко", тедукнд түдукнд "поодаль", образованные от количественно-указательных местоимений эду, теду.

В предложении местоимения эдукнд, тедукнд выступают в функции обстоятельственных слов, напр., Доракшандь һол урудулад хэлэхлэ, зевэр тедукнд орс селэнэ темснэ модд... үзгднэ /Э.К., һ.х., 8/. "Если посмотришь вниз по реке, то в отдалении виднеются фруктовые сады русского селения". Сергей Мутулов, - гиһэд, күүкн эцкиннь һарас кетлэд, тедукнд зогсжасн улсур ирв /Б.А., УЭБ., II/. "Сергей Мутулов", - сказала девушка и за руку подвела отца к стоящим поодаль людям".

Пространственно-указательные местоимения калмыцкого языка не склоняются, так как являются падежной формой другого разряда местоимений. Исключение составляют пространственно-указательные местоимения, образованные при помощи суффикса -к /эндк, тендк, энундк, терундк и др./ . Склонение этих местоимений не вызывает затруднений, они склоняются по обычному типу.

Количественно-указательные местоимения эду "вот столько", теду "вон столько" употребляются для указательного обозначения количества, величины, важности предметов, явлений, процессов.

Эти местоимения обладают всеми особенностями числительных. Они могут обозначать как количество, так и порядок при счете /эду "столько", теду "столько", эдудгч "такой по счету", тедугч "такой по счету"/, они могут принимать форму соединительных /эдүлн, тедүлн/ и разделительных /эдүһэд, тедүһэд/ числительных; могут соче

ваться с послелогами приблизительного счета шаху, һар /эдү шаху, теду һар/; могут принимать после себя нумеративы и нумеративные слова. Сочетаясь между собой, эти два местоимения могут передавать понятие неопределенного количества /эдү - теду/.

Как и числительные, количественно-указательные местоимения в предложении могут употребляться как атрибутивно, так и субстантивно.

Примеры: Эдү мөңг альдас арһлхв? - болж хотна улсин неһнь кель. /Н.М., ХКТ., 42/. "Где достану столько денег? - сказал один из жителей села". Теду наста көвүн тер жиһли, тер сар, тер едр шарһад гөмтөд үкв /Х.Т., Т.ш., 155/. "Столько-то-летний мальчик в такой-то год, в такой-то месяц, в такой-то день заболел умер".

Количественно-указательные местоимения склоняются также, как и другие подгруппы указательных местоимений.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Б.А. УЭБ, II6 - Бадмин Алексей - Усна эһн булг, халх. II6.
 Э.К. һ.х. I52 - Эрнхөһө Константин - Балан хадһл, халх. I52.
 Б.А. Эдмо, 237 - Балакан Алексей - Элст дөөр мандһсн олн, халх. 237.
 Б.Т. Б.Ц., 23 - Бөмбин Тимофей - Бөмб цөцг, халх. 23.
 Н.М. Хкт, 3 - Нармин Морхаж - Хар кельн тоһрун, халх. 3.
 Б.Б. БУ., 49I - Басһна Баатр - Бөмбин орн, халх. 49I.
 Х.т., б.Ш, I55 - Халымг туульс, боть III, халх. I55.

Безлично-притяжательные формы местоимений
и имен собственных в монгольских языках

Безлично-притяжательные суффиксы в монгольском и бурятском языках имеют форму -аа, -оо, -ээ, -ээ¹ и передают значение "свой". В калмыцком языке суффиксами, передающими это же значение являются -ан, -эн. Эти суффиксы широко распространены в монгольских языках и присоединяются не только к именам существительным и некоторым другим субстантивированным частям речи, но также и к местоимениям и именам собственным.

Хотя это явление часто встречается и в разговорной речи и в литературном языке, оно не было отмечено в грамматических исследованиях. Не проводилось также в грамматической литературе отграничения безлично-притяжательного суффикса от омонимичного ему суффикса, представляющего собой тот же долгий гласный, но имеющий другое значение, о чем будет упомянуто в дальнейшем.

В рассматриваемых нами монгольских языках все виды местоимений, также как и существительные, встречаются с безлично-притяжательными суффиксами во всех падежах кроме именительного.

Личные местоимения единственного числа би "я", и чи "ты" присоединяют безлично-притяжательные суффиксы после падежных суффиксов соответствующих падежей. Монг.: Надаас-аа холд суухдаа, намай-гаа битгий мартаарай. "От меня-своего далеко живя, меня-своего не забывай"². Надтай-гаа жимсэнд яваач. "Со мной-своим вместе пойдем за ягодами." Би чамд-аа үнэнч хэвээр. "Я тебе-своему верен по-прежнему". Чамтай-гаа ганц ч удаа үг зэрүүлж

1. В исходном падеже бурятского языка безлично-притяжательным суффиксом является -н.

2. Все переводы даны дословно, с сохранением порядка слов оригинала.

үзээгүй. "С тобой-своим ни одного раза не поссорился".
Бур.: Надтай-гаа усан дээрэ очое. "Со мной-своим /вместе/
пойдем на речку; Би чамай-гаа ходо хоридог байгаа.
"Я тебя-своего всегда предупреждал". Калм.: намаһан уга
имнд бичэ од, "Без меня-своего никуда не уходи". Чамаһан
ои кестэс үзэд угав. "Тебя-своего я давно не видел".

Местоимение второго лица множественного числа, слу-
жащее формой вежливого обращения, также может употреб-
ляться с безлично-притяжательным суффиксом. Монг.: Танаас-
аа би маш олон удаа захи авсан. "От Вас-своего я очень
часто письма получал". Бур.: Би танай-гаа харахадаа баяр-
тайб. "Я Вас-своего видеть очень рад". Би танаас-аа хо-
до бэчэг абадаг байгаа. "Я от Вас-своего часто письма
получал". Калм.: Тандан гиһэд хурдар ирнэв."К Вам-своему
скоро приеду".

Личные местоимения множественного числа бид "мы",
и та "вы" тоже принимает суффиксы безличного притяжания,
причем в современном монгольском языке во втором случае
суффикс безличного притяжания присоединяется к показателю
множественного числа нар после падежного суффикса. Монг.:
Биднээс-ээ холд явах хэрэггүй дээ "От нас-своих далеко
езжать не надо". Та нартай-гаа хоер сар хамт амарсанд-аа
их баяртай байна. "Очень рад тому, что с вами-своими два
месяца отдыхал". Бур.: Биднээс-ээ холо ябажа болохогүй.
"От нас-своих далеко езжать нельзя". Тантай-гаа дахин
уулзахадаа баяртайб. "С вами-своими снова встретиться рад".

Особенность употребления безлично-притяжательных
суффиксов с личными местоимениями состоит в том, что они
присоединяются исключительно к местоимениям, указываю-
щим на близких людей, что, впрочем, ясно видно по содер-
жанию приведенных примеров.

Другое значение того же самого суффикса в сочетании
с личными местоимениями можно назвать "усилительно-выде-
лительным", подобным тому значению, которое передается
рассматриваемым суффиксом и в сочетании с существитель-
ным. Монг.: Гэвч над-аа их сургууль болж дээ. "Но мне
самому хорошей школой стало".

Употребляются с безлично-притяжательными суффиксами указательные местоимения единственного числа энэ "этот" и тэр "тот". Монг.: Тууний-гээ аваад арилж өгөөч. "То-свое мне хоть раз дай". Бур.: Тэрны-гээ мүнөө хэлэжэ үгэ. "То-свое теперь объясни /мне/". Калм.: Терүһән мартж куур. "То-свое забудь навсегда".

Указательные местоимения множественного числа эд "эти", тэд "те" тоже могут принимать суффиксы безличного притяжания. Монг.: Эдний-гээ бидний нүднээс холдуулаач. "Этих-своих от наших глаз удали". Тэдэнтэй-гээ л хамт архидаж яв "С теми-своими вместе пьянствуя иди" Бур.: Тэрны-гээ бү харуула. "Это-свое мне не показывай". Тэдэнтэй-гээ дахин бү зугаала. "С теми-своими больше не разговаривай";

Если указательное местоимение употребляется в сочетании с существительным, являясь его определением, то безлично-притяжательный суффикс может присоединяться только к существительному /определяемому/, но не к местоимению /определению/. Монг.: Энэ ном-оо аваад хурдан арилж өг. "Эту книгу-свою взяв, быстро исчезни". Бур.: Энэ малгай-гаа дахин бү үмөсэ "Эту шапку-свою больше не надевай".

Вопросительные местоимения хэн? "кто?" и юу? "что?" принимают суффиксы безличного притяжания во всех косвенных падежах после падежного суффикса: родительный хэний-хээ? юуны-хаа? "кого-своего?", "чего-своего?"; дательный хэнд-ээ? кунд-аа "кому-своему?", "чему-своему?"; винительный хэн-ээ? юу-гаа? "кого-своего?", "что-свое?"; исходный хэнээс-ээ? юунаас-аа? "от кого-своего?", "от чего-своего?", орудный хэнээр-ээ? юугаар-аа? "кем-своим", "чем-своим?"; совместный хэнтэй-гээ? кунтай-гаа "с кем-своим?", "с чем-своим?". Например, монг.: Хэнд-ээ гэж чи энэ номыг авсан юм бэ? "Кому-своему ты эту книгу купил?" Юугаар-аа чи налад сагсуурах гээд байна бэ? "Чем-своим ты мне похвастаться хочешь?" Бур.: Чи юу-гээ магтажа падахабчи? "Чем-своим ты похвастаться можешь?" Калм.: Кентөһән чи оч амрч? "С кем-своим ты отдахать поедешь?"

Определенные местоимения бүр "каждый" и бүгдээр "все", оформленные безлично-притяжательными суффиксами, находим в следующих примерах: Монг.: Бүгдээр-ээ эндээ цуглацгаая "Все-свой /букв. всеми-своими/ здесь у себя соберемся" Батш хичээл бүрд-ээ бэлдэж байв. "Учитель к уроку каждому-своему готовился".

Однако, в сочетании с тем же самым местоимением конечный долгий гласный, представляющий собой в вышеприведенных примерах безлично-притяжательный суффикс, может обладать совсем другим, не имеющим ничего общего с категорией принадлежности, усилительным значением. Монг.: Гэтэл бүгдээр-ээ од гаригт нисэх үү? Бүгдээр-ээ дээд мэргэжил эзэмшээд хотод суух уу? Үгүй шүү дээ³. В этом примере, судя по контексту, суффикс -ээ никак не может передавать значение "свой", так как речь идет не о каком-то известном и ограниченном круге людей, а об абстрактной возможности для всех людей вообще. Поэтому и местоимение бүгдээр-ээ следует перевести на русский язык как "все" вообще, "всем-всем", но не "всем-своим". А в целом перевод этого предложения должен быть таков: "Так уж всем-всем в космос лететь? Всем-всем высшее образование получив, в городе жить? Нет, конечно."

Такое же усилительное значение данного суффикса обнаруживается и в лозунге: монг.: Бүгдээр-ээ сонгуульд оролцогтун "Все на выборы" Калм.: Цугтан - сунврт /то же значение/.

Аналогичное значение усилительности у данного суффикса наблюдается и в бурятском и калмыцком языках: Бултад-аа город ябаха гү? "Все-все /все полностью, все без исключения/ в город поедут ли?" Цугтан-цугтан дегтр умшхмб? "Все-все книги читать должны?"

Употребляются с безлично-притяжательными суффиксами и имена собственные. Причем присоединение суффикса происходит по тем же правилам, что и для имен существитель-

3. Монголын шилдэг өгүүллэгүүд. Улаанбаатар, 1957. Доржил Гармаа. Даваан дээр. стр.166.

ных. Бур.: Абань Гомбод-оо бэлэг асараа. "Отец Гомбо-своему подарок принес". Долгормаатай-гаа зугаалаа гүш? "/Ты/ с Долгурмой-своей разговаривал?" Чи Баяраас-аа хушье мэдэхэгүйш. "Ты от Баира-своего ничего не узнаешь". Монг.: Цэнд Цэцэгмаас-аа захиа авав. "Цэнд от Цэцэгмы-своей письмо получил". Калм.: Чи Цеденден энүһин тускар келвч? "Ты Цедену-своему об этом говорил?"

Возможно употребление с суффиксом безличного притяжания географических названий /городов, рек и т.п./

Бур.: Тэрэмнай Москваһаа-н ябаха дурагүй болоо. "Он из Москвы-своей уезжать не хотел". Доржо Сэлэнгын-гөө тухай һанажа байба. "Доржи о Селенге-своей вспоминал". Монг.: Цэнд Хөвсгөл-ее мартаж чадаангүй байв. "Цэнд Хубсугула-своего /название озера/ забыть не мог". Калм.: Ижлэн дурлдь. "Волгу-свою люблю".

Адъективные имена в монгольских языках

За последние годы появился ряд монографических работ по отдельным актуальным вопросам калмыцкого языка. Одновременно широкий размах получило прикладное языковедение: созданы разнообразные типы учебников по калмыцкому языку для средней и высшей школы, а также большое количество программно-методических пособий по родному языку.

Однако до сих пор многие проблемы калмыцкого языка, касающиеся особенно лексики и морфологии, остаются слабоизученными и требуют новых поисков и решений.

В настоящее время в калмыковедении, да и в монголистике в целом, еще не получила положительного освещения проблема классификации частей речи. Хотя ряд принципиальных вопросов частей речи уже получили положительное освещение, — все же отдельные из них еще продолжают оставаться малоизученными или вовсе не затронутыми. К числу спорных вопросов относится категория прилагательных.

История изучения интересующего нас вопроса не очень богата, поскольку в первых грамматических сочинениях, да и в последующих трудах по монгольским языкам, части речи рассматривались в самых общих чертах. В связи с этим имя прилагательное не подвергалось развернутому описанию и анализу. Отсутствие единой точки зрения на природу прилагательных в монгольских языках привело исследователей к различному толкованию и определению их места в системе именных частей речи.

Споры шли вокруг тех общих принципов, которые должны были лечь в основу классификации частей речи. Например, некоторые авторы в своих классификациях частей речи исходили только из морфологических особенностей той или иной категории слов, другие принимали во внимание только синтаксические функции.

Следует кратко остановиться на основных положениях ученых монголистов, в чьих трудах данная проблема ставилась.

Характеризуя имена прилагательные как категорию слов, употребляемых для обозначения не только свойства, но и владения или содержания вещи, Я. Шмидт отмечал, что они, как и в других языках, подвержены разным степеням сравнения. Прежде всего им выделяются две степени сравнения — сравнительная и превосходная — первая из которых распадается на: сравнительную увеличительную, образуемую с помощью различных частиц усиления /напр. ауга их, нэн сайхал, уламж мэргэн/ и уменьшительную сравнительную, образуемую наращением аффикса — хан /напр. дулаан "теплый" — дулаахан "тепловатый, довольно теплый", зузаан "толстый" — зузаахан "толстоватый, довольно толстый"¹.

Следует отметить, что предложенное Я. Шмидтом деление прилагательных на первообразные, т.е. не происходящих от других частей речи, и на производные, образованные от иных групп слов, — сохранилось во всех последующих работах по монгольским языкам².

Т.А. Бертагаев в своих трудах выделяет в монгольских языках имена прилагательные; отмечает, что они в большинстве случаев не имеют свои особые внешние формально-грамматические признаки, отличающие их от прочих имен. Он указывает, что многие монголисты на этом основании относят их к группе качественных имен, не отделяя их ни от собственных прилагательных, ни от существительных, которые выражают понятие о качестве. Т.А. Бертагаев отмечает субстантивацию имен прилагательных и выделяет грамматическую и лексическую субстантивацию³. Автор считает,

---

1. Я. Ш м и д т. Грамматика монгольского языка. Спб., 1832, стр. 39-43.

2. О.М. К о в а л е в с к и й. Краткая грамматика монгольского языка. Казань, 1835; А. Попов. Грамматика калмыцкого языка. Казань, 1847; Г.Д. Санжеев. К проблеме частей речи в алтайских языках. Вопросы языкознания № 6, 1952; Б.Х. Тодаева. Грамматика современного монгольского языка, М., 1951.

3. Т.А. Б е р т а г а е в. К проблеме частей речи в монгольских языках. Записки Бур.НИИЯ, т. XXI, Улан-Удэ, 1956, стр. 69.

что показателями грамматической субстантивации имен прилагательных является наличие при них падежных окончаний и прилагательных частиц. Лексическая субстантивация, по Т.А.Бертагаеву, — это полный переход прилагательных в категорию существительных.

Одной из основных черт, отличающих имена прилагательные от всех других имен — подчеркивает он — выражение множественности путем повторения основы прилагательного, отсутствие форм склонения и падежных значений. Далее Т.А.Бертагаев отмечает, что при помощи суффиксов — шаг, —отар качественные прилагательные показывают степень проявления качества предмета без сравнения качества одного предмета с качеством другого, что при помощи служебных слов или аналитическим путем образуется в монгольских языках превосходная степень, "В роли таких служебных слов выступает в бурят-монгольском языке улуу, егэ, угаа ехэ, эгээн, эгээн ехэ, хамгын ехэ /заимствованное из монгольского языка/: эгээя хурдан морин "быстрейшая лошадь", эгээн ехэ хурдан морин /с эмфатическим гласным на втором слоге слова эгээн/ /"пребыстрейшая лошадь"/ и т.д.¹.

Особо выделяет он словообразовательные суффиксы, которые являются морфологическими показателями производных прилагательных. Например, от основы глагола хэхэ "делать" образуется при помощи суффикса — мээр слово со значением признака хэмээр /юмэ хэмээр хун/ "трудоспособный", от основы существительного наран "солнце" с помощью — лиг образуется прилагательное наралиг "солнечная, обильная солнцем", от основы прилагательного сайн "хороший" с помощью — рхуу прилагательное найрхуу "хвастливый" и т.д.².

Т.А.Бертагаев показал, что в сочетаниях типа модон гэр, ухэр тэргэ и др. — зависимые слова находятся на пути

1. Он же. Цит. соч., стр.46-47.

2. Там же, стр. 47.

движения в сторону прилагательных. Учитывая эту особенность, он называет их недостаточными /или неустойчивыми/ прилагательными¹.

В данном вопросе автор идет вслед за Д.А.Алексеевым, но существенно дополняет их новым материалом, своей аргументацией и выводами².

В учебной грамматике Б.Бадмаева калмыцкие прилагательные делятся на качественные, относительные и притяжательные. Согласно Б.Б.Бадмаева, имена существительные в позиции определения являются прилагательными³.

На наш взгляд, со столь категоричным утверждением нельзя согласиться, хотя существительное употребляемое как определение, изменяет свои функции — оно теряет способность к склонению и становится неизменяемым именем, при этом меняется характер вопроса — ямаран "какой?"

---

1. Там же, стр. 61.

2. Существительные с постоянной определительной функцией типа модн гер "деревянный дом", тэмр хаалһ "железная дорога" и другие, в которых, как нам кажется, выработались определенные и весьма устойчивые адъективные признаки: 1/ выпадение из парадигмы склонения имен, или их неизменяемость; 2/ утрата ими в значительной мере предметного значения и возникновение в них производного на этой базе значения признаковости. Поэтому лексическое значение существительных в роли атрибутива так или иначе изменяется. Следовательно, в основе адъективации существительных лежит, главным образом, семантический критерий, а синтаксическая константа, в данном случае позиция определения является лишь следствием реализации адъективных черт или признаков имен существительных указанных выше типов.

Вообще при исследовании явлений адъективации существительных, а также субстантивации имен прилагательных следует постоянно иметь в виду выражаемое ими значение, поскольку оно определяет во многом их морфологические свойства.

3. Б.Б.Бадмаев. Хальмг келнэ учебник. I ч. Элст, 1961, с.75.

Он же, Грамматика калмыцкого языка. Морфолгия. Элиста, 1966.

место их "что?" Образуется разряд слов: существительных и прилагательных в одно и то же время - своего рода слова - амфибии, по М.Коэну.

В монголоведении, а также и в собственно калмыковедении, довольно долго держалась традиция, восходящая к Ал.Бобровникову, к его знаменитой "Грамматике монгольско-калмыцкого языка", изданной в 1849 году в Казани.

Тонкий исследователь, знаток калмыцкого языка, А.Бобровников наблюдая "неустойчивость" прилагательного, отказался от обычного деления на "существительные" и "прилагательные" и ввел понятия "имена предметные" и "имена качественные", и "имена относительные". Эти понятия устойчиво держались в представлении монголоведов до 50-х годов нашего времени.

Тем не менее система А.Бобровникова тоже не сняла многие несоответствия между привычными "существительными" и "прилагательными". Углубленные поиски в морфологическом направлении позволили современным монголистам не только вернуться к прежней системе Я.Шмидта и А.Попова, но и детально развить ее.

Имена прилагательные в калмыцком языке, как и во всех прочих монгольских языках, имеют, на наш взгляд, свои особые, присущие им признаки:

1/ они обладают собственными деривационными морфологическими средствами, при помощи которых образуются новые прилагательные от основ имени глаголов. Например: ухан "ум, разум" - ухарлыг "умный, сообразительный, смекалый", нойн "нойон, князь" - нойрхг "властолюбивый", куурх "рассыпаться на мелкие части, разбиваться вдребезги" - куург "хрупкий", хатх "сохнуть, вынуть" - хатмл "сухощавый".

2/ имеют специфические суффиксы /их мы насчитали более 40/, оценочные частицы, а также слова наречного происхождения, показывающие степень проявления качества. Например: хату "твердый, крепкий", перен. "суровый" - хатушг "твердоватый, довольно твердый" - йир /зевр,

дегд, эвр, кучтэ, хамгин/хату "очень /довольно, весьма, слишком, самый/ твердый".

3/ в сочетаниях имена прилагательные постоянно находятся в препозиции к определяемому слову, а в постпозиции переходят в сказуемое, иначе говоря, они функционально обратимы. Например: хурдн мерн "быстрая лошадь" - мерн хурдн "лошадь быстра". Но здесь необходимо иметь в виду, что во втором случае значительно изменяется его интонационная структура, о чем свидетельствует пауза.

4/ имена прилагательные в своей исходной форме являются немаркированными и характеризуются отсутствием падежных и других грамматических показателей, например, форм числа и притяжания.

5/ имена прилагательные обладают собственными типами основосложения, отличными от таковых в других именах: а/сущ. прил. /ке хар/, /назр малтдг/; б/прил.сущ.в совм. п. /хар саната/, в/прил. /кек буурл/ и др.

6/ путем редупликации имена прилагательные передают значение разделительного множества, например: эндэ-эндэ модн "высокие деревья".

Указанные показатели этого разряда слов явно противопоставлены именами существительными. Это наглядно видно из того, что все прилагательные, будучи наделены в контексте падежными формами и другими показателями, присущими именам существительным, субстантивируются и на уровне синтаксиса занимают сходную позицию с существительными. Подобного рода субстантивация прилагательных показывает, что грамматическая природа прилагательных иная, чем у существительных, и в этом отношении они принципиально различны.

Так называемые существительные - определения, т.е. адъективные существительные тоже лишены всех грамматических показателей существительного, в том числе падежных, т.к. они находясь перед определяемым словом в форме основы, совпадающей внешне с формой именительного падежа, выпадают из системы склонения существительного и его парадигмы. Ср. модн гер "деревянный дом" букв. дерево

дом, где слово модн при сохранении значения именительно-го падежа неизбежно выступало бы в качестве подлежащего, утратив функцию определения.

Следовательно, адъективное существительное принимает систему показателей прилагательного и группа подобных имен обладает своим собственным деривационным средством, отличным от таких средств в именах существительных.

В отличие от существительного адъективное существительное не имеет форм множественного числа, как и прилагательные, но показывает подобно им раздельное множество путем редупликации. Более того, адъективное существительное, например, с суффиксом отрицания уга несут исключительно атрибутивную функцию и лишены форм изменения, показателей множественного числа и т.д. И будучи наделены последними становятся собственно существительными.

В позиции к определяемому слову адъективное существительное переходит в сказуемое, но при этом в отличие от собственно существительного такое сказуемое требует от определяемого слова особого оформления в виде частицы нь /др. - монг. ину/, которая выполняет не столько функцию местоимения 3-го лица, сколько функцию выделительной частицы. Ср. цаасн махла "бумажная шапка" махлань цаасн "шапка - бумажная", махла цаасн "шапка бумаги", т.е. шапка, наполненная бумагой".

Адъективные существительные входят в качестве компонента в состав сложных прилагательных, которые в современном калмыцком языке оказываются весьма продуктивными и стали таковыми особенно под влиянием русского языка.

В современном литературном языке нарастает группа заимствованных относительных прилагательных из русского языка, которые несомненно увеличивают в системе языка удельный вес калмыцких прилагательных вообще.

Обобщая все сказанное выше, можно прийти к следующему заключению: имя прилагательное в калмыцком языке - это такой разряд неизменяемых слов, которые находясь

в препозиции к определяемому слову, показывают признак, качество, свойство предметов и явлений; и не имея формата множественного числа, выражают путем редуPLICATION значение раздельного множества; обладают присущими им словообразовательными аффиксами, оценочными суффиксами и частицами, собственными типами основосложения, а также особой синтаксической дистрибуцией, выделяющей их из разряда имен существительных.

К особенностям фонетической структуры звукоподражательных слов и их значений в калмыцком языке

В калмыцком языке издавна бытует большое количество так называемых изобразительных слов.

В лингвистических исследованиях они именуются по-разному: онматопеэтическими, подражательными, звукоподражательными, изобразительными, дескриптивными, картинными, образными, мимемами, а также идеофонами¹.

В монгольских языках зачинателями исследований изобразительных слов были Ц.Б.Цыдендамбаев и Л.Д.Шагдаров. В своих исследованиях они дают подробную структурно-морфологическую характеристику изобразительных слов, подразделяя их на две группы: звукоподражательные и образные или кинематоизобразительные².

В данной статье ставится задача описания особенностей фонетической структуры звукоподражательных слов в калмыцком языке и их значений.

Изобразительные слова в калмыцком языке четко разделяются на две группы: звукоподражательные и образные:

Звукоподражание в калмыцком языке также, как и в других языках, представляет собой воспроизведение различного рода звуковых явлений и при этом обладает определенной фонетико-морфологической структурой. Звукоподражание как факт речи зависит от характера и навыков произношения на данном языке, от особенностей восприятия носителями языка различных звуковых явлений. Оно

1. Б.В.Журковский. Идеофоны в языке хауса. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1969. Он же: Идеофоны: сопоставительный анализ /на материале некоторых языков Африки и Евразии/ М., 1968.

2. Л.Д.Шагдаров. Изобразительные слова в современном бурятском языке. Улан-Удэ, 1962.

Ц.Б.Цыдендамбаев. Изобразительные слова в монгольских языках. М., 1960.

зависит и от разнообразных сторон объектов подражания. Например: "голоса животных зависят от возраста и величины данного типа, разновидности и породы; звуки, издаваемые различными предметами, зависят от особенностей вещества, размера, формы и способа употребления данных предметов"¹.

Калмыцкие звукоподражательные слова широко используются в живой эмоциональной речи, произведениях устного народного творчества, героическом народном эпосе "Джангар", произведениях калмыцких писателей.

Звукоподражательные слова создают своеобразный колорит при разговоре, ярче передают определенные свойства предметов при помощи разных оттенков звучания и тем самым обогащают язык.

Класс звукоподражательных слов в калмыцком языке составляют неизменяемые основы, чаще односложные, передающие различного рода имитирующие звучания и сочетающиеся с другими словами, главным образом, с помощью глаголов гix "говорить".

Например: Минь эн самлань Батан еер гелми евс амндан авад наачасн бички кевун "чис" гигэд наэтхэд оркв. "Прямо в этот момент маленький мальчик, державший былинку во рту и игравший возле Баты, чихнул, издавая звук "чис". /Э.К.н.х., стр.171/.

Односложные основы калмыцких звукоподражательных слов являются чаще всего закрытыми. Закрытый слог состоит из согласного, краткого гласного и конечного согласного звука. Сошлемся на ряд характерных примеров:

1. шаб-шаб подражание стуку частого и дробного дождя; шлепанию; хлопанию плоских предметов; шелканию /кнотом, пальцем/ звуку лакания.
2. дуг-дуг подражание звукам при сердцебиении,

---

1. Д.Н. Харитонов. Типы глагольной основы в якутском языке. Изд-во АН СССР, М.-Л., 1954, стр.150-151

пульсировании; звукам отдаленной канонады.

3. кард означает резкий короткий хруст, звук, получаемый при скрежете зубов, грызении чего-либо хрустящего, рыгании.
4. кард подражание резкому сильному грохоту, стуку /чаще всего дверью при его захлопывании/; звук, получаемый при внезапном падении какого-либо твердого предмета.

По фонетико-морфологическому признаку калмыцкие звукоподражательные слова можно разделить на группы:

1. Непроизводные односложные слова;
2. Непроизводные удвоенные звукоподражательные слова;
3. Непроизводные парные звукоподражательные слова.

Фонетическая структура звукоподражательных слов в основном отражает смысловую сторону лексики данной категории слов. Именно в произношении и звуковом строении проявляется своеобразие последних. В типе СГСС конечный согласный является дополнительным, как бы детерминантом, или показателем своеобразия свойства объекта подражания. Например, взрывной "д" показывает мгновенное и резкое завершение шума, произведенного предметом.

Фонетическая структура калмыцких звукоподражательных слов характеризуется тем, что в начале основ встречаются согласные: б, г, һ, д, ж, к, л, м, н, п, с, т, х, ч, ш.

Редко встречается согласный м, почти отсутствует звонкий согласный з. В начале звукоподражательных основ не встречается согласный в, твердый сонант р и глухие шумные фонемы ф, щ. Это объясняется тем слова с начальными в, р, ф, щ не встречались в калмыцком языке. Это явление относится и к звукоподражаниям.

В начале звукоподражательных слов часто встречаются согласные к, л, с, х, ш. Например: кор-кор гих хрустеть, грызть что-л. хрустящее; сар-сар гих шелестеть, копошиться; хар-хар гих греметь, шуметь, стучать; шор-шор гих

журчать, течь /о воде/. Согласный л встречается и в начале и в конце слов: луг-луг, гел-гел гиһед инех глухо смеяться.

Согласные п, д, л, т, встречаются в словах, подражающим сильным, резким звукам, например: пилл гиһед унх упасть со стуком; лар-лар гиһед уг келх говорить громкие слова; луг-луг гих гулко, отчетливо стучать, пульсировать, биться; таш-таш гих стучать, стрелять, хлопать.

В основах слов встречаются все гласные. Интересно отметить, что гласные фонемы а, у, о помогают придать словам силу, резкость звучания. Это дает возможность яснее представить предмет, от которого исходит звук. Сгубленные гласные э, ү, е создают при звучании несколько приглушенные негромкие звуки. Эту особенность признают многие исследователи данной категории слов. В частности П.Ш.Катембаева отмечает, что "Варьированию смысловых оттенков подражательных слов способствует твердость и мягкость, открытость и узость гласного звука в основе подражательных основ"¹.

Как отмечалось выше, в калмыцких звукоподражательных словах наблюдается относительно большое разнообразие начальных согласных. Конечная основа также характеризуется разнообразием согласных фонем.

Ц.-Ж. Цыдыпов в разделе "Звукоподражательная аналитическая конструкция", выделяя основные ее особенности, отмечает, что "В пределах системы звукоподражательных основ действуют определенные закономерности... каждый звук рассматриваемых слов способствует созданию определенного звучания". Он приходит к выводу, что "... только конечный согласный выполняет свою роль в передаче конкретных звуков"¹.

1. П.Ш. Катембаева. Подражательные слова в казахском языке. Автореферат кандидатской диссертации. Алма-Ата, 1965, стр.9.

На примерах можно рассмотреть, какие именно согласные наиболее употребительны в конечной позиции звукоподражаний.

согласный - б

Согласный б является губно-губным. При его произношении препятствие образуется в результате артикуляции губ. Д.А.Павлов отмечает, что "в конечной позиции слова согласный б оглушается. Например, в междометиях: хаб-хаб, шаб-шаб, тоб-тоб, цеб-цеб, цоб-цоб гих"².

Звукоподражательные слова с конечным б означают звуки, получаемые при хлопании, при ударах по плоскому предмету, звук, издаваемый при падении капель или другой жидкости. Например: ...домбрин чивхцдин ду дахулад, шаб-шаб гилдэд альхан ташдлад шимлдцхэнэ. "О чем-то шепчутся и хлоп-хлоп хлопают ладоши под звуки домбры". /Э.К.х.х., стр.211/.

согласный - г

Заднеязычный смычный г в исходе слова оглушается. Фонема г означает звук, исходящий при стуке различных предметов, при сердцебиении, пульсировании, булькании, кипении. Например: туг-туг гүүдлте, туһл хоңшарта. "Бегают вирипрыжку /издавая стучающие звуки/ с мордой как у теленка". /К.В. заг. и посл., стр.35/.

согласный - д

Согласный д являясь смычным, губно-взрывным, также как и согласный б оглушается в конце слова, но в

---

1. Ц.-Ж. Цыдыпов. Аналитические конструкции в бурятском языке. Бурятское книжное изд-во. Улан-Удэ, 1972, стр. 263.

2. Д.А.Павлов. Современный калмыцкий язык. Калмыцк. Элиста, 1968, стр. 96.

конечной позиции в таких словах как дард, сард сохраняется звонкость д и он произносится примерно как д в начале русских слов дар, дом, дым. Например: Кермен орн деерен кир уга индс евдгтен кешурдчкэд чирд-чирд гилбэд курвчасн э һарһад шагһад сууна. "Кермен сидит на кровати, закрепив булавками на коленях чистый белый ситец, шьет крупными строчками, издавая наперетком чиркающие звуки". /Э.К.Һ.х., отр.III/.

В сочетании чирд-чирд улавливается едва различимый звук, исходящий от небольшого по размеру предмета благодаря "смягченной" гласной и в основе слова и начальному аффрикату ч, встречающегося в калмыцких словах в основном в начале и середине слова. В других вариантах слов, таких как падд, кудд, пад-пад наблюдается совершенно иное звучание, более громкий звук.

А.Ш.Кичиков в своих фонетико-морфологических исследованиях, в говоре дербетов наблюдает определенную дифференциацию звукоподражательных слов. Конечное сочетание лд означает звуки, издаваемые мягкими, рыхлыми или жидкими предметами, или звуки "мягкие": падд гих шлепнуть тулго, тяжело; кудд гих булькать в горле¹.

СОГЛАСНЫЙ - к

Согласный к являясь смычным, заднеязычным встречается в любых позициях, кроме исходных. Звукоподражательные слова, оканчивающиеся на к представлены такими, которые присущи большинству языков. Это выражения тук-тук, тик-тик. Например: Цаһан мөнтһ шулзәте час "тик-тик" гилбэд кевтнә. "Часы с серебряной цепочкой лежат и тикают". /Э.К.Һ.х., стр.66/.

СОГЛАСНЫЙ - л

Этот согласный, как было сказано выше, встречается в любой позиции, чаще в сочетаниях лд и в таких словах

---

1. А.Ш. К и ч и к о в. Дербетский говор. Калмиздат. Элиста, 1963, стр. 78.

Звук: гэл-гэл гийэд инэв "глухо засмеяться"; шал-шал гих
шлепать, касаясь воды; кулд гийэд залгх "глотать со
звуком".

СОГЛАСНЫЙ - М

Губно-губной смычный носовой сонант м встречается во всех позициях слов, но в звукоподражательных словах встречается редко, Например: чим-чим гих "ощущать ноющую боль, мелкое покалывание, болезненную пульсацию"; там-там гих хур орв "дождь падал крупными каплями"; шам-шам гийэд идх "есть причмокивая".

СОГЛАСНЫЙ - Н

Часто встречающимся исходным согласным является заднеязычный носовой н. Слова с конечным н выражают звон, исходящий от металлических, стеклянных, фарфоровых предметов, негромкий стук. Например: Ода медгдженэ, - гийэд багш Бадм тал хэльгэд стол тушгэсн хурһари тэң-тэң гийэд уха туңһав. "Все ясно, - сказав это, учитель посмотрел на Бадму, и, стуча пальцами по столу, призадумался". /Э.К.н.х., стр.75/.

СОГЛАСНЫЙ - Р

Согласный р наиболее часто встречается в конечной позиции звукоподражательных основ, хотя в начале калмыцких слов он не употребляется, за исключением заимствованных слов. Звуки, создаваемые дрожащим сонантом р, весьма разнообразны. Примеры: хар-хар выражает звук при грохоте, шаркании, во время ходьбы многих людей, при стуке предметов, при скрипе телег; шир-шир выражает звук, исходящий от морозящего дождя, мелкозернистого снега, от сыпучих предметов; сер-сер выражает звук, исходящий от легкого дуновения ветерка /шелестящий звук/; сар-сар выражает звук при слабом шорохе, шелесте листьев, бумаги, подражание звуку, исходящего от тонкой струи жидкости

/напр. при доении и др./; кир-кир подражание окрипению снега под ногами, хрусту; кор-кор подражание хрусту, треску; тор-тор негромкий звук, издаваемый грызунами, жучками, букашками, звук получаемый при жевании хрустящих предметов; хор-хор, сур-сур звуки, исходящие при сопении, во время сна, храпения.

СОГЛАСНЫЙ - С

Фонема с употребляется в различных сочетаниях слов. В исходных позициях с очень часто встречается в образных словах, таких как: жирс-жирс гих "мелькать, рябить"; цэс-цэс гих "сверкать, блеснуть"; гилс гих "блестеть". Хад хэндс гиж, Хар бур ангс гиж. "Скала звякнула, и черный верблюд открыл рот" /поэс./.

СОГЛАСНЫЙ - Ш

Согласный ш наиболее употребителен в конце калмыцких звукоподражательных слов, о чем свидетельствуют следующие примеры: таш-таш подражание звукам выстрелов, хлопкам, шлепанию; шош-шош подражание залиvistому, звучному смеху. Һартан бәрэд эргүлжәси самнь "тош" ги-һэд хойр әнг болад хуһрад одв. "Требень, который она вертела в руке, вдруг с треском разломался надвое". /Э.К.Һ.х., стр.281/. Гентки салан ар эргәс бууһин әс таш-таш гиллэд одсиг, дахн кесг оһи мәрте улс цуврдлэд бууж йовцхасиг үзэд орицхав. "Вдруг с заднего холма раздалась частые выстрелы, и вслед за этим они увидели много конных, спускающихся вниз друг за другом". /Б.Б.О.Ц.У., стр.55/.

Наряду с удвоенными корнями в калмыцком языке часто встречаются парные звукоподражательные слова. Как и удвоенные корни, они выражают многократность звучания, подражания качественно неоднородным звучаниям. Это семантическое своеобразие создается изменением второго компонента, например:

Жаг-жуг неравномерный скрип, визг.

Шаг-шиг неравномерный шепет, гомон, трели, издаваемые разными птицами.

Хар-хур неравномерный стук, возня, грохот, шелест, скрип, шарканье.

К одному из основных типов сочетаний слов Т.А.Бертагеев относит парные слова, или биномы, из образительных и звукоподражательных слов. Он отмечает, что "звукоподражательные слова-пары составляются из таких комплексов, из каких состоит, по представлению носителей языка, шум или звон, характерный для обозначения референта"¹.

Парные слова несут в произведениях стилистические функции.

Дифференцируя парные слова и удвоения в монгольских языках А.А.Дарбеева анализирует удвоения с анлаутно-фонетическими вариациями, которые рассматриваются монголистами как парные слова.

Парными словами автор считает не удвоения, а пары, самостоятельно функционирующих слов, напр. монг. эх эцэг /эх "мать", эцэг "отец"/ /родители/. При этом парные слова "образуют преимущественно новое понятие с обобщенным значением, состоящим из суммы значений обоих компонентов"².

В калмыцких звукоподражательных словах встречаются такие парные слова, в которых наблюдается:

1. Изменение в составе второго компонента /частичное/.

2. Полное изменение второго компонента. Например:

Хард-хурд гифед савин э һарна. "слышится перестук и перезвон посуды"; хард-ярд гифед киисв "упал с грохотом"; Гүүлгэд тоолжасн хед шуугад мааляд нир - цар болад

---

1. Т.А. Бертагеев. Сочетание слов и современная терминология. Москва, 1973, стр.23.

2. А.А.Дарбеева. О дифференциации парных слов и удвоений в монгольских языках. Сб. Олон улсын монголч эрдэмтний II их хурал, I боть. Улаанбаатр, 1973, стр.156-157.

бөөнэ. "Сплошной гул стоит от бляения и шума овец".
/М.Н.К.Х., стр.23/.

В лексико-семантическом отношении калмыцкие звуко-
подражательные слова распадаются на:

1. Слова, передающие звучания, издаваемые самим чело-
веком/ подражание звукам при разговоре, пению, смеху,
храпу, плачу, сопению, чиханию, кашлю и т.д. Например:
Бор мернь сайгхла, хажуһинь мерд довтлна гичкэд, гел-гел
гиһэд инэв. "Когда мой Серко бежит иноходью, то другие
лошади идут галопом, — оказав это, он засмеялся громким,
самодовольным смехом". /Э.К.н.х., стр.31/. Мини емн һарч
оркад, хокрн бод-бод хатрад хооридан гунгр-гунгр куундэд
йовна. "Обогнав меня, эти двое, тихо переговариваясь
между собой, скачут впереди меня". /М.Н.К.Х., стр.74/.
Бата багшинь дур үзчкэд, байрлад, пиш хайрад инэн алсад,
эмкәһөн зууһад, нүдэн дару-дару чирмэд зогсад бөөнэ.
"Увидев лицо своего учителя, Бата обрадовался, и, подавив
в себе взрыв смеха, прикусив нижнюю губу, стоит часто-
часто моргая". /Э.К.н.х., стр.158/.

Следует отметить, что одиночные корни звукоподража-
тельных слов, входящие в первую группу, не всегда могут
повторяться, а среди удвоенных коостей встречаются такие,
второй компонент которых отдельно не употребляется. Это
вызвано тем, что исходящие звуки сами по своей природе
являются многократными.

Употребление рассматриваемых групп слов во многом
зависит от жанра произведения. Контекст, включающий раз-
личные звукоподражательные и образные слова, несет опре-
деленную стилистическую нагрузку.

2. Слова, передающие звуки природы: подражание зву-
кам дождя, ветра, града, шелесту листьев, топоту, стрель-
бе, гулу, грому и др. Сюда можно отнести и звуки, полу-
чаемые при ударе разных предметов, падения, соприкосно-
вения, трении и т.д.

Звукоподражательные слова второй группы, которые вос-
производят всевозможные звуки окружающей природы, охва-
тывает самый широкий круг явлений.

На основе вышеприведенной семантической классификации слов, рассмотрим ряд примеров в контекстном употреблении из произведений калмыцких писателей, фольклора. Сер-сер гисн салькта, бур-бур гисн хурта Бумбин орн болна. "это страна Бумба, где постоянно дует легкий ветерок и брызжет мелкий дождь". /Джангар, стр.2/. Өндр герин ораһас чиб-чиб гиһед дусал дусад, цасн хээлд, һазр бальгтад, һалуд-шовуд шууглад, хавр болад үсәрэд, делгү кекрэд ирв. "С крыши высокого дома капает капли, снег тает, земля оттаяла, птицы зашумели: кругом расцвело и зазеленело - пришла весна." /Э.К.н.х., стр.76/. Темэнг басин уудиг ташмгин ишәр тор-тор гилгүләд цокв. "Темянег поступал рукояткой плети в дверь" /М.Н.К.Х., стр.143/.

Обладая такой же структурой, как и первая, эта группа слов является подражанием весьма разнообразным явлениям окружающей среды. Особенностью их является многозначность подражаний, т.е. употребление одних и тех же слов в разных значениях. Эта многозначность слов объясняется тем, что "все многообразие окружающей природы первоначально выразилось у человека лишь в немногочисленных мимемах, вот почему одно и то же подражание часто имеет одно и то же значение"¹.

С.Кудайбергенов и некоторые другие исследователи не согласны с подобным мнением. Исследуя подражательные слова в тюркских языках, С.Джафарова пришла к выводу о том, что "наоборот это происходит в силу того, что между самими событиями имеется сходство. Многозначительность подражаемых слов связана больше всего с этим явлением"².

Нам также представляется, что полисемантизм некоторых звукоподражательных слов объясняется прежде всего сходством звуков, издаваемых разными предметами.

---

1. Н.И.Ашмарин. О морфологических категориях подражаний в чувашском языке. Казань, 1928, стр.8.

2. С.Джафарова. Подражательные слова в современных тюркских языках. Автореферат кандидатской диссертации. Баку, 1973, стр.8.

Ср. например: Үкрмүдин аю дахад хэд мээлэд шуг-шуг гиһэд ташу бүркэд тарваһад шилжрэд одв. "Следуя за коровами, овцы, бляя, с шумом спускались по склону". /Э.К.һ.х., стр.331/.

3. Слова, передающие звуки, издаваемые различными животными, птицами, насекомыми /подражание крику, лаю, мычанию, стрекотанию/. К ним относится небольшая группа слов:

бее, мее подражание мычанию коров, реву быка.

бээ, мээ подражание бляению коз, овец.

буу подражание крику верблюда.

хав-хав
һав-һав подражание лаю собак.

гааг-гааг подражание крику гусей, уток.

бээһ-бээһ подражание карканью ворон.

кар-кар

гууг-гууг подражание крику кукушки, гудению.

Звукоподражательные слова в калмыцком языке имеют своеобразное звучание и свои специфические особенности в отношении фонетической структуры и семантики.

Принятые сокращения

- Б.Б. Ө.Ц.Ү. Баснга Баатр. Өнгрөн цагин үнн. Шууһэд авсн келвмүдин хуранһу. Элиста, 1959.
- Дж. Джангар. Героический эпос калмыцкого народа. Москва, 1960.
- М.Н. К.Х. Манжин Нимгр. Келвмүдин хуранһу. Элиста, 1959.
- К.В. заг.и посл. Котвич Владислав. Калмыцкие загадки и пословицы. Элиста, 1972.
- Э.К. Һ.х. Эрнжене Константин. Һалан хадһл. Роман. Элиста, 1972.

К вопросу о словосочетаниях
в калмыцком языке

Учение о словосочетании в монголистике специально ранее никем не выдвигалось. Но поскольку словосочетания представляют собой реальное явление, реально существующее в конкретных монгольских языках, то их существование не могло не отразиться при разработке синтаксиса. И действительно, некоторые моменты, имеющие непосредственное отношение к проблеме словосочетания, все же нашли себе место в разное время в работах ряда монголистов. Исходя из этого, на наш взгляд, следует различать два этапа в изучении синтаксиса монгольских языков: 1. ранний период /Я.Шмидт, А.Попов, А.Бобровников/ и 2.позднейший период /начиная от В.Котвича до наших дней/. Такое деление объясняется тем, что в работах первых монголистов в разделе "Синтаксис" мы находим наряду с учением о предложении и учение о связях слов, в то время как в позднейших грамматиках синтаксис включает лишь учение о членах предложения и о предложении.

Уже первый создатель грамматики монгольского языка Я.Шмидт, отмечая, что "Монгольский язык, как и всякий другой, обильный произведениями литературы, имеет свои правила и законы совокупления слов..."¹, счел нужным выделить особую главу, названную им "О словосочинении", которая распадается на разделы: 1. "Об управлении имен существительных", 2."Управление имени прилагательного и наречия", 3."Управление глагола". Без сомнения, эта глава грамматики Я.Шмидта представляет известный интерес, поскольку в каждом из разделов он дает, хотя далеко и не полное, но все же какое-то определенное представление

---

1. Я Ш м и д т. "Грамматика монгольского языка", СПб, 1832, стр. 105.

о специфических особенностях сочетания имен существительных, имен прилагательных, наречий и глаголов с зависящими от них словами.

Прежде всего нас привлекает раздел "Управление глагола", где ученый пытается впервые в отечественной монголистике определить семантические группы глаголов, требующих при себе существительные в определенных падежах. Так, к примеру, Я. Шмидт сообщает, что "с родительным падежом и его частицей соединяются хотя и не все, но большая часть тех глаголов, которые и на русском требуют сего падеже. А именно: 1. многие глаголы, которые могут быть употребляемы без всякого лица, как-то:

"мне помогает, мне полезно и пр.; 2. многие
непереходящие глаголы, как-то: встретиться,
остаться"¹

Далее Шмидт говорит о глаголах, требующих при себе зависимого слова либо "в местном падеже", либо "во втором родительном", либо "в первом творительном", либо "во втором творительном". Следовательно, уже в самой первой грамматике монгольского языка мы сталкиваемся с фактом анализа сочетаний полнозначных слов и их классификацией в зависимости от характера сочетаемости.

Заслуживает внимания и "Монгольско-немецко-русский словарь" Я. Шмидта², в котором зафиксированы "обороты", представляющие собой ничто иное, как словосочетания. Я. Шмидт в своем "Предисловии" к словарю пишет: "Я не имел в виду составить словарь вполне объемлющий все сокровище монгольского языка, а, соображаясь с настоящею потребностью, ограничился только выбором нужнейших и употребительнейших слов и оборотов, которые могли бы служить по-

1. Я. Ш м и д т. "Грамматика монгольского языка", СПб, 1832, стр. 118.

2. J. J. Schmidt. *Mongolisch-deutsch-russisches Wörterbuch*. H. Petersburg. Leipzig, 1835.

рядочной основой учащимися, пока со временем более раз-
 вившееся познание сего доселе еще малоуважаемого языка
 не потребует обширнейших пособий¹. Одним из таких "обо-
 ротов", отмечаемых Шмидтом, являются:

1. ein Scheck
 пега я лошадь /стр. II/

2. die flachen Hände
 zusammen schlagen,
 damit klatschen

Ударить в ладоши
 /стр. II/

3. das Loch verstopfen
 заткнуть дыру /стр. 95/

4. rohes Fleisch
 сырое мясо /стр. 259/

По сравнению со словарем Я. Шмидта более богат "оборо-
 тами" подобного рода словарь Осипа Ковалевского². Здесь
 мы встречаем обильное множество именных, наречных и гла-
 гольных словосочетаний различного вида, а также фразео-
 логические словосочетания. Более того, в этом словаре мы
 впервые обнаруживаем словосочетания синонимичного харак-
 тера, например:

исторгать слезы,
 приводить в слезы,

проливать слезы
 проливать слезы
 /т. 2, стр. 662/

Таким образом, несмотря на то, что понятие о слово-
 сочетании не выдвигалось первыми монголистами, но первые
 монгольские словари Я. Шмидта и О. Ковалевского все же отра-
 зили в монгольском языке наличие словосочетаний /стабили-

1. Там же стр.

2. О. К о в а л е в с к и й. Монгольско-русско-фран-
 цузский словарь, т. I - т. 3, Казань, 1844-1849.

зованных, устойчивых/, что является, безусловно, большой заслугой этих авторов.

Значительное место сочетанию слов уделено и в первой грамматике калмыцкого языка А.Попова. Это далеко не случайно, поскольку ученый считал, что "синтаксис или словосочинение излагает правила, по которым части речи, упомянутые в этимологии, соединяются в предложении"¹. А.Попов сравнительно подробно в своей грамматике рассматривает особенности сочетаний имен существительных, имен прилагательных, наречий и глаголов с управляемыми ими словами.

Значительный интерес для нас представляет третья глава "Синтаксиса" "Об управлении глаголов и особенном их употреблении", поскольку высказанные там некоторые положения имеют непосредственное отношение к данной работе. Прежде всего, А.Попов выделяет здесь ряд семантических групп глаголов, требующих при себе зависимых слов в определенных падежах. Он сообщает: "При действительных глаголах, означающих: 1. куплю или взятие, 2. делание или сооружение, имя предмета, которым выражается: А. цена и плата, Б. материал, употребляемый для сооружения чего-либо, поставляется в творительном инструментальном падеже"² а что "глаголы, выражающие движение души, следствием которых бывает стремление к другим, как-то: помогать, приличествовать, поклоняться, молиться, благоговеть, веровать, свататься, надеяться, пристращаться, любить, гневаться, ненавидеть, или недоброжелательствовать, жаловаться и т.п., требуют дательного падежа"³ и т.п.

Далее любопытным является момент, когда автор калмыцкой грамматики как бы поясняет, что глаголы именно "для совершенной полноты выражаемого ими действия или состояния требуют, чтобы с ними соединялись имена в известных падежах". Причем он отмечает, что "эти имена показывают различные отношения, как-то: 1. существование или пребыва-

1. А. П о п о в. Грамматика калмыцкого языка. Казань, 1847, стр.223.

2. Там же, стр. 267.

3. Там же, стр. 269.

ние предмета, 2. предмет, на который непосредственно обращается действие, 3. исходный пункт действия, т.е. предмет, от которого начинается или происходит действие, 4. назначение или конечный пункт действия, т.е. предмет, к которому устремлено действие, 5. средства к совершению действия и 6. соотношение или совокупность предметов, участвующих в совершении действия.¹

Таким образом, в грамматике А.Попова сочетания слов занимают заметное место. Однако он не сумел все же определить сущности и специфики словосочетания как особой категории.

Обобщением первых описаний синтаксиса монгольских языков является раздел "Синтаксис" из "Грамматики монгольско-калмыцкого языка" А.Бобровникова. Он, как и предыдущие ученые, также обращает свое внимание на определенные группы слов, которые, выступая в роли одного из членов предложения, "состоят из нескольких понятий, известным образом между собой соединенных"²

например:

истинное слово,

плодовое дерево,

одна чашка чаю и т.п.

первая часть

Выдвигая как одну из задач синтаксиса, изучение тех связей, которые устанавливаются между словами определенных групп, подобных вышеприведенным, и выступающих в предложении в роли одного члена, тем самым А.Бобровников подчеркнул, что связи и отношения между словами в предложении по качеству далеко не одинаковы. И совершен-

1. А. Попов. Грамматика калмыцкого языка. Казань, 1847, стр. 257.

2. А. Бобровников. "Грамматика монгольско-калмыцкого языка", Казань, 1849, стр. 198.

но не случайно, что, если в первой главе синтаксиса "О членах предложения" он рассматривает только те связи, которые возникают при сочетании имен, то во второй главе "О сочетании предложений" рассматривает также связи, которые возникают между косвенным падежом имени и управляемым им глаголом или качественным именем, например:

	разводить огонь,		задумать злое,
	увидел по следам,		пошел к скоту и т.д.

Таким образом, в работе А. Бобровникова мы также сталкиваемся с фактом анализа тех связей слов, которые имеют непосредственное отношение к проблеме словосочетания в монгольских языках. Но, к сожалению, дальше установления связей между словами отдельных группировок исследователь не пошел. В какой-то мере это объясняется тем, что он, как и все предшествовавшие ему исследователи, весьма расплывчато и ограниченно представлял себе объем и задачи синтаксиса. Задачи синтаксиса того периода носили больше практический характер.

Итак, А. Бобровниковым завершается тот небольшой период /ранний/ в отечественной монголистика, когда синтаксис монгольских языков включает в себя наряду с учением о предложении и анализ сочетаний слов.

Начиная с "Лекций по грамматике монгольского языка" В. Л. Котвича¹ и кончая современными грамматиками, синтаксис монгольских языков, как известно, стал преимущественно включать в себя учение о членах предложения и о предложении.

Несмотря на то, что анализ сочетаний слов был отодвинут на задний план, все же и в этот период /поздней-

¹ В. Л. Котвич. Лекции по грамматике монгольского языка, СПб, 1902.

Итак, некоторые вопросы, связанные с проблемой сочетания, находят свое освещение в косвенной форме в работах ряда монголистов, не говоря уже о том, что различные типы словосочетания зафиксированы в словарях К.Голстунского,¹ Позднеева² и Р.Рамстедта³.

Конечно, наибольший интерес для нас представляют работы монголистов советского времени. Так, Т.А.Бертагаев одним из первых в монголистике обращает внимание на устойчивый тип словосочетаний, который в статье "Об устойчивых фразеологических выражениях" называется им "фразеологическим сочетанием"⁴. Несмотря на то, что исследователь не дал точного определения тому, что представляют собой фразеологические сочетания в монгольских языках, все же автор проводит определенную границу между ними и свободными сочетаниями слов, от которых они отличаются тем, что "в живом языке используются как готовые фразеологические единицы, воспроизводимые, а не как организуемые в процессе речи. Таким образом, если свободное сочетание возникает в процессе речевой деятельности, то фразеологические единицы относятся к нормативно установившимся факторам языка. Следовательно, говорящее лицо ими пользуется как социально установившимся сочетаниями слов, взятыми из лексического фонда данного языка"⁵.

Далее Т.А.Бертагаев подчеркивает в этой работе, что тенденции перехода простых сочетаний слов к устойчивым фразеологическим группам вполне закономерное явление, поскольку "оно заключается в самой природе языка, как в системе средств социального общения или коммуникации. Социально-коммуникативная функция языка сама создает

1. К.Ф. Г о л с т у н с к и й. Монгольско-русский словарь, СПб, 1895.

2. П о з д н е е в. Калмыцко-русский словарь, СПб, 1911.

3. *U. Ramstedt. Kalmyckisches Wörterbuch. Helsinki, 1935.*

4. См. "Сборник трудов по филологии", вып. II, Улан-Удэ, 1949, стр. 64-119.

5. Т а м ж е, стр. 67.

почву для возникновения подобных нормированных устойчивых сочетаний, потому что каждое сочетание, выражая какое-нибудь одно цельное понятие или предмет, в процессе своего потребления может закрепиться за ним, как их естественное выражение"¹.

На основе материала бурятского языка Т.А.Бертагаев проводит своеобразную классификацию фразеологических сочетаний по двум признакам: грамматическому и структурно-семантическому, из которых привлекает прежде всего грамматическая классификация. Как известно, обычная грамматическая классификация словосочетаний как свободных, так и устойчивых, проводится по главному компоненту, поэтому различаются: именные, глагольные и наречные словосочетания².

У Т.А.Бертагаева же классификация проводится по двум компонентам: 1. субстанционально-глагольные, где зависимый компонент — имя существительное в косвенном падеже, а глагольный компонент — глагол, например: хамараа харха "возгордиться", дословно "смотреть носом"; 2. распространенные субстанционально-глагольные, которые состоят из нескольких имен, поясняющих друг друга, и глагола, например: нэднээ һорьмоһо харха "почудиться", дословно "увидеть ресницу глаз", соохор морео барьха "играть в карты", дословно "сдерживать чубарую лошадь"; 3. адъективно-субстанциональные, где оба компонента представляют собой имена, например: яһан тархи "памятливый", дословно "глазами теплый"; 4. причастно-субстанциональные, где причастие — главный компонент, а существительное — зависимый компонент, например: духаа катаһан "престарелый", дословно "лоба иссохший"; 5. адвербиально-глагольные, где главный компонент — глагол, а зависимый — наречие, деепричастие или имя, например: һунса татаха "замучить", дословно "тянуть до растяжения".

---

1. См. "Сборник трудов по филологии", вып. II, Улан-Удэ, 1949, стр. 18.

2. См., напр., Грамматика русского языка, II, Синтаксис, ч. I, М., 1954.

Но грамматическая классификация Т.А.Бертагаева охватывает не все типы устойчивых словосочетаний, тем более свободных, поэтому она требует в дальнейшем ряда дополнений.

Фразеологические сочетания различаются исследователем и по структурно-смысловым признакам: локализованные, сопряженные, сопряженные, слитные, сращенные или идеоматические, которые перечислены здесь в порядке увеличения их "идеоматичности".

Т.А.Бертагаев дает в работе подробное описание каждой из этих групп. Таким образом, на материале бурятского языка впервые в монголистике Т.А.Бертагаевым осуществляется попытка систематизировать устойчивые словосочетания, что является, безусловно, важным моментом. Однако при этом не следует забывать о том, что устойчивые словосочетания, возникшие исторически из синтаксических словосочетаний, занимают место не в области синтаксиса, а в лексикологии.

Ряд работ по синтаксису монгольских языков опубликовал Г.Д.Санжеев¹. По его мнению, "предметом синтаксиса может быть как полное, так и неполное предложение"². Исходя из этого, в разделе "Синтаксис" он обычно дает только характеристику членов предложения: сказуемого, подлежащего, дополнения и определения. Следовательно, словосочетания как особая синтаксическая категория не нашла своего отражения ни в одной из работ Г.Д.Санжеева. Здесь любопытно отметить, хотя словосочетания не выделялись им как особая синтаксическая категория, все же в одной из его работ особенность устойчивого типа словосочетаний привлекает его внимание. Он пишет по этому поводу: "Некоторая группа имен в форме первой или второй

---

¹ Г. Д. Санжеев. Синтаксис монгольских языков, изд. НИАККП, 1934, Грамматика калмыцкого языка, М., 1940. Грамматика бурятского языка, М.-Л., 1941, Современный монгольский язык, М., 1959.

² О н ж е. Синтаксис монгольских языков, стр. 7.

основы встречается в определенных сочетаниях с глаголами, составляя вместе с ними в сущности одну лексическую группу: классическ, садкiл нiгед "сойтись с кем-то в мнениях / взглядах, чувствах/", буквально "смысл соединиться", ад үзэх "ненавидеть" /буквально, ада "видеть", ада - дух, детоед/¹.

Несколько ниже в этой же работе он пишет, что "несомненно, станут предметом специального исследования примеры, в которых основа выступает в сочетании с некоторыми глаголами и именами: классич, сеге оруху /бурят. һэгээ орохо/ "начинать соображать", "приходить в себя" /о детях или взрослых после обморока, удара и т.д./, ходжигiр дархан сеге ороджу мiргүн үге ајiладхаба "плешивый кузнец, придя в себя, с поклоном начал говорить", бур. хүсэ орохо "набраться сил", гэрэл орохо "просветлеть", хүл хүндэ "беременная /букв. "нога тяжеля"/, худа орохо "сделаться сватами"² и т.п.

Но в работе Г.Д.Санжеева "Современный монгольский язык"³ мы сталкиваемся и с самим термином "словосочетание". Автор различает в современном монгольском языке лексические и синтаксические словосочетания. Судя по фактам, с одной стороны Г.Д.Санжеев рассматривает словосочетание как словосложение. Он пишет по этому поводу: "Наряду с образованием слов при помощи суффиксации и отчасти переосмысления старых слов, в современном монгольском языке широко используются в тех же целях различные типы сложения слов или словосочетания"⁴.

С другой стороны, словосочетаниями у него становятся и предложения, так как при перечислении форм грамматических связей слов в лексических и синтаксических словосочетаниях в разделе "Синтаксис" он отмечает и те связи,

---

1. Г.Д. Санжеев. Сравнительная грамматика монгольских языков, М., 1953, стр. 182.

2. Там же, стр. 187.

3. Там же, Современный монгольский язык, М., 1959.

4. Там же, стр. 80.

которые устанавливаются между главными членами предложения /между подлежащим и сказуемым/, т.е. предикативные связи: "О согласовании в монгольском языке можно говорить лишь применительно к предложениям с повелительными-желательными формами глагола, в которых сказуемое согласуется с подлежащим в лице: Та яв! Вы видите! Тэр яваг! Пусть тот идет! Бид явя! Мы идем! и т.п.¹

Таким образом, словосочетаниями у Г.Д.Санжеева являются обычные грамматические сочетания слов. Поэтому с одной стороны словосочетания включают в себя сложные слова, а с другой – предложения. Но такое широкое толкование понятия о словосочетании мы не можем принять, поскольку оно влечет за собой стирание грани между различными понятиями, во-первых, между словом и словосочетанием и, во-вторых, между словосочетанием и предложением.

В последнее время вышло учебное пособие по синтаксису бурятского языка², но, к сожалению, учение о словосочетании также не находит в нем себе места.

Делая обзор монголоведческой литературы под углом зрения освещения в ней вопросов, связанных с проблемой словосочетания, мы приходим к выводу, что в целом вопрос о словосочетании остается совершенно не разработанным потому, что синтаксис в монгольских языках до сих пор понимается ограниченно, узко, а именно, лишь как учение о предложении и его членах.

На наш взгляд, синтаксис калмыцкого языка должен включать в себя наряду с учением о предложении и учение о словосочетании, исходя из того, что учение о словосочетании является необходимым восполнением грамматического учения о слове и предложении³. Другими словами,

1. Там же, стр.80.

2. Т.А. Бертагаев, Ц.Б. Цэндендамбаев. Грамматика бурятского языка, Синтаксис, М., 1961.

3. В.В. Виноградов. Понятие синтагмы в синтаксисе русского языка. Сб. "Вопросы синтаксиса современного русского языка", М., 1959, стр.254.

синтаксис должен изучать не только специфическую природу предложения и его членов, но и свойства и особенности, правила и закономерности сочетания слов в предложении¹.

Несмотря на то, что по вопросам словосочетания было очень много написано, все же до настоящего времени ряд моментов, касающихся природы словосочетания, взаимоотношения словосочетания и предложения, словосочетания и слова, решаются весьма спорно. /Сравните, например, взгляды ученых А.В.Востокова, А.М.Пешковского², А.А.Шахматова³, И.И.Мещаникова⁴, В.П.Сухотина⁵, с одной стороны, и В.В.Виноградова — с другой.

Теоретической основой, от которой мы отталкиваемся в нашей работе, является учение о словосочетании акад. В.В.Виноградова, который выделяет словосочетание на базе предложения. Он так объясняет различие между словосочетанием и предложением: "Словосочетание и предложение — понятия разных семантических рядов и разных стилистических плоскостей. Они соответствуют разным формам мышления. Предложение — вовсе не разновидность словосочетания, так как существуют и слова — предложения. Но оно и по внутреннему существу своему, по своим конструктивным признакам непосредственно не выводимо из словосочетания..."⁶.

---

1. О.С. А х м а н о в а. Словосочетания. Сб. Вопросы грамматического строя М., 1955, стр.433.

2. А.М. П е ш к о в с к и й. Русский синтаксис в научном освещении. 1938.

3. А.А. Ш а х м а т о в. Синтаксис русского языка, 1941, стр. 274.

4. И.И. М е щ а н и н о в. Основные виды синтаксических группировок. Известия АН СССР, отделение литературы и языка, 1959, т. XVIII, вып.6, ноябрь-декабрь, стр.490-499.

5. В.П. С у х о т и н. "Проблема словосочетания в современном русском языке". /Сб. "Вопросы синтаксиса современного русского языка"/.

6. В.В. В и н о г р а д о в. Идеалистические основы синтаксической системы проф. А.М.Пешковского. Сб. "Вопросы синтакс.совр.рус.яз." М., 1950, стр. 38.

И более того, "словосочетание только в составе предложения и через предложение входит в систему коммуникативных категорий речи, средств сообщения"¹.

С позиции В.Виноградова, словосочетание, как и слово, следует относить к номинативным средствам языка, т.е. к средствам обозначения предметов, процессов, явлений, признаков и т.п. Словосочетание, как и слово, является строительным материалом, который используется в процессе языкового общения. Словосочетание хотя и выделяется на базе предложения, но оно может быть существовать и вне предложения, уподобляясь и в этом отношении слову.

Но хотя словосочетания и слова объединяются тем, что они являются номинативными средствами языка, все же они далеко неоднородны. Ни в коем случае нельзя отождествлять словосочетание с отдельным словом, о чем говорит выразительно и само название "словосочетание". Словосочетание даже в самом минимальном своем объеме представляет собой сочетание двух полнозначных слов, что предполагает раздельнооформленность его компонентов, выражающих единое понятие.

Следовательно, характерным признаком словосочетания в калмыцком языке является раздельнооформленность его компонентов. Поэтому компоненты одного и того же словосочетания в различных контекстах получают и различное оформление. Возьмем, к примеру, глагольное сочетание уг келж "говорить", что значит буквально "говорить слово". Сравнить: 1/ Района багширин хург деер босж уг келжэв. "Боова". На районном собрании учителей я выступила с речью. Эмтн шуугад уг келужэхш. "Боова". Люди шумят, не дают слова сказать. 3/ Кевун мошкрад, улабад угэн келж бээхш "Боова". Юнопа, съездившись, покраснев, не мог сказать ни слова. Из примеров видно, что словосочетание имеет столько же словоизменительных парадигм, сколько в нем содержится знаменательных слов. В

1. Там же, стр. 38.

противоположность словосочетанию слово характеризуется цельнооформленностью, и в зависимости от того, к какой части речи оно относится, имеет единую парадигму форм.

Раздельнооформленность компонентов позволяет отличать словосочетания в калмыцком языке от парных и сложных слов. Как известно, парные /например, эк-эцк "родители"/ и сложные слова /например, дунарх "говорить", букв. "производить голос, звук"/ могут состоять также из знаменательных слов, как и словосочетания. Но словосочетания отличаются от парных и сложных слов тем, что в них возможна синонимическая замена одного или двух компонентов, распространение компонентов и включение в предложение между ними других слов. В противоположность им парные и сложные слова, характеризуясь признаком цельнооформленности, остаются при всех случаях неизменными в своем составе.

Словосочетание не является сообщением об окружающей действительности, не выражает отношения к ней говорящего, а оно представляет собой сложное, расчлененное обозначение предмета, явления, понятия и т.п. Словосочетание не характеризуется той интонацией сообщения, которая присуща предложению, а интонация ему свойственна только та, которая наблюдается у сложного слова или фразеологической единицы.

Академическая грамматика русского языка дает следующее определение словосочетанию: "Предложение может распадаться на отрезки, представляющие собой группы слов, объединенные по смыслу и по грамматическим отношениям, или же на отдельные слова. Грамматические единства внутри предложения, состоящие не менее чем из двух полных /но служебных/ слов, называются словосочетаниями"¹.

---

1. "Грамматика русского языка", т. I, М., издательство АН СССР, 1952, стр. 10.

Из такого определения становится ясным, что не всякие слова представляют словосочетания. Поэтому следует обязательно отличать словосочетание от других сочетаний слов, лежащих с ним на одном уровне. Самая минимальная граница объема словосочетания в калмыцком языке выражается двумя полнозначными словами, например: чолун гер "каменный дом", элсте һазр "песчаное место", гер тэвх "строить дом", хот идх "есть пищу" и т.д.

Но нельзя считать словосочетанием сочетание полнозначного слова с неполнозначным словом, т.е. служебным. Так, например, в калмыцком языке послелог, относящийся к служебным словам и имеющий свое лексическое значение, хотя весьма и своеобразное, как это видно из примеров: гер хотна ард "дом за поселком", гер хотна еер /дом около поселка/, все же не дает словосочетания при сочетании его с существительным, поскольку подобные соединения не дают законченности в структурном отношении и смысловом. Действительно, если в словосочетаниях грамматическое единство и смысловая целостность определяется соединением именно двух полнозначных слов: көк ноһан "зеленая трава", чолу хайх "бросить камень", то в соединении существительного с послелогом последний как бы указывает на то, что должен следовать еще один член сочетания, тем самым подчеркивая структурную незавершенность. Послеложные соединения входят в структуру словосочетания в качестве одного компонента. Управляя косвенным падежом имени, местоимения и причастия, послелог служит как связующий элемент между членами словосочетания, например: эмнэннь тэлэ ноолдһн "борьба за существование".

Соединения знаменательных слов с служебными глаголами в калмыцком языке тоже не дают словосочетаний. В настоящее время в служебной роли активно выступают глаголы: бәэх, орх, одх, ирх, йовх, суух, үзх, авх, өгх, көх, образующие сложные глагольные конструкции, изучение которых принадлежит морфологии. Служебная роль у перечисленных глаголов /они же выступают и как полнозначные, срав. һарч одв "вышел" и школд одв "пошел в школу"/

возникла в процессе длительного исторического развития языка. В определенных позициях, в определенных сочетаниях слов эти глаголы, утрачивая свое лексическое значение, подвергались процессу грамматикализации, в результате чего они в настоящее время перестали выделяться как самостоятельные члены предложения. Служебные глаголы выполняют также грамматические функции, как и некоторые глагольные морфемы: видовые, временные и т.д. Сравнить: унах "мыть" /несовершенного вида/ и унаж оркх "вымыть" /длительно-совершенного вида/, или же механизацикх "механизировать", где глагол кех, лексическое значение которого "делать", выполняет функцию, соответствующую в данном случае русскому глагольному аффиксу - ирывать¹. Соединения знаменательных слов с служебными глаголами, выражающие единое лексико-грамматическое значение, которое качественно отлично от значения, присущего словосочетаниям, и представляют в калмыцком языке глагольные аналитические конструкции, например: курч ирх "придет", орад ирх "съездить"; авч одх "отнести", кедж йовна "работает", цокад авх "ударить", хуцад бээх "лягать" и т.п.

Грамматикализация служебных глаголов в калмыцком языке может протекать по-разному, в зависимости от этого следует различать переходные ступени. Пределом грамматикализации служебного глагола является момент, когда он превращается в аффикс знаменательного слова, например, сууж бэене дало суужэне "сидит", бичж бээнэв дало бичжэне "я пишу". В данном случае наблюдается образование синтетических форм. Следовательно, глагольные аналитические конструкции и синтаксические формы - это две крайности единого процесса.

Словосочетания не следует отождествлять с парными словами, которыми так богат калмыцкий язык. Парные слова, как и словосочетания, в ряде случаев состоят из двух знаменательных слов, например: гер-бул "семья",

---

1. Подобное явление отмечается и в языках других групп. См. В.Н. Ярцева. Предложение и словосочетание. Сб. "Вопросы грамматического строя", М., 1955, стр.

эк-ду "братья", эк-эцк "родители", шил-мил "посуда из стекла". Но семантическая функция, выполняемая парными словами, заметно отличается от семантической функции словосочетаний. Если парные слова возникли из практической потребности обобщать все частное, конкретное, то словосочетания возникли из потребности конкретизировать, расчленять общее, известное. Сравнить: гер "дом", но ишке гер "войлочный дом", "кибитка", чолун гер "каменный дом", моли гер "деревянный дом", эндр гер "высокий дом", улен гер "красный дом" и т.п.¹

В калмыцком языке мы отмечаем словосочетания простые и сложные. Простыми словосочетаниями называются такие, которые состоят из двух полнозначных слов. Академическая "Грамматика русского языка" дает им следующее определение: "Простыми словосочетаниями должны быть признаны синтаксически организованные и семантически цельные сочетания двух знаменательных слов, выражающие единое значение и имеющих способность быть обозначением предмета, действия, качества и т.п."². Приведем простые словосочетания: нарна герл "луч солнца", амтехн шүүсн "сладкий сок", хал шатах "разводить огонь", цэ нерх "готовить чай", эр-эрэ йовх "идти медленно" и т.д. Сложными словосочетаниями будут такие, когда два знаменательных слова обрастают зависящими от них словами. Сложные словосочетания образуются на основе простых словосочетаний путем распространения его членов. Они выражают обычно то же, что и простые словосочетания, но в более расширенном и конкретизированном виде. Сравнить: хасг тергн "казахская телега" и хасг темр тергн "казахская железная телега", или меддг кун "знающий человек" и бичг-тамһ меддг кун "человек, знающий грамоту". Основой исследо-

1. Тех, кто подробно интересуется парными словами, мы отсылаем к статьям Т.А. Бертагаева "Об основах термино-творчества в бурят-монгольском языке", Ученые записки, БМГПИ, вып. II, Улан-Удэ, 1950, и "Аморфные сочетания слов, Записки бур-монг. госуд. научн.-исслед. ин-та яз. лит., истории, 1941, вып. III-IV, стр. 13-31.

2. Грамматика русского языка, т. II, ч. I, стр. 20 1954.

вания словосочетаний вообще являются простые словосочетания. Даже в сложных словосочетаниях какой-бы они степени распространенности ни были, всегда анализируются те отношения и связи, которые устанавливаются между двумя основными его членами /компонентами/.

Здесь весьма важно отметить, что оба члена простого словосочетания по своему характеру далеко неодинаковы. Так, один член простого словосочетания всегда будет определяемым /господствующим, доминирующим, конституирующим/, а другой - определяющим /зависимым, подчиненным/. В зависимости от принадлежности слова, выступающего в роли главного члена, к той или иной части речи, в калмыцком языке различаются словосочетания: именные, например: уулин хавчг "горное ущелье", зэнгин мечмуд "члены предложения", куч-келсэр хувалһн "разделение по труду"; глагольные, например: чолуһар шивх "бросить камнем", шулуһар йовх "идти быстро" и т.д.

Синтаксическую функцию словосочетания в предложении выполняет всегда его главный член /компонент/. Между двумя членами словосочетания всегда будет существовать подчинительная связь. В калмыцком языке различаются два вида подчинительной связи: управление и примыкание. Зависимый член либо "управляется" главным, например: дегтр авх "взять книгу", либо просто "примыкает" к главному, например, модн ааһ "деревянная чашка".

Семантика и синтаксические функции глагола гих в
современном калмыцком языке

Речевой, или дигенциальный глагол гих /бур. гэхэ, монг. гэх/ играет исключительно важную роль в синтаксической системе монгольских языков. Причастные и деепричастные формы этого глагола способны выступать не только в функции связи частей сложных предложений, но и в качестве служебных слов, выполняющих иные грамматические функции. Поэтому необходимо специально рассмотреть значение и функции глагола гих как в составе всевозможных словосочетаний, так и в системе сложных предложений. Итак, рассмотрим сначала несюжные функции глагола гих, а затем перейдем к освещению его функций как связующего средства.

Несюжные функции глагола гих

1. Одна из основных функций различных форм данного глагола — выражение разнообразных модальных значений и оттенков при указании на какой-либо предмет, действие или признак. В таких случаях причастные и деепричастные формы глагола гих употребляются:

1/ в значении субъективно-оценочных частиц, передающих высшую меру проявления качества /признака/: хамгин яду гисн улс "беднейшие, самые бедные люди", тоомсрта гисн медэятр "почтеннейшие старцы", күчр гисн дэн "труднейшая /тяжелейшая/ война", кецу гидг бээдл "весьма затруднительное положение", эврте гидг залу "здоровенный мужчина; верзила"; "добрейший мужчина";

2/ в значении частиц, накладывающей определенные ограничения на тот или иной предмет, явление или признак¹. бүкл ерел жилд гилтэ "чуть ли не полгода", гер

---

1. Частица гилтэ одновременно сообщает высказыванию оттенок предположительности.

болнд гилте "чуть ли не в каждом доме", Эресе кевтен гилте "чуть ли не вся Россия";

3/ в значении частицы, передающей негативные эмоции /недовольство, неудовлетворенность, несогласие и т.п./: сууна гилг кмб? "Что значит сидит? Как сидит? Йовхшиг гисн кмб? "Что значит не пойду?" Юн гисн угв? "Что за слова? или К чему такие слова? Нужно отметить, что формы глагола гих в указанной функции выступают чаще всего с вопросительными словами и частицами;

4/ в значении частицы, выражающей оттенки иронии, фамильярности и некоторого пренебрежения: авхин гих нередлһте мерн "так называемый дядин конь", Хувцн гиснь халаста бшмуд, киртсн бес киилг "Вся одежонка его — бшмет с заплатками да грязная бязевая рубашка"; Школ гиж һанцхн ерете бичкн модн гер "Школа—то всего—навсего маленький деревянный домик в одну комнату";

5/ в значении утвердительной частицы, подчеркивающей объективность повествования: Ууһнь Очр гиж, отхнь Монк гиж бөөл. "Старший Очиром назывался, а младший — Монкой". Узгыл гиж нанд йирин уга билэ "Букваря же у меня не было вовсе";

6/ в значении междометно-модального слова с оттенком удивления, иронического замечания: Ямаран гийит. — "Скажите какой /какая/. "Нам гийит. "Скажите на милость. Даже вон как."

7/ в значении стилистически нейтральной частицы, вносящую некоторую долю уточнения и подтверждения: Ээж, Парнас гиснтн Греций гилг орнд бөөдг уул болдмн /Бас.Б., Б.о., 94/ "Мама, так называемый Парнас, — это гора, находящаяся в Греции";

8/ в значении частицы, указывающей на исключительность лица, в угоду которого совершается какое-либо действие: куукидэн гиж /гийэд/ авсн альчур "платок, купленный для дочери", бийдэн гихэс бшш йовшго билэв "Если бы не ради себя, то не пошел бы";

9/ в значении частицы, выражающей в сочетании с местоименным глаголом тийгх полную неожиданность: тийгн гихнь "между тем оказалось /оказывается/";

II. Формы глагола гих, кроме функций модально-экспрессивных частиц могут выполнять роль более специализированных частиц которым в известной мере присущи функции грамматических средств связи. Здесь уже формы глагола гих употребляются в следующих случаях:

1/ в значении приименной частицы, которая связывает определяемое слово с его приложением: Утнасн гидг өвгн "Старик Утнасун", Төрскнэ дун гидг газет "газета "Голос Родины", богшурһа гидг шовун "птица-воробей". В роли приименной частицы изредка выступают формы гихэд и гисн, которые употребляются с окраской некоторой фамильярности: Занда гихэд нег күүкн бөөһэд бөөдгж гижэл /Эрн.К., һ.х., 122/ "Говорили, что ждет /его/ одна девушка по имени Занда"; Дүүрэн гисн көвүн "Мальчик по имени Дурян /дүүрэн - "эхо, отголосок"/.

2/ в значении обобщающей частицы при однородных членах - именах собственных: Му-көвүнэ Аала, Нүүдлч, Коорч, Муутл гихэд Шонһрцахнд йовсн кмн билэ /Дорж.Б., М.о., 50/ "В Шонгорцуках проживали Мукебеиов Ала, Нюделчи, Корчи, Мутул"; Жаңһр, Хан-Төлвс, Әэлдхин зэрлг, Чосж Әрегин тууж, Чикнэ хужр гихэд зая-пандит үзгөр бичете үүдөврмуд бөөдгж /Эрнж.К., һ.х., 39/ "Оказывается, на заяпандитском письменном языке есть произведения "Джангар", "Хан-Төлбус", "История Чойджи Арага", "Украшение слуха".

3/ в значении частицы, являющейся собственно показателем подлежащего: Бийнь гихлэ улм чаңһрад, эм-далнь лардаһад, нурһ-турунь өсөд-өргжэд ирж /Бемб.Т., Түүмр/ "Сам же он еще более окреп, раздался в плечах и заметно вырос"; Мини эөмгт болсн хуврлт гисн өн цуг мана халымгин теөгт болсн хуврлт болжана /Дорж.Б., Отк, 3/ "Изменения, которые произошли в моем аймаке - это изменения, свершившиеся во всей нашей Калмыцкой степи";

4/ в значении частицы, указывающей на то, что высказываемая мысль /сообщение/ принадлежит неопределенному лицу. В результате создается впечатление объективности повествования: Бат кмн бат. Батин ээж уульдго гидг /Х.ү./ "Что крепко то крепко". Мать крепыша, говорят, не плачет". Употребление частицы гидг в вышеуказанном

значении очень характерно для фразеологических выражений, а также для пословиц и поговорок. Приведем примеры: Хахон деер мах булана гидг. "Как говорят, отбирать мясо, когда поперхнулся". Шаврт уон царын эзн чидлте гидг /Х.у./.

"Говорят, хозяин застрявшего в глине быка бывает силен".

Все перечисленные формы гих, будучи в роли той или иной частицы могут легко устранены из контекста, так как любая частица в силу своей лексико-грамматической ущербности вносит только добавочные оттенки экспрессивно-стилистического порядка. Оупущение их не вызывает нарушения семантики того слова или словосочетания, к которому они относятся. Ср.: Терүнд одна лавк гиж харв и Терүнд одна лавк харв /Дорж.Б., Отк, 58/. "Там открылась общественная лавка /магазин/". Эрк-чаһр гиж амндан авдго и Эрк-чаһр амндан авдго "Никаких спиртных напитков в рот не берет".

III. Формы глагола гих употребляются в роли компонентов устойчивых выражений: лексических и синтаксических фразеологизмов¹. Это деление основано на том, что первые из них соотносительны со словом, а вторые лишены такой соотнесенности, но как и первые имеют типовую структурную схему. Примеры лексических фразеологизмов: цеб гисн /кун/ "аккуратный, подтянутый, стройный /человек/", же гиж "еле-еле, кое-как" же гитлэн "до предела, до самого конца", эре гиж "едва, еле-еле", үкс гиж "быстро, спешно", бив гисн "самонадеянный, эгоистичный".

Примеры синтаксических фразеологизмов: чама /чамаг/ гиж /гиһэд/² санх "думать: "ну, погоди, задам тебе" Эн гих ээңг уга "Нет вести, достойной интереса и внимания". Бовь чама гиж санад, дотран батлад орксн киху Утнасонд үлдлэ /Дорж.Б., Отк, 15/. "Выношенная втайне мысль о мести так и осталась у Утнасуна".

---

1. Об этом см. подробнее: Т.А. Бертагаев, Ц.Ц. ы ден дам баев. Грамматика бурятского языка. Ч. II, Синтаксис, М., 1962, стр. 194-200.

2. Такие выражения Т.А. Бертагаева рассматривает как придаточные предложения нарушенной конструкции, или придаточные фразеологического типа.

IV. Формы глагола гих выполняют функцию грамматически изменяемого основного /конечного/ глагола при непроемных глаголах на -с, имеющих наречное значение. Такие сочетания выражают неполноту значения совершающегося действия: эндс гих /гиһэд, гитл, гихлэнь, гив/ "резко и быстро приподняться", адһс гих /гид, гиһэд, гив/ "поспешно, расторопно /что-либо делать/" тольс гих /гид, гиһэд, гив/ "мелькнуть", тудс гих /гид, гиһэд/ "неожиданно, внезапно приостановиться", жид гит /гиһэд, гисн, гид/ "проноситься, промчаться, пролететь,, промелькнуть".

Формы гихлэ, гихнь в сочетании со слитным деепричастием передают значение неожиданно совершившегося действия: хэлэнь гихнь /гихлэ/ "когда посмотрел, поглядел", ирн гихнь /гихлэ/ "когда пришел".

Форма гид, сочетаясь со слитным деепричастием, передает значение длительности и постоянности обозначаемого действия: йовн гид муурх "устать от хождения", күлэнь гид цекрх "отчаяться от ожидания".

Форма гив в сочетании со слитным деепричастием передает значение такого действия, которое чуть было не совершилось, например: цокн гив "чуть не ударил", уульн гив "едва не заплакал". Подобные сочетания могут выражать и значение осуществленного действия, но не достигшего в своем развитии кульминационной точки: алн гив "чуть /едва/ не убил", үкн гив "чуть /едва/ не умер".

Во всех рассмотренных случаях формы глагола гих, являясь изменяемыми основными компонентами сочетания, активно участвуют в формировании грамматического значения слов, к которым они относятся, а поэтому они не могут быть опущены.

V. В собственно глагольном значении формы гих, будучи словами-предложениями, подчиняют по способу примыкания другое сказуемое, состав которого может быть расширен до полного предложения: Асхдан гитчлэ ирлн гинэ /гилэ, гив, гид/ "Говорят, чтобы вечером приходили в гости". Примыкающее предложение может быть реализовано в виде прямой речи, что зависит от интонации: Дун-шун

угаһар эрлн. — гинэв. "Убирайтесь прочь без всяких слов. — говорю".

Структуры такого типа выступают как бессоюзные сложные предложения. Формы глагола гих в собственно глагольном значении принимают лично-предикативные частицы I-го и 2-го лица обоих чисел, а также частицы вопроса.

Союзные функции глагола гих

Для форм глагола гих, выступающих в функции связующих средств /союз и союзных слов/ характерно то, что они, являясь показателями синтаксических отношений между частями сложно-подчиненного предложения, составляют важнейший элемент его структуры. Поэтому опущение их невозможно. Для доказательства обратимся к сравнению двух конструкций: Шулгнр гисн жигтел улс /С-Б.Х., ФВ, 9/ "Поэты — странный народ" и Бийиннь тускар эн эвн эс болх уг Ольлад келэд орксн болвзго гиж санад Андрей чочсн болад одв /Инд.Д., О.к., 122/. "Андрей даже вздрогнул при мысли, не рассказал ли Ольде этот старик о нем чего не следует". Первая конструкция представляет собой простое предложение, в котором форма гисн, выступая в функции частицы — показателя подлежащего, без всякого ущерба смыслу предложения может быть опущенной. Во второй же конструкции форма гиж устанавливает связь между компонентами сложного подчинительного предложения: придаточным и главным. Здесь уже гиж выполняет функцию союза и потому ее нельзя опустить.

Дидендиальные связующие слова по своему составу бывают простыми /одиночными/ и сложными, или аналитическими. К группе простых связующих слов относятся, например, гиж, гих, гисн, гидг, гинэд, гед, гихэр, гихлэ, гисэр, а к группе сложных — гисн мет, гисн эдл, гисн чингэ, гинэ бээж, гинэ бээтл, гихэс биш, гихэс даву, гисн бийнь и др.

К простым следует отнести также и формы гижэтл, гижэһэд, гижэсн, которые образовались из сложных /ана-

стилистических/ сочетаний гиж бээтл, гиж бэеһэд и гиж бээсн. По стилистическим особенностям дицендиальные связующие слова делятся на нейтральные и риторически-вопросительные. В число последних входят всего несколько форм, преимущественно сложных: учр кмб гихлэ, учр кундвн гихлэ, кмб гихнъ, кн гихнъ, яһад гихлэ, кндгад гихлэ.

Учитывая, что дицендиальные связующие слова выполняют в сложноподчиненном предложении неодинаковую роль, их принято дифференцировать на союзы и союзные слова¹. Формы глагола гих в функции союза полностью лишены лексического значения и, не являясь членами предложения, служат только для соединения частей сложноподчиненного предложения. Если же формы гих обнаруживают в контексте свое вещественное значение, то они, сохраняя функцию связующего средства, одновременно выступают и как члены предложения. В таком качестве они играют роль союзных слов.

Чтобы установить, является ли форма гих союзом или союзным словом, применяется метод постановки вопроса². Формы ги, будучи употребительными в роли союзных слов, а следовательно, членов предложения — допускают постановку вопроса непосредственно к ним. Когда же формы гих функционируют как союзы, то они исключают эту возможность. Вопрос может быть поставлен только ко всему составу главного или придаточного, или же к сказуемому последнего. При этом нужно отметить объединяющий структурный признак союзов и союзных слов /за исключением риторических/ — это обязательная принадлежность их к составу придаточного. Приведем два примера:

1. Асхн шидр хаалһар йовж йовсн немшин хойр танк кукуруз дотр партизанмуд бээнэ гиж медцхэв /Бадмин А., А.ш.д., 199/. "Экипаж проходивших под вечер по дороге двух немецких танков догадался, что в кукурузе находятся партизаны".

1. См.: Т.А. Бертагаев, Ц. Цыдендамбаев. Указ. соч., стр. 228.

2. См.: Т.А. Бертагаев, Ц. Цыдендамбаев. Указ. соч., стр. 229.

2. Ода деерэн цаг бачм болад ирлцнху дунгэ мэрн олдсн уга гнхэд учран келхлэ худир зевд орад, тер мэриг авад үлдцхэв /Доржин Б., Отк, 33/. "Когда объяснили, что из-за спешности дела и нехватки времени не сумели найти подобающего коня, сваты согласились и взяли того коня /который был при них/".

В первом из этих сложноподчиненных предложений гиж — союз, так как он, не обладая лексическим значением, служит для единственной цели — соединения придаточного с главным. Придаточное кукуруз дотр партизанмуд сээнэ гиж находится в середине главного Асхж шидр... медцхэв. Поскольку гиж здесь союз, то поставить к нему вопрос нельзя. Он возможен только со стороны главного и причем ко всему составу придаточного: ю медцхэв? или юн гиж медцхэв?

Во втором примере мы также дело имеем со сложно-подчиненным предложением. Но особенность его в том, что связующее слово гнхэд реализует в контексте данного предложения свое лексическое значение. Следовательно, гнхэд играет здесь роль союзного слова и является членом предложения, в частности обстоятельством образа действия. Как к члену предложения к нему можно поставить вопрос от главной части яһад учран келхлэ? Деепричастный оборот учран келхлэ, от которого в прямой зависимости находится придаточное ода деерэн ирлцнху дунгэ мэрн олдсн уга входит в состав главного предложения худир зевд орад, тер мэриг авад үлдцхэв.

В заключении отметим, что формы глагола гих в роли союза имеют универсальный характер. Так, например, форма гиж может в одинаковой мере вводить субъектные, объектные, номинативные и даже уступительные придаточные предложения; гисн — субъектные, атрибутивные, гих и гидг — также субъектные и атрибутивные.

В отношении форм гих, употребляющихся в роли союзного слова, этого сказать нельзя; они не столь универсальны. Например, гихэр и гихэх встречаются только при

атрибутивном гивчн /гив чигн/ - при уступительном при-
даточном и т.д.

Кроме рассмотренных функций, формы глагола гих вы-
полняют и роль вводных слов при прямой речи.

С О К Р А Щ Е Н И Я

- Бадмин А., А.ш.д. - Бадмин Алексей, Алтн шорад даргд-
дго /роман/, Элст, 1969.
- Бас.Б., Б.о. - Басңна Баатр, Бумбин орн /пъесмү-
дин хураңу/, Элст, 1965.
- Доржин Б., Отк - Доржин Басң, Мини отк /түүк/,
Элст, 1968.
- Инж.Л., О.к. - Инжин Лиж, Ольдан күүкн /роман/,
Элст, 1963.
- С.Б.Х., ФВ - Сян-Белгин Хаср, Шүлмж болн
жирһмж /статья/, "Филологические
вести", 2, Элст, 1970.
- Х.ү. - Хальмг үлгүрмүд.

Место наречия в предложении калмыцкого языка

Известно, что некоторые исследователи монгольских языков считают порядок слов в предложении стабильным: все члены предложения находятся в строгой последовательности¹. В частности, этой точки зрения придерживается калмыковед У.У.Очиров, который пишет, что "... первое место в предложении занимает подлежащее, затем дополнение, обстоятельство, и предложение замыкается сказуемым, определение всегда предшествует определяемому². Однако определенная часть ученых – монголистов не придерживается указанной точки зрения и признает свободное размещение слов в предложении. Чаще всего для монгольских языков характерно следующее расположение: определение находится перед определяемым, дополнение и обстоятельство перед поясняемым словом, сказуемое – в конце предложения³.

В данной статье рассматривается вопрос о расположении обстоятельств – наречий места и времени в предложении в основном на материале калмыцкого языка.

Сочетание качественно – определительных наречий с глаголами, по мнению некоторых исследователей, воспринимается как единое, неразрывное целое. Однако в последнее время качественные наречия калмыцкого языка могут находиться в некотором отрыве от глагола, но явления такого рода встречаются редко, однако это уже наметившаяся тенденция. Например, Шулуһар байрта ээҗиг баһчудт

---

1. Д.Д. Амоголонов. Современный бурятский язык. Улан-Удэ, 1958, стр. 251.

2. У.У. Очиров. Синтаксис калмыцкого языка. Элиста, 1964, стр. 156.

3. Т.А. Бертагаев. Синтаксис современного монгольского языка. М., 1964, стр. 66.

Г.Д. Санжеев. Современный монгольский язык. М., 1960, стр. 81.

Кучэр /Б.А./ "Я быстро радостную весть доставлю моло-
дежи". Кучэр кедлмш даалчкад, дакад күцэсн уга гифэд
зархла хархулхий? /Д.Б./ "Насильно поручив работу, а
после, когда не выполняю ее, хочешь привлечь меня к от-
ветственности". Алтн-Худгин сельсоветин хардачнр төвк-
вчнэр тер бачм төрмүдэн күцэж, кэтрэтхэ /Д.Б./ "Пусть
руководители сельского Совета Алтан-Худька спокойно
завершают те неотложные дела". Болв чигн, кезе-альд,
нх келхэн сээнэр эн меддг ик туста заңшалта билэ /Д.Б./
Однако, когда и где, как сказать, он хорошо знал.
/Букв. Однако, когда и где, как сказать, хорошо он зна-
вший полезное обыкновение имел/.

Обстоятельное наречие в предложении указывает место и время действия и нередко выступает как само-
стоятельный независимый элемент, если оно интонационно
обособляется. В этом случае наречие отделяется от ска-
зуемого другими членами предложения. С этой точки зре-
ния считаем не верным высказывание Д.А.Алексеева, ут-
верждающего, что "действие существует... вне связи с
наречием"¹.

Рассмотрим несколько примеров с наречиями места и
времени, расположенными в начале предложения: Зууран
поштар орл уга ирсн болхла, дигтэ харх бээж /Э.К./
"Оказывается, если бы /я/ по пути не заглянул на почту,
как раз бы встретился /с ней/". Гадүүр нь нэг ч малгуй,
харин дэрс бут ургэлжилжээ /монг. Нанд. Зох.Туув/.
"Во дворе у него не было ни одной скотины, зато было
полно чертополоху и крапивных зарослей". Эндэс хойр мөр-
тө кун зөвөр чаңг хатрлар ойвж одцхав /С.Б./ "Отсюда
двое верховых ускакали довольно быстрой рысью". Өмннь
халымг келэр тийм шүлгүд соңсад уга билэв, йир сэн шүл-
гүд болж медгдв /Э.К./ "Раньше я на калмыцком языке
такие стихи не слышала, стихи показались мне очень хо-
рошими". Эртинэ теднэ элчнр Хараданд кесгтөн бээсн билэ

1. Д.А. Алексеев. Наречие в бурят-монгольском языке. Улан-Удэ, 1941, стр. 106.

/Э.К./ "Недавно их посланники надолго задержались у Харды".

В приведенных примерах выделенные наречия не характеризуют непосредственно глагольную форму, а как обстоятельства места и времени относятся ко всему предложению в целом; поэтому они могут интонационно обособляться и находиться на значительном расстоянии от сказуемого, к которому относятся.

В данном случае не чувствуется той тесной связи, которая так характерна для качественно-определятельных наречий.

Однако наречие места и времени занимает положение перед членом предложения, выраженным отглагольной формой — деепричастием и причастием, — и ставится непосредственно перед ним, независимо от того, выступает ли отглагольная форма в качестве определения, дополнения и т.д.: Манж харһуд тус эмнэн ширтж хэлэв /К.А./ "Манджи в темноте пристально посмотрел вперед". Эмгэн ач охилно Холхноос ажиглан зоголоо /монг. Гаад.Дунд/. "Бабушка, заметив внучку издалека, остановилась". Хажуд суусн баһчуд цуһар дуудь /Э.К./ "Рядом сидящие молодые люди все запели". Серн ахдан сееднь үзгдсн зүүдэн келж егв /Э.К./ "Проснувшись, я рассказал брату приснившийся мне ночью сон". Маһдур ерүн түдл уга йов. /Э.К./ "Завтра утром не задерживаясь выезжай."

Деернь һарсн тооснь

Пыль, подыавшаяся наверх,

Оһтрһуд күрн цоонглад,

Почти до небес достигая клубами,

Тер маһсин ориг

Тех мангасов страну

Таг дарад йовна /Ж./

Совершенно окутала туманом.

Наречие места и времени может также находиться непосредственно перед сказуемыми в изъявительном, повелительном, желательном и условно-предостерегательном наклонении: Чи тендәһәр йов, би эндәһәр йовсв хаана үүднд харһия /загадка/. "Ты иди по той стороне, я пойду по этой стороне у дверей хана встретимся". Иимичнь медсн болхнь, чамд одх биш, нам холаһур йовх билэв /И.Л./

Если бы я знала, что ты такой, я бы не только не вышла за тебя, а обходила бы стороной". Били эртэснь белдвр кх зертвди. Эн халхар тодрха заавр даруд авхт /Д.Б./ чмы должны заранее начать подготовку. По этому поводу в скором времени получите подробную инструкцию".

Эмтэ залус герэдэн зөөхлэ, эн һэргтэ зенг, һазаран зөөнэ /Б.А./ "У других людей мужья домой несут, а эта бестлочь из дома выносит". Манай хуу торсон эх эцгээ хол явас удахгүй ирнэ /монг. Ард.ам.зох./ "Наш мальчик ушел далеко, чтобы провести своих родных, но скоро вернется". Нанд туульта дегтр бөөнэ гиж би чамд асхнаһа келлүсв /Э.К./ "Я ведь вчера тебе говорил, что у меня есть сказки /букв. со сказками книга/".

Иногда наречие места может находиться в абсолютном конце предложения: тогда оно употребляется в качестве присвязочного члена, часто в сочетании с глагольными связками. Необходимо отметить, что в составе сказуемого наречие места чаще всего встречается в разговорной речи и фольклоре. В калмыцких пословицах и поговорках, когда наречие места находится в конце предложения, оно обычно не сопровождается глагольными связками. Это, вероятно, связано с тем, что такие фразеологизмы, которые по своей природе очень лаконичны и насыщены по содержанию, не нуждаются в лишних компонентах. К тому же появление этих глаголов-связок придало бы им более конкретный, временный оттенок, что было бы нежелательно для изречений наставительно-поучительного характера. В разговорной речи в этих пословицах и поговорках возможно употребление глагольной связки; это может быть вызвано определенной речевой ситуацией, когда необходимо выразить различные модальные оттенки: уверенность - неуверенность, достоверность или предположение и т.д.

Хуучн үр	Старый друг
Хойр шинэс <u>деер</u> /Х.т./	Двух новых <u>лучше</u>
Ичр уга элгнэс	Чем бессовестный родственник,
Ичртэ дэсн <u>деер</u> /Х.т./	Лучше совестливый враг.
Ичр - үклэс <u>дор</u> /Х.т./	Стыд - смерти хуже.

Куунэ эрэн дотрнэ.
Моһан эрэн һаза /Х.т./

Пестрота человека внутри,
А змеи - снаружи

В разговорной речи эти пословицы и поговорки часто употребляются с глагольными связками. Ср. Ичр - үклэс дор /гидг, болдг, болдмн и т.д./.

Слова взятые в скобки, придают фразеологизмам различные модальные оттенки.

В современной калмыцкой прозе очень редко, но все же можно встретить такие конструкции предложения, которые менее характерны для данного языка. Например: Тергнэ төгэ, цанһн ул, мажурин шудн, ай, алык тоотинь келхв, курз, сере куртл - мел энд /Т.Г., 1970, №1/. "Колеса телег, полозья саней, зубья граблей, ай, разве обо всем скажешь, даже лопаты, вилы - все здесь".

Очевидно, подобные предложения стали появляться в калмыцком лишь в последнее время.

Таким образом, обстоятельственное наречие места и времени сочетаясь с глаголами и отглагольными формами, а также с другими частями речи, обычно занимает определенное место: оно может находиться в начале предложения и в этом случае наречие интонационно обособляется, в середине, а также в конце непосредственно перед глаголом; если наречие служит определением к отглагольной форме, оно всегда предшествует непосредственно ей.

В разговорной речи, а также в пословицах и поговорках наречие места часто перемещается на абсолютный конец предложения, то есть в зависимости от функционального задания оно может менять свою позицию.

В связи с этим возникает вопрос: почему наречия места и времени более свободны в своих позиционных возможностях, чем качественно-определятельные.

Нам, кажется, это связано со значением этих наречий, а также с тем, может ли наречие определять все предложение в целом, или только поясняемое слово непосредственно. Кроме всего этого, как заметил Т.А.Бертагаев "Возможность свободного расположения слов обуславливается тем,

Что сочетаемые слова или одно из сочетаемых слов в монгольских языках в большинстве случаев имеет свои собственные морфологические показатели, которые не позволяют смешивать их со словами иных грамматических категорий и синтаксических функций.

В тех случаях, когда оба сочетаемых слова не обладают такого рода точными и определенными морфологическими показателями, их функции в предложении берет на себя порядок, тогда исчезает возможность свободного расположения слов¹.

Список сокращений

Б.А.	- Балакан Алексей
Д.Б.	- Доржин Бася
Ж.	- Жаңыр
И.Л.	- Инжин Лиж
К.А.	- Куукан Анатоль
С.Б.	- Сангажин Бося
Т.Г.	- "Теегин герл"
Х.Т.	- Хальмг туульс
Э.К.	- Эрнэне Константин

---

1. Т.А. Бертагаев. Указ. соч., стр. 66-67.

Причастие будущего времени в современных монгольских языках в функции главных членов предложения

Синтаксические функции причастия будущего времени в монгольских языках очень разнообразны. Оно может выступать в предложениях как в качестве главных членов /сказуемого и подлежащего/, так и в роли второстепенных членов /определения, обстоятельства, дополнения/. Выполняя роль сказуемого в предложении, причастие будущего времени может входить в состав как именного, так и глагольного сказуемого.

В данной статье рассматриваются конкретные случаи синтаксического употребления причастия будущего времени в монгольских языках, преимущественно на материале калмыцкого языка.

Как известно, причастие будущего времени образовалось при помощи суффикса -х, исторически восходящего к -ху, -хуј. Этимология данного суффикса в монгольских языках до сих пор не раскрыта. Впервые его употребление было отмечено в XIII в. в письменном памятнике монголов "Сокровенное сказание". В старомонгольской письменности на основе исследования текста этого памятника были зафиксированы следующие суффиксы причастия будущего времени: ¹ -qij, -nij и -qin, -kin наряду с -ki для основы с передним гласным и с -qi - для основы с задним гласным. Наличие древней формы суффикса -kij и -qij было отмечено в заяпандитской письменности (todo vičiq).

Наряду с ними в старокалмыцком языке встречается показатель будущего времени причастий -ху - и его вариант -хуј - вместо -*kij- и -*qij.

---

1. М.Н. Орловская. Употребление причастий в "Сокровенном сказании" монголов. Сб. "Филология и история монгольских народов". М., 1958, стр.101.

Генезисом данного суффикса издавна интересуются исследователи алтайской группы языков. Еще Г.И.Рамstedт проводил параллель между ... хатагу "крепкий, твердый" и монг. хатаху "сохнуть"¹. Но точка зрения Рамstedта по поводу этимологии данного суффикса в наше время признается неправомерной². Как уже отмечалось выше, природой суффикса -х, а также и самим причастием будущего времени, его значением и употреблением интересовались монголисты разных поколений.

Наибольший интерес, на наш взгляд, заключается в том, что суффиксы данного причастия и глагола в форме будущего времени изъявительного наклонения совпадают. И в том, и в другом случае выступает один и тот же показатель - суффикс -х. По этому поводу было высказано диаметрально противоположное мнение, согласно которому в монгольских языках отсутствует форма будущего времени изъявительного наклонения³. По мнению же Д.А.Алексеева, в монгольских языках, в частности, в бурятском, существует как причастие будущего времени на -х, так и глагол будущего времени с тем же показателем⁴. Существует также несколько иная точка зрения, заключающаяся в том, что хотя в монгольских языках и нет отдельной морфологической формы для выражения действия будущего времени, но оно выражается той же формой, которая передает действие настоящего времени. Различия в значениях определяются контекстом, по смыслу. На выражение же действия

---

1. Г.И. Р а м с т е д т. Введение в алтайское языкознание. М., 1957, стр.89-90.

2. Д.А. А л е к с е е в. Функции причастия будущего времени в бурятском языке. Сб. Вопросы филологии стран Азии и Африки. Вып. I, Л., 1971, стр.39.

3. Г.Д. С а н ж е е в. Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол, М., 1963, стр. 131.

4. Д.А. А л е к с е е в. Указ. соч., стр.40.

в будущем указывает присутствие какого-либо времяуказывающего слова¹. С другой стороны, причастие будущего времени формально идентично инфинитиву, существование которого в монголоведении обычно отрицается. Т.А.Бертагаев считает, что инфинитив как особая глагольная форма имеется в монгольских языках. Это начальная, исходная глагольная форма на -х, лишенная значения времени, наклонения, лица и числа. И, самое главное, инфинитив - это не причастие будущего времени, с которым оно совпадает по форме. Он не определяет имя и не склоняется, как субстантивированное причастие: Архи ууха амнай зоболон, тамхи татаха тангалайн зоболон. /бур.погов./ - "Пить водку - мука для себя, курить табак - мучение для дыхания" /букв. "для неба"/².

Столь разные взгляды на природу причастия будущего времени, инфинитива и форму будущего времени изъявительного наклонения, имеющих одинаковый показатель, объясняются, видимо, специфическими особенностями употребления, как самого причастия, так и принципиально различным подходом исследователей к данной категории. На наш взгляд, причастие будущего времени - это своеобразная глагольная форма, очень многозначная в своем употреблении, которая выражает направление на реализацию действия, которое обычно устремлено в будущее. Причастие будущего времени может выступать в роли глагола изъявительного наклонения. Вопрос же о том, где причастие будущего времени, а где изъявительная форма глагола решается в зависимости от контекста и их синтаксической дистрибуции. В частности, для различения данных форм существенно наличие различных частиц /лично-притяжательных, лично-предикативных и отрицательных/, всевозможного вида после-

---

1. З.В. Ш е в е р н и н а. О синтетических временных формах изъявительного наклонения в современном монгольском языке. Сб. Краткие сообщения Института народов Азии. Монголоведение и тюркология. М., 1964, стр.31.

2. Т.А. Б е р т а г а е в. Синтаксис современного монгольского языка в сравнительном освещении. Простое предложение. М., 1964, стр.41.

лога, а также позиция причастия будущего времени по отношению к определяемому слову, и, наконец, контекст и смысл всего предложения. От препозиции или постпозиции причастия будущего времени по отношению к определяемому слову зависит также и его синтаксическая роль в предложении. Причастие будущего времени, как и формы остальных причастий, употребляется в предложении в различных синтаксических функциях: подлежащего, сказуемого, определения, обстоятельства, дополнения. Мнения ученых расходятся относительно употребления причастия будущего времени в роли сказуемого. Так, по Д.А.Алексееву, причастие будущего времени не может быть сказуемым законченного предложения, "но часто является сказуемым придаточного предложения времени", т.е. причастного оборота¹. В противовес данной точке зрения существует другая², — заключающаяся в том, что одной из основных синтаксических функций причастия будущего времени является — выполнение роли сказуемого в предложении, при этом, причастием приобретаются все функции глагола.

Как было отмечено выше, основная функция причастия будущего времени зависит от позиции его по отношению к определяемому слову, что влечет за собой и характер изменения его синтаксической роли в предложениях. В препозиции к определяемому слову оно обычно выступает в роли определения, т.е. несет на себе атрибутивную функцию, а в постпозиции — это предикат. При этом изменяется обязательно функция как самого определяемого слова, так и причастия:

---

1. Д.А. Алексеев. Функции причастия будущего времени в бурятском языке. Сб. Вопросы филологии стран Азии и Африки. Вып. I, Л., 1971, стр.40.

2. См. Т.А. Бертагаев. Синтаксис современного монгольского языка в сравнительном освещении. Простое предложение. М., 1964, стр. 96; М.Н. Орловская. Употребление причастий в "Сокровенном сказании" монголов. Сб. "Филология и история монгольских народов". М., 1958, стр.102.

1. сурх үг - "слово, которое должны спросить"
2. үг сурх "слово спросит"
-

а - в

в - а

1. келх үг - "слово, которое должны сказать"
2. үг келх - "слово скажет"
-

а - в

в - а

В первом случае наше причастие несет атрибутивную функцию, являясь определением при определяемом слове - существительном үг - "слово" в исходном именительном падеже. Становясь определением, причастие утрачивает категориальные значения переходности, вида, а также ослабляется значение времени. Во втором же случае происходит резкая трансформация синтаксической функции как определения, так и определяемого, связанная с переменой мест наших "слагаемых". /В первом случае отношения: а - в, во втором случае: в - а/. Определяемое слово /в/, заняв препозицию по отношению к причастию, становится прямым дополнением, а определение /а/, выраженное причастием будущего времени - сказуемым, в результате чего усиливается глагольность последнего. Переходность и время вновь приобретаются причастием. Вместе же рассматриваемый словокомплекс представляет единую синтаксическую группу, где в первом случае зависимым членом является определение, выраженное причастием будущего времени, а во втором - определяемое слово, выраженное существительным в именительном падеже. Морфологически являясь отглагольным прилагательным, в синтаксическом отношении оно несет атрибутивную функцию. Причастие - определение соотносится в данном случае с понятием вида и времени, показывая, тем самым, долженствование действия через признак или выполнимость последнего, но оно утрачивает категорию переходности, следовательно, и интранзитивности и лишается также значения лица и модальности в отличие от собственно глагола.

Но, когда причастие будущего времени употребляется

в своей атрибутивной функции, нередко смещаются прису-
щие ему категориальные признаки, в частности, время:

1. - Һарх Һал Һарнь дүрстө /калм./ /Д., стр.285/
" - Обликом похожа на огонь восходящего солнца".
2. - Ам зээлх ушн олдсн уга. /калм./ /Д., стр.40/
"Не нашлось воды, чтобы сполоснуть рот".
3. Эн бид хойр ода харһх цаг болъ билтөл /калм./
/Д., стр.89/ - "Видимо, настало время встретиться
и мне".
4. Энэ Тахуунай гэдэг эдихэ хоолгүй, үмдэхэ хубсаһар
ехэ тулкуур... /бур./
"Этот, так называемый Тахуунай, не имеет пищи для
еды, одежды для носки..." /Б.у.з.р., стр.12/
5. ...эдихэ юмэ элбэгээр олдохоо болибо. /бур./
/Б.у.з.р., стр.13/ - "...стало возможным найти в
изобилии что-либо с"едобное".
6. Амгаланда еөртэнъ бэшэ, харин хүбүүдэнъ, Алдартал
туһалха хүн байнал даа энэ Гонгор. /бур./ /"Бай-
гал", № 6, 1974, стр.8/ - "Этот Гонгор является
человеком, который окажет помощь не Амгалану лич-
но, а его сыну - Алдару".
7. Боб, уух км захиач. /монг./ "Боб, закажи что-ни-
будь выпить" /пьющее что-то/.
8. Өглөөний ургах улаан нарны гэрэлд энд тэндгүй үхсн
хүн морь. /монг./ /Ринчен, Их нүүдэл, стр.11/
"В лучах утреннего расцветающего красного солнца
там и сям /видны/ трупы людей и лошадей".

Во всех трех языках на примерах данных предложений мы
можем отметить, что будущее время причастий смещается
в сторону настоящего и прошедшего времени, приобретая
при этом некоторый признак постоянности, характеризую-
щий определяемое слово.

Следует также отметить, "что в отдельных случаях
определение, выраженное причастием, может находиться
в нулевой форме, косвенного падежа"^I. В синтаксическом

И.Т.А. Бертагаев. Синтаксис современного мон-
гольского языка в сравнительном освещении. Простое пред-
ложение. М., 1964, стр. 173.

плане определение, выраженное причастием будущего времени, может быть как одиночным, так и выступать в составе целого придаточного предложения или причастного оборота. Занимая в предложении препозицию по отношению к определяемому слову — существительному, причастие сохраняет свою изначальную форму, в то время как последняя может приобретать лично-притяжательные частицы или склоняться по падежам. Являясь же ведущим словом оборота, причастие может сопровождаться различного рода послелогами, от которых в определенной мере зависит функциональное значение самого оборота. По терминологии Т.А.Бертагаева, определением выраженным именем или, в данном случае, причастием будущего времени, называют "обратимый" второстепенный член предложения, который имеет возможность переходить в сказуемое, "будучи перенесенным за поясняемое существительное или субстантивированное имя¹.

х х х

Причастие будущего времени наряду с атрибутивной функцией в предложении, также может выступать и в роли подлежащего. Обозначая действие как часть речи, оно в синтаксическом плане показывает субъект действия со значением процессуальности, присущей рассматриваемому предмету. Причастие будущего времени, выступая в роли подлежащего, субстантивируется, зачастую принимая лично-притяжательный аффикс — нь, и употребляется в форме именительного падежа. Следовательно, подлежащее, выраженное причастием будущего времени, — это субстантивированное слово, потерявшее свои категориальные значения /время, вид, модальность, переходность и т.д./. Как известно, в состав главных членов любого двусоставного предложения входят подлежащее и сказуемое, кото-

---

1. Т.А. Бертагаев. См. указ. соч., стр. 168.

не относятся друг к другу как общее и частное. Но для выражения главных членов предложения нужны различные грамматические средства. Таких средств в языке два: 1/ специализированные и 2/ неспециализированные¹.

Наше причастие относится ко второй группе грамматических средств, служащих для выражения подлежащего, с последующей субстантивацией его. Так, в монгольском языке субстантивация причастий очень ярко выражена в таких словах, как орох - "выходить", гарах - "выходить", трансформировавшихся в современном монгольском языке во "вход" и "выход" /указатели слов, н-р, в магазинах/.

В монгольских языках существуют следующие специальные показатели подлежащего: гэж, гэгч, гэдэг, гэвэл, бол, болов, хэмэгч, хадаа, нь, чинь, ч: багшийн хэзээ ирэх нь одоо ил биш - "пока не ясно, когда придет учитель". Частица - нь по своей природе является факультативной частицей, и, поэтому иногда в сочетании с причастием будущего времени указывает на то, что "действие совершается в данный момент, без прерывания: явах нь - уйдёт сию минуту" или "вот, вот уйдет"².

Форма причастия будущего времени в творительном падеже при помощи местоимений частицы им "что" очень часто субстантивируется и выступает в предложении в роли подлежащего:

Тер үед гайхуулхаар им байх нь дээ /Даржаа, Өглөө/ - "В то время было от чего удивляться". Досл.: "В то время удивляющим что было"³.

Рассмотрим примеры с причастием будущего времени в роли подлежащего:

1. У.Б. Алиев. Синтаксис карачаево-балкарского языка. М., 1972, стр. 124.

2. Т.А. Бертагаев. Синтаксис современного монгольского языка в сравнительном освещении. Простое предложение. М., 1964, стр. 152.

3. Т.А. Бертагаев. Указ. соч., стр. 80. Пример заимствован там же.

1. Өгүүдэх ину: Уулын суганд нууцгайхан хоносон нэгэн баг вүүдэлчин, тэнгэр газар хоёр ялгаран уул завсарлах үес хөдлөцгөөж, умар зүг чиглэн мордов. /монг./ /Ринчен, Их нуудал, стр.7/. "Вступление /изречение/: У подножья горы тайно ночующая кучка кочевников, направляющаяся в сторону востока ясно выделялась у горы на фоне неба и земли, где они сделали перерыв и сейчас приходили в движение".

2. Хүн улсын нутаг тэмцэн оргох нь улэмж болж, түмэн газрын урт хэрэм дууоган барьсан цаг, дураар умар зүг нүүн оргож чадахгүй болоод, гагцху эзгүйчлэн, цэрэггүй боомтоор сэм нэвтрэх болжээ. /монг./ /Их нуудал, стр.9/. "Стало более ясным, что побег их был направлен в сторону поселения людей, впервые покинутая ими крепость длиною в десять тысяч, покинутые армией, прорвав засаду, они крадучись просочились, но не на восток, как было намечено раньше по их желанию".

3. Тэрэндэ этигэхэнь бэрхэ. - "Трудно верить ему". /бур./.

4. Уух, идхнь элвг, эмсх, зүүхнь дүүрнг. /Ө.ү.стр.12/ /калм./ - "Много пищи, еды, полно всякой одежды".

5. Кел келх хойр. - "Язык и речь". /Заголовок статьи/. В рассматриваемых предложениях причастие будущего времени, выступая в синтаксической функции подлежащего лишается своего главного категориального признака времени.

х х х

Сказуемое в монгольских языках может выражаться почти всеми частями речи, в том числе и причастием будущего времени. По своей структуре сказуемое, выраженное причастием будущего времени может быть простым и составным /сложным/. Простые сказуемые в монгольских языках выражаются одиночными причастиями, составные сказуемые состоят из знаменательной части и служебного слова. Составные сказуемые в монгольских языках в свою очередь делятся на: собственно-составные, сложно-состав-

усложненно-составные¹. В монгольском языке простое сказуемое подразделяется на: 1/абсолютно простое, которое не допускает при себе употребление каких-либо связок и 2/относительно простое, допускающее употребление связок в ограниченном количестве². Наше причастие будущего времени, употребляясь в роли относительно простого сказуемого, принимает все свойства собственно-глагола.

Примеры с относительно простым сказуемым, выраженным одиночным причастием будущего времени:

1. Багадаа эх эцэгтэйгээ гурвуул Атенд байсан үеэ санахад, эүүд мэт санагдах ахам. /монг./ /Ринчен, Их Нуудэл, стр.14/. - "Подобно сну пролетает тот период, когда я вспоминаю о том, как мы втроем с матерью и отцом жили в Атене".

2. Баяцуул ноёцуулын гахай, үхэр, хонь, ямаа, адуу нь уулин ямаар дүүрч, ядуу тариачинд тарианы газар олдохгүй, баяцуулаас түрээслэн эүдэрч байдаг гэгчийг та яахин мэдэх вэ. /монг./ /Ринчен, Их Нуудэл, стр. 32/. "Не знаете ли вы, что делать неким изможденным арендующим /землю у богачей/, если не находится посеяных земель, в то время как стада свиней, коров, овец богачей заполнили все ушелы".

3. Тээд हुни дунда ондоо хаана онохо юм. /бур./ /"Байгаль" № 6, 1974, стр.25/. - "Итак, куда же еще можно пойти среди ночи?"

4. Балма хүдээ явах. /бур./ "Балма отправится в худон".

5. Нег селгөһөр алдргон Хоңһр Дандһр хойр нег цагин селгөһөр ирх. /калм./ /Д., стр.260/. - "Разом исчезнувшие Хонгор и Джангар в одно прекрасное время вернутся".

6. Угтнь манас өшөһөн авх. /калм./ /Д., стр.330/
"Он не замедлит взять реванш".

1. Т.А. Бертагаев. См. указ. соч., стр.103.

2. Там же, стр. 84.

7. Гертэсн холд кеджлэ, уха сурх, хөөнь бийднь сэн болх, — гнз дү күүкиь кель. /калм./ /Б.А., стр.18/.
"Если будет работать далеко от дома, научится уму-разуму, ему же будет лучше", — сказала младшая его сестра".

Причастие будущего времени в рассматриваемых предложениях может принимать различные оттенки, если к нему присоединяются частицы и присказуемые слова. Так, с частицей км /ошоко км/, в отличие без этой частицы, означает не только совершение действия в будущем, но также оттенок несколько ослабленной утвердительности совершения действия. С отрицательной частицей — гүй /олдохгүй/ указывает на несовершенство того или иного действия. С частицей ажэ /аж/ — /санаглах ахам/ указывает на длительность или продолжительность протекаемого действия. Но так или иначе, значение будущего времени в приводимых выше примерах сохраняется, и, как всегда, оно устремлено на реализацию его в будущем. Глагольность причастия будущего времени в конечной позиции в качестве предиката законченного предложения значительно усиливается, благодаря проявлению категории времени, переходности, вида, т.е. всем глагольным свойствам. Употребление причастия в качестве оказуемого способству-ет смешению его с соответствующей формой глагола будущего времени изъявительного наклонения и инфинитивом, что затрудняет решение вопроса об их разграничении. Как выше отмечалось, некоторые исследователи отвергают наличие вообще инфинитива в монгольских языках, а причастие будущего времени называют причастием настоящего-будущего времени¹, другие отрицают синтаксическую роль причастия будущего времени в качестве сказуемого законченного предложения², третьи отрицают будущее время глагола, заменяя его причастием будущего времени³.

1. З.К. К а с ь я н е н к о. Современный монгольский язык. ЛГУ, 1968, стр.13.

2. Д.А.А л е к с е е в. Функции причастия будущего времени в бурятском языке. Сб. Вопросы филологии стран Азии и Африки. Вып. I, II., стр.40.

3. Г.Д.С а н ж е е в. Сравнительная грамматика монгольского языка. М., 1964, стр.119-130.

Следовательно, синтаксическая дистрибуция причастия будущего времени многообразна. Это далеко еще не полный перечень функций, выполняемых причастием будущего времени. Синтаксическая роль причастия будущего времени, как мы указывали выше, в большей степени зависит от контекста и смысла всего предложения, от препозиции или постпозиции причастия по отношению к определяемому слову, наличия различных частиц /лично-предикативных, лично-притяжательных, отрицательных/, послелогов.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Д. - Джаньгър. М., 1960.
Б.у.з.р. - Бурядай урян зохеолшодой расказууд.
Улан-Удэ, 1967.
Байгал - "Байгал", № 6, 1974.
Ринчен - Их нуудэл. Улаанбаатар, 1972.
Даржаа. Өглөө - Д.Даржа. Баярт өглөө. Улан-Батор, 1956.
Ө.у. - Эрун үг. Элст, 1970.
Б.А. Уэб, - Бадмин Алексей. Усна экин булг. Элст, 1969.

Основные этапы развития современной калмыцкой письменности

Калмыцкий язык относится к одному из древних языков с давно установившейся письменной традицией. Но общественная функция калмыцкого языка до Великого Октября оставалась крайне ограниченной, а старокалмыцкая письменность находила очень узкий круг своего применения. Подлинное развитие калмыцкого литературного языка, его общественных функций получило в советское время. Переход старокалмыцкой письменности на русскую графическую основу явился важным событием в развитии калмыцкой национальной культуры, просвещения и приобщения калмыков к передовой культуре великого русского народа.

Касаясь основных этапов развития калмыцкой письменности, напомним, что калмыцкая письменность в своем историческом развитии прошла три периода:

1. Древний, или обшмонгольский, охватывающий период с начала XIII века до середины XVII века, когда калмыки пользовались обшмонгольской письменностью "Худма бичиг".

2. Средний, охватывающий период с середины XVII века до Великой Октябрьской социалистической революции, когда калмыки, как все ойраты, имели свою национальную письменность "Тодо бичиг".

3. Новый период, начинающийся с октября 1917 года, в свою очередь подразделяется нами на следующие три этапа:

- а/ первый этап - с Великого Октября до 1930 года;
- б/ второй этап - с 1930 года до 1938 год;
- в/ третий этап - с 1938 года.

Цель нашей статьи - охарактеризовать новый период в развитии калмыцкой письменности.

Первый этап нового периода калмыцкой письменности характеризуется тем, что в начале этого этапа идет

Усиленный поиск возможностей замены старокалмыцкой письменности "Тодо бичиг" на новую, доступную широким массам населения, письменность.

Движение за замену старокалмыцкой письменности, которую в народе называли монгольской, началось в среде известной части калмыцкой интеллигенции еще задолго до Октябрьской революции. По свидетельству Х.Б.Канукова "... когда в 1906-1907 годах царское правительство стало запрещать преподавание в начальных школах /где только сохранилось/ калмыцкого языка и письменности, у учителей-калмыков... возникла мысль применения к калмыцкому языку русской транскрипции" ...Так что русская транскрипция имеет дореволюционную историю"¹. Более подробно об этом см.²

Важнейшей предпосылкой к переходу старокалмыцкой письменности на русскую графическую основу явилась огромная работа, проделанная политическим отделом калмыцких воинских частей 10-й армии, в огне гражданской войны по изданию большевистской военной газеты "Улан хальмиг" /Красный калмык/ на калмыцком и русском языках. Первый номер этой газеты вышел в г.Саратове в октябре 1919 года. "В течение 1919-1920 годов, - пишет А.С.Романов, - политотдел подготовил и выпустил до 200 тысяч экземпляров листовок с прокламациями, воззваниями, декретами Советской власти, приказами по армии на русском и калмыцком языках"³. Эти материалы печатались русским и калмыцкими шрифтами.

Из личного фонда Х.Б.Канукова, хранящегося в Калмыцком государственном архиве, так же видно, что политотделом был выпущен ряд брошюр на калмыцком языке, в

---

1. Х. К а н у к о в. Газета "Красная степь", №10/140/ от 4/II-1928.

2. Сборник "Из истории движения за национальную школу в Калмыкии", Элиста, НИИЯЛИ, стр.9-27.

3. А.С. Р о м а н о в. Печать Калмыкии в 20-х годах, Элиста, 1971, стр. 35-36.

том числе брошюра под названием "Песни революции"¹ на калмыцком языке, изданная в 1920 году русским шрифтом. Здесь имеются Марсельеза, переведенная Х.Б.Кануковым, Интернационал, переведенный Ю.Эренценовым в августе 1919 года, калмыцкие песни Х.Б.Канукова и других авторов. В газетах и листовках опубликованы статьи Х.Б.Канукова и других авторов на калмыцком языке русским шрифтом. Все это свидетельствует о большой работе политотдела, подготовившего почву для перевода калмыцкой письменности на русскую графическую основу.

Просмотр калмыцких текстов газет, отдельных листовок и других материалов, изданных русским шрифтом, показывает, что они написаны живым доходчивым, доступным для всех калмыков, языком.

Графический анализ текстов свидетельствует о том, что фонологическо-фонетическая система калмыцкого языка была уложена в пределах знаков русского алфавита. Специфические звуки калмыцкого языка передавались следующим образом.

Звуки: э ү ө һ ж џ

Буквы: я ю е е г дж нг

Буквой я обозначался:

1. Йотированный а: яон "кость", яду "бедный", хаятан "бросайте".

2. Палатализованный согласный как в русском языке: мали "плетка", хатыр "редкий", будя "зерно".

3. Переднеязычный широкий гласный э: ишка "войлоко", дякяд "еще", хяртя "дорогой".

Буквой ю обозначался:

1. Йотированный у: ки "что", аклта "бедственный".

2. Переднеязычный губной у: ду "мл.брат", свл "хвост", зосен "масть", вле "дело", зихе "одевать", тюрв "трудный", сядид "господа".

---

1. ЦГА Калм.АССР, Р-132, оп.1, ед.хр.8.

Буквой ё обозначался:

1. Иотированный о как в русском языке: ёсон "власть", ёсон "князь".

2. Переднеязычный губной гласный е: кёр "сугрөб", кёхе "гнать", мёнген "деньги".

Буквой е обозначался:

1. Иотированный э: ёснге "девятку", болне "будемте".

2. Гласный э после согласных: келен "язык", кентя "о кем", тере "тот", а в начале слова как в русском языке — знаком э: эргецде "повороту", эрдемте "мастеровой".

Вместе с тем следует отметить, что наряду с ё буквой е передавался гласный е, что, видимо, объясняется нехваткой шрифта с буквой ё: тегерег "круглый", кедельменче "рабочий", теля "ради", мерир "ковем", едерли "с днем".

В текстах встречается применение буквы н в калмыцких словах: улын "горы", нурын "озера", хортыге "врага", залусын "мужчин", газыр "земля", газадын "внешний", батхангыге "муху".

Сочетанием букв дж передавался звук, ныне обозначаемый знаком д: джил "год", джиргал "жизнь, наслаждение", чикилджи "исправив", хаджилга "вид ленокой шапки".

Сочетанием букв нг передавался носовой заднеязычный согласный, ныне обозначаемый знаком н: орчоланг "вселенная", зоболонг "страдание".

Заднеязычный г и унуларный н калмыцкого языка передавались одним знаком г: толга "голова", гарна "выходит", гер "дом".

Мягкость согласных отмечалась мягким/ь/ знаком: сургуль "учеба", адиль "одинаковый", амьтин "люди".

В рассмотренных нами текстах с точки зрения основных орфографических положений заслуживает внимание следующее:

1. Применение кроме строчных букв еще прописных, что нехарактерно для старокалмыцкой письменности.

2. Соблюдение в целом закона гармонии гласных.

3. Соблюдение в основном закона губной гармонии: орос "русский", зоболонг "страдание", олосн "много", олзо "польза", чоно "волк",

4. Сохранение редуцированных /неясных/ гласных в первых слогах слова: горбун "три", девел "шуба", тенгер "небо", шине "новый", эргэцэдэ "поворот".

5. Необозначение долгих гласных на письме: хучин "старый", хорондок "промежуточный", дарха "мерзнуть", хяхла "если искать".

Встречается немало слов, где долгие гласные обозначены как ударные гласные; ова "куча", надка "другой", хоран "назад" и др.

6. Заимствованные из русского и через русский язык слова передавались без каких-либо изменений: улица, винтовка, полк, кавалер, командир, эскадрон, шапка, большевик, совет, коалиционное правление, коммуна, советский, Коммунистическая партия, политическая организация.

В равной мере писали без изменения названия городов, населенных пунктов: Саратов, Терновка, Ровно, Ташкент.

Ранее освоенные в устной форме слова, собственные имена, географические названия писались в калмыцком оформлении: коц "купец", инрел "генерал", гувар "губернатор", Австр, Герман, Питер, Арси "Россия", салдус, Арманов и др.

Изученные нами материалы показывают, что в применении русской графической системы в практике калмыцкого письма допускались отдельные нарушения и непоследовательность. Но в целом русская графическая система умело была применена в калмыцкой письменности в условиях того периода. Нам думается, что в этом большая заслуга Х.Б.Канукова, учителя по образованию, прекрасно знавшего старокалмыцкую письменность, родной калмыцкий и русский языки.

В плане изучения вопроса о применении русского алфавита в калмыцкой письменности известный интерес представляет его применение русскими миссионерами.

Православное миссионерское общество, проводившее большую работу по христианизации калмыков, издавало на калмыцком языке старокалмыцким и русским шрифтами разную богослужебную литературу и учебные пособия.

В 1892 году в Казани миссионерским обществом был издан букварь для калмыцких улусных школ¹. В букваре два отдела: калмыцкий, где даются калмыцкие слова и тексты буквами русского алфавита, а в русском отделе — русские слова и собственные имена.

Все калмыцкие слова и тексты приближены к разговорной речи. Специфические звуки калмыцкого языка обозначены следующими дополнительными знаками:

а/ краткие гласные: ä, ö, ü;

б/ долгие гласные: ā, ō, ū, ā̄, ō̄, ū̄, ǟ, ȫ;

в/ согласные: дж, нг.

Заднеязычный г и увулярный h обозначались одним знаком г, мягкость согласных передавались мягким /ь/ знаком. Гласный э в начале слова передавался буквой э, а в середине — буквой е: эцеге "отец", керег "дело".

Иотированные гласные заднего ряда обозначались буквами я, ю, а переднего ряда — аналитически: йэ-йе, йе, йу, йи. Примеры: яман "коза", баярта "радостный", ин "что", кмар "вещью", йеке "большой", йертенце "природа", бейан "себя", йёрёл "благопожелание".

Последовательно обозначаются краткие гласные непервых слогов и долгие гласные в любой позиции слова.

В другом букваре², изданном тоже православным миссионерским обществом более крупным шрифтом, специфические звуки калмыцкого языка обозначаются также, как в указанном выше букваре, изданном в 1892 году. Здесь соблюдаются те же орфографические принципы. Разница заключается в следующем:

1. Заднеязычный носовой н передается особой буквой — н с плечиком /см. ее начертание в таблице 2 под № 8/.

1. Букварь для калмыцких улусных школ. Казань, 1892.

2. Букварь для калмыков. Казань, 1902.

2. Иогитированные гласные как заднего, так и переднего рядов передаются аналитическим способом — сочетанием й с соответствующими гласными: йа, йо, йу, йэ, йи, йя, йö, йү: байан "богатый", йабуджи "шел", йуман "вещь", йозур "корень", бейэ "сам" и т.д.

3. Гласный э передается как в начале слова, так и после согласных буквой э: тэре "тот", бидэ "мы".

Транскрибирование буквами русского алфавита калмыцких слов встречается во многих других источниках, в частности в Калмыцком календаре и русско-калмыцких словарях.

Таким образом, к моменту официальной постановки вопроса о переходе старокалмыцкой письменности на русскую графическую основу был накоплен значительный опыт применения русского алфавита в калмыцкой письменности.

Первые практические шаги по замене старокалмыцкого алфавита "Цаһая тоһа" алфавитом, основанном на крильце, начались с установления Советской автономии калмыцкого народа в 1920 году. Выдвигались различные предложения по замене старокалмыцкой письменности, в частности и латинизированным письмом.

Партийное и советское руководство Калмыцкой автономной области считало первоочередной задачей в деле подъема культуры и просвещения калмыцкого народа решение алфавитного вопроса. Не случайно вопрос о переходе старокалмыцкой письменности на новую, доступную широким массам трудящихся, стал предметом обсуждения на заседаниях и собраниях, где высказывались различные предложения.

Материалы исследования показывают, что переход калмыцкой письменности на русскую графическую основу проходил далеко не всегда гладко и не без острой полемики. Некоторая часть калмыцкой интеллигенции во главе с Ордаш Босхонджиевым предлагали сохранить старокалмыцкий алфавит, подвергнув его упрощению и усовершенствованию. Такого же мнения в основном придерживался Д. Усов, фи-

ислог по образованию. В журнале "Ойратские известия"¹ весной 1922 года, анализируя все предложения "за" и "против" принятия нового алфавита, основанного на русской графической системе, он отмечает: "Мне кажется, что старинный алфавит в данном случае сохраняет, несмотря на все свои несовершенства, одно вечное и неценное преимущество: он является /может быть единственной/ неслабевающей связью народа с традициями его исторического прошлого. Рисунок букв, представляющийся только "серым стадом", не имеет ли еще орнаментального значения, угадываемого взглядом любящим и сведущим.

А затем, как быть о уже существующем материале, рукописным и напечатанным монголо-калмыцким алфавитом? Кто будет его изучать, переводить, издавать, комментировать, каталогизировать и т.д., если этот алфавит забудется? Не грозит ли, в таком случае, опасность, что известный период калмыцкой истории, культуры и литературы просто будет безвозвратно перечеркнут одним взмахом пера, подписывающего приказ о введении русского шрифта для калмыцкого языка"².

Далее, остро полемизируя с Л.Карвиным, обосновывающего необходимость перехода на русскую графическую систему, Д.Усов продолжает: "Не уничтожая монголо-калмыцкого алфавита, произвести своего рода "реформу правописания" внутри его самого. Осуществимо ли это, и если да, то как по этому пункту /как и, вообще, по всему данному вопросу/ необходимо знать мнение компетентных востоковедов, одно имя которых сможет послужить достойной порукой за бояческую добросовестность и мотивированность их решения"³.

В конце своей статьи Д.Усов заключает: "В случае, если эти 2 выдвинутые мною мероприятия /реформа самого

---

1. Д. У с о в. По поводу введения русского алфавита для калмыцкого языка. Журнал "Ойратские известия", №3-4, Астрахань, 1922, стр. 173-178.

2. Там же, стр.175.

3. Там же, стр.176.

монголо-калмыцкого алфавита или введение латинской транскрипции/ не выдержат критики специалистов - придется, конечно, согласиться на опыт транскрипции при помощи русского алфавита".

Представлялись проекты и по усовершенствованию старикалмыцкого алфавита "Цаһан толһа". Так, специальная комиссия по изданию калмыцких учебников на своем заседании от 23 июля 1923 года постановила: "...принять упрощенный алфавит калмыцкого языка... в новом изображении и знаки препинания, в котором не нарушена своеобразность /особенность/ калмыцкого языка и сохранена связь со старым алфавитом, необходимая для возрождения литературы на родном языке"¹.

Указанный проект упрощенного калмыцкого алфавита пока не удалось обнаружить. Но одно известно, что вопрос перехода калмыцкой письменности на русский алфавит был решен демократическим путем на основе всестороннего, глубокого и неоднократного обсуждения.

Вопрос о переходе на новый алфавит неоднократно рассматривался в Калмыцком областном комитете РКП/б/ и облисполкоме. В начале 1924 года бюро Калмыцкого обкома РКП/б/ поручило калмыцкому ЦИК обратиться по этому вопросу в Академию Наук и решил провести дискуссию на объединенном собрании ответственных работников с приглашением представителей с мест².

Партийные и советские органы Калмыцкой автономной области не упускали из поля зрения весь ход дискуссий по обсуждению проектов перехода на новую письменность, принимая активное участие, а в нужных случаях направляя эти дискуссии в правильное русло. Непосредственное руководство по переходу на новую письменность осуществлялось бывшим тогда зав. Калмыцким областным отделом на-

---

1. ЦГА Калм. АССР, р-3, оп. 2, д.373, л. 122.

2. КОПА, ф.1, оп. 2, д.38, л. 8.

полного образования Х.К.Косиевым. Он писал: "Почти с 1917 года у нас появилось движение за то, чтобы старый алфавит Зая-Пандиты отбросить и взамен его принять какой-либо другой, более совершенный, удобный, который отвечал бы нашим практическим целям... В конце 1923 года и в начале 1924 года, я помню, было несколько совещаний по вопросам алфавита. В начале 1924 года это движение было оформлено, и ОБЛИК раз навсегда утвердил этот алфавит.... - взяли в основу целиком русский алфавит. В то же время были единоличные выступления в пользу латинского алфавита"¹.

После неоднократного обсуждения в течение ряда лет и долгих исканий 6 января 1924 года было созвано специальное совещание, на котором была проведена дискуссия на тему: "Заяпандитский алфавит и русская транскрипция". Это было, по существу, первая языковедная конференция по калмыцкому языку и письменности. С докладами выступили Н.Очиров и Л.Карвин.

Отмечая исключительно большое значение перехода старокалмыцкой письменности на русскую графическую систему в деле приобщения калмыков к передовой русской, отсюда и общеевропейской культуре, совещание 145 голосами против пяти решило признать заяпандитский алфавит устаревшим и приспособить к калмыцкому языку русский алфавит с сохранением заяпандитского алфавита для научно-исследовательских работ по письменным и прочим памятникам калмыцкого народа"². Для реализации этого решения здесь же была создана особая комиссия в составе 5 человек. Эта комиссия на своем заседании 12 января 1924 года под председательством заведующего калмыцким областным отделом народного образования Х.К.Косиева вынесла решение "... принять в дополнение к русской графике еще следующие 6 знаков-букв..."³. Но эти шесть

1. ЦГА Калм.АССР, р-3, оп.2, д.1144, л.85.

2. ЦГА Калм.АССР, р-112, оп.1, д.33, л.28-29.

3. ЦГА Калм.АССР, р-112, оп.1, д.33, л.27.

букв в протоколе не перечислены, а дана академическая транскрипция пяти букв а, о, у, ж с точками сверху и н с плечиком. Затем перечисляются буквы русского алфавита, принятые в новой калмыцкой письменности, а внизу перечисляются следующие пять букв: а, ж с хвостиками, о, у с двумя точками сверху, н с черточкой снизу для передачи соответственно фонем, обозначаемых теперь знаками э, э, э, у, н.

Итоги дискуссии по переходу на русский алфавит были рассмотрены на заседании бюро Калмыцкого обкома РКП/б/ 8 мая 1924 г., протокол № 8, где записано: "Принципиально признать необходимым замену калмыцкого алфавита русской транскрипцией с внесением недостающих знаков...¹. Затем постановлением бюро Калмыцкого обкома РКП/б/, протокол № 22 от 21 июля 1924 года был утвержден проект нового алфавита, представленный названной комиссией².

В отчете ЦИК Советов Калмыцкой автономной области от 5 октября 1924 года У-сму общекалмыцкому съезду Советов сказано: "Неудобства заяндитского алфавита /трудность письма, своеобразность знаков, недостаток шрифтов в типографиях, на телеграфах и пр./, создавшие значительные препятствия для культурного роста калмыков, заставили отказаться от заяндитского алфавита"³.

Касаясь далее конкретных решений указанной выше комиссии, следует отметить, что в решении комиссии говорится о шести буквах, принятых для обозначения специфических звуков калмыцкого языка, а перечисляется пять.

Видимо, по оплошности лица, заполнявшего примерн от руки, в этом первом экземпляре протокола не была записана шестая буква и пропущена строчка на первой странице, где должны быть записаны все шесть дополнительных букв. Кроме того, вызвало сомнение способ пере-

1. КОПА, ф.1, оп.2, д.38, л.13.

2. КОПА, ф.1, оп.2, д.38, л.24.

3. Отчет ЦИК Советов АО трудового калмыцкого народа 5-сму общекалмыцкому съезду Советов, Астрахань, 1924, стр.22.

и фонемы э через а о крочком снизу и фонемы н через о черточкой снизу. Дополнительные поиски позволили заключить, что для обозначения указанных выше шести калмыцких фонем были приняты при окончательном утверждении нового алфавита соответственно следующие буквы: ö, ü, ž, ř, ñ.

Об этом свидетельствуют алфавиты, указанные в школьном букваре Нармин Лижи¹ и в букваре для взрослых Онкра Доржа², а также неоднократное упоминание в документах о шести буквах, принятых для обозначения специфических звуков калмыцкого языка.

В таблице алфавита букваря "Сарул мор" Нармин Лижи, изданного в 1925 году, имеются буквы ä, ö, ü, ž, ñ и в двух местах г, но ни в одном из них нет точки сверху. Это следует объяснить тем, что в типографии, видимо, не было тогда в наличии шрифта г с точками сверху. В текстах букваря последовательно обозначаются буквы ä, ö, ü, ž — через ж с точками сверху, иногда просто через ж, а звук н — знаками нг или н с плечиком, унулярный н буквой г. В алфавите букваря Онкра Доржа для взрослых, изданного в 1926 году, перечисляются буквы ä, ö, ü, ž, ř, а звук н передается через н с плечиком. Эти данные свидетельствуют о том, что фонема, ныне передаваемая знаком н, действительно обозначалась буквой ř. Вопрос об обозначении фонемы н особым знаком был предметом специального обсуждения на комиссии по калмыцкой транскрипции. В протоколе № I этой комиссии от 28 марта сказано: "Ввиду того, что звук н в калмыцком языке встречается часто, обозначать его знаком ř"³.

Разнобой в печатной продукции за 1924 и последующие годы, вплоть до 1928 года, в отношении передачи звуков

1. Нармин Л и ж и. "Сарул мör", М., 1925ж.
2. Онкра Доржа. Медятан букварь, Москва, 1926, стр. 21.
3. КОПА, ф. I, оп. 2, д. 37, л. 31.

h, ж, н, на наш взгляд, объясняется отсутствием соответствующих шрифтов, или их недостаточным количеством, а также финансовыми затруднениями, что видно из переписки по заказам шрифтов.

В практике печатной продукции звуки ж, h, н обозначались в основном знаками ж, г, н с плечиком.

В литературе встречаются различные даты перехода старокамыцкой письменности на русскую графическую систему, в частности, указываются 1923, 1924, 1925 годы. Здесь следует внести ясность.

Вопрос о замене старокамыцкой письменности графической системой, основанной на кириллице, как видно, был принципиально и окончательно решен в 1924 году, а практический переход на русский алфавит был осуществлен в 1925 году.

В протоколе № 27 заседания президиума Центрального исполнительного Комитета Советов автономной области трудового камыцкого народа от 14 мая 1925 года сказано: "В настоящее время получен уже шрифт для печатания по новой транскрипции, но некоторые учреждения области продолжают выпускать печатные издания, пользуясь западнотюркским алфавитом, что создает много неудобств на местах. Необходимо вопрос урегулировать. Предложить всем отделам и учреждениям Калмобласти при печатании издания пользоваться только новой транскрипцией и материалы в печать представлять, написанные на новой транскрипции"¹.

Таким образом, в начале первого этапа был решен основной вопрос — переход камыцкой письменности на русскую графическую систему. Принятый новый алфавит на основе русской графики обеспечил сохранение за всеми буквами русского алфавита прямых их значений. Для передачи на письме специфических звуков камыцкого языка были приняты буквы русского алфавита с диакритическими знаками: двумя точками над соответствующими буквами.

1. ЦГА Калм. АССР, р.3, оп.2, д.373, л.122.

Комиссия по калмыцкой транскрипции на своем заседании 12 января 1924 года, рассматривала некоторые вопросы орфографии новой калмыцкой письменности.

На этом заседании было решено в основу калмыцкой письменности положить фонетический принцип, т.е. писать как они слышатся в устах народа..., долготу негласных при письме обозначать черточкой /тире/, мной над соответствующим знаком - буквою, не обозначать на письме неясные гласные¹.

После перехода калмыцкой письменности на русскую основу вопросы дальнейшего усовершенствования транскрипции и орфографии новой письменности были предметом неоднократного обсуждения. Это вызывалось трудностью, сложностью вопроса и отсутствием соответствующего опыта.

Комиссия по транскрипции на своем заседании от 28/III-1925². протокол № I рассмотрела вопрос "О некоторых изменениях в транскрипции, вытекающих из практики". По докладу Х.К.Косиева было решено³:

1. Ввести в калмыцкой письменности употребление твердого знака /ъ/ в конце слова, где слышатся неясные гласные, например, хахъ /стрелять/, а не хаху.

2. В середине слов неясные гласные не обозначать: ондр, а не ондөр /высокий/.

3. Ввиду того, что звук h в калмыцком языке часто встречается обозначать знаком г.

4. Знак е употреблять в начале слова, где слышится, например, ең /ковш/, а в середине слов е не писать, а заменять на э, например, гэр /дом/.

1. ЦГА Калм.АССР, р.122, оп.1, д.38, л.27 /об/.

2. В протоколе № I от 28 марта не указан год, но на обложке дела № 6 написано: начато 31 декабря 1924 года, окончено 20 октября. Отсюда напрашивается вывод, что заседание состоялось 1925 году, на это указывает и № протокола.

3. КОПа, ф.1, оп.1, д.68, л.31.

Отсюда мы видим, что частные вопросы алфавита и орфографии новой калмыцкой письменности подвергались неоднократно обсуждению, дальнейшему упорядочению и усовершенствованию.

Новая калмыцкая письменность, основанная на кириллице, с первого дня своего утверждения получила право гражданства, обслуживая многочисленные вопросы новой жизни в условиях строительства социализма. Эта письменность отвечала интересам подъема культуры калмыцкого народа, повышения политического просвещения масс, задач издания на родном языке газет, журналов, художественной и политической литературы, школьных учебников и развертывания народного образования.

Просмотр печатной продукции за 1924 и последующие годы показывает, что в практике применения русского алфавита в калмыцкой письменности допускался большой разбой, не соблюдались элементарные правила правописания. Это, видимо, объясняется тем, что не были в свое время тщательно разработаны основные правила применения новой графики и орфографии, не были решены вопросы правописания при диалектных различиях языка, не хватало подготовленных специалистов по калмыцкому языку.

Вместе с тем следует отметить, что применение букв с двумя точками сверху для передачи специфических фонем калмыцкого языка вызвало ряд серьезных неудобств. Эти точки ломались в процессе печатания, что приводило к искажению смысла слова; при письме пишущему приходилось отрывать руку, чтобы поставить эти точки, а это в свою очередь приводило к тому, что пишущие, особенно учащиеся, часто допускали кляксы. К тому же неразработанность орфографии, правил применения новой графики, а также практика письма по принципу--пиши, как слышишь--привело к большому разбою на письме. Все это вызвало законное нареkanie в адрес нового письма. Не случайно Ю.Эренцов, секретарь калмыцкой секции при Центральном изда-

в письме народов СССР, писал в ЦИК автономной Калмыцкой области 30/XI-1925 года о несовершенности новой орфографии, вызывавшей путаницу при письме, о неудобствах букв с точками сверху, о необходимости обозначения некоторых гласных на письме и о несостоятельности принципа — как слышится¹.

На это письмо зав. Калмоблоно Х.К.Косиев 30/УП-25г. отвечает, что "эта новая транскрипция уже приобрела право гражданства, со временем все недочеты новой транскрипции будут исправлены"².

Калмыцкий областной комитет РКП/б/ и облисполком в течение первого периода развития новой калмыцкой письменности дважды возвращались к рассмотрению опорных вопросов новой калмыцкой письменности.

Президиум Калмоблисполкома своим постановлением № 55 от 22 июля 1926 г. создал представительную комиссию³ по вопросу пересмотра принятых знаков. В состав комиссии вошли Х.Б.Кануков, С.Башкаев, Х.К.Косиев и др.

На специально созванном совещании в сентябре 1926 года было решено буквы с точками заменить буквами из латинского алфавита, а отчасти сочетанием двух знаков.

Таблица I

новое обозначение	d	v	p	h	ng	dx
прежнее обозначение	а	о	у	г	н	ж

Данное решение было утверждено президиумом Калмыцкого областного исполнительного комитета только 11 июля 1927 года /протокол № 13/⁴ из-за имевшихся больших возражений. Заказы на эти шрифты были направлены 18 июня 1927 года. На этом новом шрифте было издано всего

1. ЦГА Калм. АССР, р-3, оп.2, хр.713, л.112-113.
2. ЦГА Калм. АССР, р-3, оп.2, д.713, л.115.
3. ЦГА Калм. АССР, р-3, оп.2, д.741, л.56.
4. ЦГА Калм. АССР, р-3, оп.2, д.825, л.95-96.

три учебника. В этих учебниках также обнаруживается разноречие в применении букв алфавита: увулярная фонема c , ныне обозначаемая знаком h , передавалась буквами г и h .

На совещании, состоявшемся 7 сентября 1926 года, были приняты некоторые орфографические правила¹.

1. Неясные гласные обозначать на конце слова через твердый знак /ъ/, например, баъъ.

2. Если к корню слова с конечным неясным гласным наращивается любой аффикс с начальным огласным, то неясный гласный корня сохраняется: баъъль.

3. При наращении к слову с конечным огласным любых аффиксов с начальным огласным, то между ними пишется неясный гласный бол- болькон.

4. При наращении к слову с конечным неясным гласным аффиксов с начальным гласным, то неясный гласный основы не пишется: баъъ-баъар.

5. Если к слову с конечным долгим гласным присоединяется аффикс с начальным долгим, то между ними пишется соединительный г: така - такагар.

Указанный измененный алфавит просуществовал только до 1928 года. Ввиду большого технического неудобства в применении согласных букв латинского алфавита в роли гласных, а также возражений со стороны Академии Наук СССР в 1928 году второй раз вернулись к вопросу усовершенствования ранее принятого нового алфавита.

Особенно большую заинтересованность в скорейшем усовершенствовании нового алфавита проявляла комиссия по коренизации госучреждений области. Эта комиссия дважды рассматривала этот вопрос в 1927 году².

На страницах газеты "Красная степь" в начале 1928 года появилось много статей, в том числе Х.Б.Канукова, Б.Майорова, Хаст-Дамбии /псевдоним Х.К.Косиева/, Хаст-

1. ЦГА Калм. АССР, р-3, оп.2, д.825, л.99.

2. ЦГА Калм. АССР, р.3, оп.2, д.752, л.187,200.

Дамбиин-младший /псевдоним Н.Манджиева/ и др., которые внесли свои конкретные предложения по усовершенствованию нового алфавита.

По поручению Калмыцкисполкома Х.К.Косиева связался с акад. Б.Я.Владимирцовым и поставил приблизительный перечень вопросов, которые подлежали рассмотрению на очередном совещании¹.

В течение 5-8 февраля 1928 года состоялось большое представительное совещание² с участием акад. Б.Я.Владимирцова. Это была по существу П языковедная конференция.

На этой конференции рассматривались вопросы:

1. Современное состояние языка и литературы у монгольских и арабских народов.

2. Усовершенствование нового алфавита.

3. Вопросы орфографии.

4. Вопросы терминологии.

5. Народный и литературный языки калмыков Поволжья.

По первому докладу, носивший информационный характер, выступил акад. Б.Я.Владимирцов.

По докладу Х.К.Косиева, выступившему по второму вопросу, было принято решение заменить знаки ä, ö, ü, э, ж, н соответственно буквами я, э, ю, е, ж, нг, а звуки г и н передавать одной буквой г.

Затем совещание приняло развернутое постановление и по орфографии калмыцкого языка. Было решено:

1. В основу калмыцкой орфографии положить фонетический принцип.

2. Неявные гласные обозначать только на конце слова знаком э, а долготу гласных — только в первом слове слова удвоенным написанием одной и той же буквы.

3. Заимствованные слова писать в соответствии с фонетическими законами калмыцкого языка.

---

1. ЦГА Калм. АССР, р. II2, оп. I, д. I51, л. 93.

2. ЦГА Калм. АССР, р. 3, оп. 2, д. II44.

4. Мягкие согласные обозначать мягким знаком.

5. Принять существующие в других языках знаки препинания.

Следует отметить, что решение алфавитного вопроса на данной конференции с точки зрения лингвистических требований по сравнению с алфавитом, принятым в 1924 году, было шагом назад. Изменение значений ряда букв русского алфавита в целях передачи специфических фонем калмыцкого языка не отвечала задачам улучшения изучения калмыцкими детьми русского языка и обеспечению того общего, что способствовало лучшему усвоению калмыками родного калмыцкого и русского языков.

В работе указанного совещания принимали участие представители НК нового тюркского алфавита т.Тюрякулов и проф. Поливанов. Последний в письменной форме внес предложение о возможности перевода калмыцкой письменности на латинизированный алфавит, что было отклонено на этой конференции.

Однако через два года в связи с происходившим тогда переводом письменности ряда национальных языков на латинизированный алфавит, в Калмыкии была принята латинизированная письменность. С принятием латинизированного алфавита начинается второй этап в развитии современной калмыцкой письменности.

Вопрос о переходе на латинизированную письменность происходил в острой борьбе. Среди калмыцкой интеллигенции было немало противников перехода на латинизированную письменность, законно и обоснованно отстаивающих необходимость сохранения новой письменности, основанной на русской графической системе.

Решение о переходе на латинизированный алфавит было принято IX калмыцким областным съездом Советов в январе 1930 года, но фактический переход был осуществлен с 28 сентября 1930 года, когда поступили шрифты и начали печатать на калмыцком языке новым латинизированным шрифтом газеты, книги и другую литературу.

В латинизированной письменности специфические звуки

калмыцкого языка передавались следующим образом:

Принятые знаки: э е у ь з ц

Прежнее обозн.: ä ö ü г ж н

Латинизация калмыцкой письменности была обсуждена и на специальной конференции монгольской группы народов по вопросам письменности и языка, созванной по инициативе НИКНА и Научно-исследовательской ассоциации по изучению национальных и колониальных проблем /НИАНКП/ в Москве 10-17 января 1931 года. На этой конференции представитель Калмыкии Бадмаев Б.Б. сделал доклад: "Латинизация и унификация калмыцкой письменности".

В целях унификации письменности монгольской группы народов /Калмыкии, Бурятии и МНР/ конференция тогда приняла новый унифицированный алфавит для монгольской группы народов в следующем виде:

Aa	Bb	Cc	Çç	Dd	Ee	Ff	Gg	Hh
Ii	Jj	Kk	Ll	Mm	Nn	Oo	Өө	Pp
Rr	Ss	Şş	Tt	Uu	Vv	Yy	Zz	Žž

Здесь же были приняты для специфических звуков калмыцкого языка знаки, указанные в таблице под номерами 1, 2, 3.

Знаком под № 1 рекомендовалось передавать унуларный пелевой х, знаком под № 2 — переднеязычный широкий гласный э, знаком под № 3 — обозначать мягкость согласных вместе мягкого знака /ь/

Таблица 2

Х	э	ь	с	ç	ц	ч	н	з	ž
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10

Кроме того, было рекомендовано: переместить в смысле звуковых значений знак под № 4 на знак под № 5, т.е. в первом случае знак под № 4 должен обозначать аффрикату ц, а под № 5 — аффрикату ч, а знак под № 6 рекомендовался заменить сочетанием *ng*, а знак *h* заменить другим знаком, так как данным знаком обозначался в литературе звук, указанный под № 7.

Рекомендации московской конференции были предметом обсуждения на совещании, состоявшегося в Элисте 17-20 мая 1931 года. На этой по существу третьей языковедной конференции, созванной вслед за московской, были решены ряд практических вопросов по калмыцкой письменности: аффрикату ц передавать знаком с, что дано под № 4, аффрикату ч — знаком с с хвостиком, что дано под № 5. Остальные знаки, в частности н, и с хвостиком, что дано под № 6, оставлены безо всякого изменения по первому варианту алфавита.

На данной конференции вопросы орфографии калмыцкого литературного языка не были решены.

В процессе применения нового латинизированного алфавита вызвал спор практика обозначения звука ж. По этому вопросу высказывались различные предложения. Наконец, 15 января 1937 года было созвано специальное заседание комиссии, созданный постановлением Президиума ЦИК Калм.АССР от 11/1-1937 года для подготовки материалов языкового совещания¹ к следующему заседанию Президиума ЦИК.

На данном заседании комиссии было принято наше предложение передавать аффрикату ж латинской буквой з с хвостиком, что указано в таблице 2 под № 10 вместо буквы, указанной под № 9. Здесь же было решено заимствованные слова с конечным к писать без изменения: колхозник, а не колхозныг.

Решения комиссии были утверждены постановлением президиума ЦИК Калм.АССР от 17 февраля 1937 года, протокол № 3².

В истории разработки современной калмыцкой письменности исключительно большое значение имела IV-я языковедная конференция, состоявшаяся в г.Элисте 10-15 мая 1934 года³.

1. ЦГА Калм.АССР, ф.3, оп.2, д.2254, л.73-74.

2. ЦГА Калм.АССР, р.34, оп.1, д.300, л.15.

3. КОПА Калм.АССР, ф.1, оп.12, д.2, л.67.

Конференция была созвана в соответствии с постановлением бюро Калмыцкого обкома ВКП/б/ от 29/III-1934 года, протокол № II.

На конференции были заслушаны доклады:

1. Языковое строительство в Калмыкии
докл. И. М. Мацаков.
2. О калмыцком литературном языке.
докл. Б. К. Пашков.
3. О терминологии калмыцкого литературного языка.
докл. Ц. Д. Номинханов.
4. Орфография калмыцкого литературного языка.
докл. Б. Б. Бадмаев.

Конференция приняла основополагающие постановления по вопросам повестки дня, в частности, по докладу Б. Б. Бадмаева "Об орфографии современного калмыцкого литературного языка".

Было решено положить в основу калмыцкой орфографии фонетико-морфологический принцип¹, строго придерживаться закона гармонии гласных, редуцированные гласные на письме не обозначать, долгие гласные обозначать в определенной позиции, но докладчик предлагал не обозначать долгие гласные².

Исключительно большое значение имело решение конференции о том, чтобы при межговорных различиях на у/о, у/у, о/е принять в норму правописания соответствия на у, у и о: умшх "читать", увл "зима", оньо "замок", а не смшх, евл, еншн. Этим был решен один из основных вопросов устранения диалектных противоречий, связанных не только с унификацией правописания, но и с установлением норм калмыцкого литературного языка.

Резолюция данной конференции была утверждена президиумом Калмыцкого облисполкома 14 августа 1934 года, с уточнением пункта в отношении правописания долгих гласных. Данный пункт был принят в следующей редакции: "Долготу гласных обозначать только в первом слове двух или

1. IY-я конференция языкового строительства, Элиста, 1935, стр. 122-124.

2. IY-я конференция языкового строительства, Элиста, 1935, стр. 77, 85-86.

многосложных слов, придерживаясь фонетического принципа письма /күүкн, ууц, хүүре, ноосн и др./. Все односложные слова писать без обозначения долготы, но если односложное слово принимает окончание или аффикс и тем самым перестает быть односложным, то его в новой форме следует оформлять на письме, следуя фонетическому принципу: то-тоод, тоолвр, тоолһн..."¹.

Калмыки пользовались латинизированной письменностью около 9 лет, т.е. до 1938 года. Здесь следует отметить, что латинизация калмыцкой письменности сыграло в свое время положительную роль в подъеме культуры калмыцкого народа. В короткий срок была ликвидирована неграмотность, значительно облегчено обучение родному языку в школе, большое развитие получила печать, литература на родном языке, резко поднялась политико-просветительная, культурно-массовая работа на родном языке. Но практика этих лет показала, что при всех своих преимуществах над старокалмыцкой письменностью латинизированная письменность не способствовала изучению калмыцкими детьми русского языка. Разнобой и различия в двух алфавитах создавали дополнительные трудности в овладении русской письменностью, затрудняли чтение текста на родном и русском языках. В связи с этим законно был поставлен вопрос о переходе обратно на русскую графическую основу, и с 1938 года русский алфавит окончательно утвердился в качестве основы графической системы калмыцкого литературного языка.

Таким образом, с 1938 года начинается III этап в развитии современной калмыцкой письменности.

Вопрос о переходе на русский алфавит обсуждался на бюро Калмыцкого обкома ВКП/б/, постановлением которого от 30 декабря 1937 года, протокол № 47, признавалась необходимость перехода калмыцкой письменности с латинизированного алфавита на русский.

---

1. Там же, стр. 128.

Проект нового алфавита на русской графической основе по существу, ничем не отличается от алфавита, принятого в 1928 году, так как была поставлена задача уложиться в пределах русского алфавита.

На заседании бюро Калмыцкого обкома ВКП/б/ от 10 марта 1938¹ был одобрен проект нового алфавита. Затем данный проект рассматривался по докладу пишущего эти строки в Институте языка и письменности Академии Наук СССР в марте 1938 года. Проект был в основном одобрен, а для передачи специфических звуков калмыцкого языка рекомендовано принять унифицированные знаки в рамках самого русского алфавита: ä, ö, ÿ, дж, гъ, нъ.

Проект, одобренный Институтом языка и письменности Академии Наук СССР, рассматривался в Наркомате просвещения РСФСР, а затем утвержден постановлением СНК РСФСР, № 230 от 31 июля 1938 г. "О переводе калмыцкой письменности с латинизированного на русский алфавит"².

В этом же году был издан сборник "Алфавит калмыцкого языка на русской основе", в котором кроме общих и методических статей были даны краткий свод орфографических правил и пояснительная таблица нового алфавита.

Вопросы улучшения и усовершенствования калмыцкой письменности рассматривались и в последующие годы. Это диктовалось тем, что буквы с точками и передача звуков двойными буквами вызывали большие затруднения. В связи с этим по ходатайству Совета Министров Калм.АССР от 15/1-1941 г.³ Наркомат просвещения РСФСР своим приказом № 212 от 19 февраля 1941 года утвердил уточненный калмыцкий алфавит на основе русской графики, где знаки ä, ö, ÿ, дж, нъ, гъ были заменены соответственно буквами э, е, ү, ж, ң, һ.

1. КОПА, ф.1, оп.16, д.5, л.190.

2. ЦГА РСФСР, ф.259, д.156, л.71.

3. ЦГА Калм.АССР, р.131, оп.2, д.910, л.12.

Вся дальнейшая работа в области новой калмыцкой письменности проводилась с учетом фонетической особенности калмыцкого языка и максимального сближения норм орфографии калмыцкого языка с нормой орфографии русского языка там, где это возможно.

В этом отношении большое значение имели решения У языковедной конференции, состоявшейся в июле 1939 года и последующих языковедных совещаний, состоявшихся после 1957 года. На У языковедной конференции¹ обсуждались вопросы развития калмыцкого литературного языка, усовершенствования правописания, в частности орфографирование заимствованных слов. Важным было решение о том, чтобы основу заимствованных слов не изменять, из диалектных различий на а/э, и/у в норму правописания и литературного языка принять соответствия на э, у: дакед "еще", макр "кривой", бэкрси "вид котла", бучр "веточка", бушкур "свисток", а не дакад, макр, бакрси, бишкур. Из диалектных соответствий на а/э давать предпочтение написанию на а: таава "сковородка", маьхр "кривой", сальки "ветер", хальтрх "соскользнуться", а не таэва, метхр, сэлки, хэлтрх и т.д.

Конференция впервые обсудила вопросы пунктуации калмыцкого литературного языка по докладу проф. Г. Д. Санжеева. На основании решений IУ и У языковедных конференций был издан "Правила калмыцкого правописания"².

Дальнейшее уточнение некоторых вопросов графики и орфографии калмыцкого языка были осуществлены постановлениями президиума Верховного Совета Калм. АССР от 19 ноября 1959 г. и Совета Министров Калм. АССР от 24 сентября 1965 г., протокол № 471.

Все эти уточнения сделали калмыцкую письменность

---

1. Тезисы докладов Г. Д. Санжеева и Д. А. Павлова опубликованы в ученых записках КНИИЯЛИ, № XI, Элиста, 1973, стр. 172-186.

2. Павла Дорж. Чикэр бичлһне зокал. Элст, 1940 ж.

очень совершенной, доступной, а ее алфавит практически очень удобным. В новом алфавите каждый звук стал иметь свое отдельное буквенное обозначение. Увулярный h до 1959 года передавался двояко: в начале слова через г, а в остальных позициях — через h, а затем во всех случаях буквой h.

Новый калмыцкий алфавит на русской графической основе своей простотой способствовал быстрейшему приближению орфографических норм к живому народному языку трудящихся масс, содействовал совершенствованию калмыцкого литературного языка. Единство графики, в которой одинаковые звуки калмыцкого и русского языков обозначаются одинаково, играет исключительно большую роль в осуществлении важнейших задач культурного строительства в Калмыцкой АССР, лучшему усвоению калмыцкими детьми как родного, так и русского языков, обеспечивая единую основу грамотности на двух языках — калмыцком и русском.

Переход калмыцкой письменности на русскую графическую основу сыграл выдающуюся роль и в сближении и взаимобогащении культуры калмыцкого народа с культурами других народов страны Советов, в первую очередь с передовой социалистической культурой русского народа.

Теперь в эпоху развернутого строительства коммунизма, когда основной линией языкового развития в нашей стране является двуязычие, где в качестве второго родного языка выступает русский язык — язык интернационального единства всех народов СССР, наша задача заключается в том, чтобы максимально развивать то общее, что способствует лучшему усвоению калмыками родного калмыцкого и второго родного языка — языка великого русского народа. В этом отношении величайшим достижением считаем практическое овладение калмыками русским языком, особенно калмыцкой молодежью.

К вопросу об орфоэпических нормах современного
калмыцкого языка

Важность определения основных принципов и аспектов орфоэпии обусловлена неизученностью вопроса в калмыцком языкознании, целесообразностью выработки наиболее унифицированной единой устной литературной формы языка и необходимостью совершенствования ныне действующего калмыцкого письма.

Незначительность языковых расхождений / точнее, близость / двух говоров — торгутского и дарбатского, легших в основу современного калмыцкого литературного языка, вытеснила вопросы орфоэпии на второй план и облегчает задачи выработки единых норм произношения. Вместе с тем действующее калмыцкое письмо, которое должно служить опорой для орфоэпии, страдает рядом недостатков. Например, написания типа курн, чиред, кевед, можно произносить двояко: если произнести как курен, то это будет означать "дойдя, как только дошел / форма разделительного деепричастия от глагола курхе "дойти"/, если прочитать написание курн как курне, то оно приобретает значение "хорек". То же самое можно сказать о написаниях чиред, кевед, если произнести как чиред, кевед, то они соответственно обозначают "таша", "плавая" / формы разделительного деепричастий от глаголов чирхе "тащить", кевхе "плавать"/. При произнесении чиред, кевед как чирееде, кевееде, они соответственно передают "на лице, в присутствии", "на краю, на берегу ч — н". Эти и другие различия между устной и письменной формами языка возникли благодаря тому, что действующее калмыцкое письмо не отражает неясные гласные фонемы, не проводит границы между краткими и долгими гласными в начальных слогах слов.

Немало слов с орфографической структурой /С/ГС, /С/ГСС, которые имеют двоякое произношение, обусловлен-

ное или историческим развитием, или особенностями калмыцких говоров. К таким словам можно отнести, например, шар "желтый" - произносится то как шар, то как шарь, эр "мужчина, мужской" - эр эре, сар "месяц" - сар ~ сарь, уг "слово" - уг ~ угэ, аң "зверь" - аң ~ аңгь, эрг "берег, обрыв" - эрег ~ эрге, Бадм - собственное имя - Бадъм Бадмь, сав "посуда" - сав ~ савь, повелительные формы слов также имеют двойное произношение окончаний, например, йов "иди" - йов ~ йовь, ир "приди" - ир ~ ире, ег "отдай" - ег ~ еге.

Некоторые аспекты орфоэпических норм получили отражение в утвердившихся уже в практике орфографических правилах. Так, к объясняемым диалектными особенностями разнообразия в произношении гласных в некоторых фонетических положениях относятся:

- 1/ У - О : умшхь ~ омшхь "читать",
- 2/ Ү - Ө : үвел ~ өвел "зима", күмсег кемсег "брови",
- 3/ У - Ү : хурсьн ~ хурсен "род сыра",
- 4/ О - Ө : оньс ~ өнес "замок",
- 5/ Ү - И : буч ~ бич "шнур", бумуд ~ бимуд "платье".

В орфографических правилах рекомендуется в аналогичных случаях писать у, ү, у, о, ү. В случаях тарен таран "посев", така төкө "курица" предлагаются специальные правила и исключения из них.¹

Различия в отношении гласных первого слога обычно трактуются как диалектные. На основании употребления в позиции перед губно-губными м и в гласных о, ө в дэрбэтском говоре вместо у, ү в торгутском предлагалось называть дэрбэтский говор о - или ө - говором, а торгутский у - или ү говором². Однако в целом ряде случаев

1. См. Д.А. Павлов. Чикэр бичлһне зокал.Э., 1959, с.7-8.

Его же. Современный калмыцкий язык.Э., 1968, с.224-225.

Его же. Исследования по калмыцкому языку и письменности. Алма-Ата, 1971, с.15.

2. А.Ш. Кичиков. Дэрбэтский говор. Э., 1963, стр.4.

представители одного и того же говора, например, дэрбэл-окого, произносят нередко дwoяко: омыш умыш "крупница", кемсег кумсег "брови", буммуд бишмуд "платье", более последовательно гласные у, ү выступают перед м, в в торгутском говоре.

Аналогичные расхождения наблюдаются в монгольском языке¹, но в литературном монгольском утвердились формы, которые нельзя считать очень последовательными, например, оуваг "канал" /ср.калм. пovыг~цувыг, орфограмма цувг/, сүм "монастырь" /калм. семе~сүме, орфогр. сом/, евел "зима" /калм. евел~увел, орфогр. увл/, эмхий "вонючий, пахучий" /калм. эмке~үмке, орфогр. үмке/, хомхой "сухой, жадный, алчный" /калм.: хумха~хомха, орфогр. хумха/. Гласные о, у и е, ү спорадически чередуются и перед некоторыми согласными задней артикуляции, например, перед н, х тонг~захь туңг~захь "наклоняться вперед", онгыць уңгыць "лодка", цожья цужьл "гнев, возмущение", нохкь~нүхкь "месить". Чередование о, у в словах монхыг~муңхыг "глухой, невежественный", мока~мука "тупой" обусловлено влиянием предшествующего губного м и последующих – увулярного н и заднеязычного к, в богзаадхь бугзаадхь "капризничать". Чередование о, ү объясняется влиянием губного б и последующего заднеязычного согласного г.

Надо отметить и нерегулярное чередование огубленных гласных по степени подъема и после периферийных² согласных /губной и задней артикуляции/. Примеры: фольмть~гульмть "очаг" /орфогр. हुлмт/, гелмен~гүлмен "паутина" /орфогр. гүлмн/ рорвын~ғурвын "три" /орфогр. һурвн/.

1. Чередование гласных в монгольских языках на материале бурятских говоров и монгольского языка подробно дана в работе Т.А. Бертагаева, Морфологическая структура слова в монгольских языках. М., 1969, стр.156-173.

2. Термин "периферийные" предложен В.М.Наделевым для обозначения губных, заднеязычных и увулярных согласных. См. М.Ч. Чумакаева. Консонантизм в алтайском языке. Материалы конференции "Этногенез народов Северной Азии", Н., 1969, стр.239.

бег~ гүлөг "шенок" /орфогр. гэлг/, гэлдүрег~ гүлдүрег
"ягерица" /орфогр. гэлврг/. По вопросам орфоэпии слов
чередующимися гласными о и у, е и ү, ү и и разработа-
ны вполне приемлемые орфографические правила, которые
способствуют установлению единой нормы произношения.
Хотя некоторые из этих правил не всегда логичны, напри-
мер, из двух вариантов произношения слова бичег~ бүчег
"писмо" в практике закрепился первый с орфограммой бичг.

Отсутствием соответствующих исследований обусловле-
но было бытование в калмыковедении противоречивых мнений
о фонематической сущности ясных гласных в односложных
словах и в неперых слогах многосложных слов. Неясные
гласные совершенно не находят отражения на письме. Все
это не могло не сказаться на орфоэпии.

Краткие и длинные гласные

Краткие и длинные гласные фонемы в первом слоге много-
сложных слов четко различаются между собой, за исключе-
нием случаев, обусловленных разнообразием произношения по го-
ворам, таких как кэхе "делать" и кээхе "делать" в неко-
торых подгруппах торгутского говора. В данном случае
общепринятой литературной формой можно считать форму кэ-
хе /орфограмма кех/.

При произнесении долгих гласных первого слога сле-
дует обращать внимание на их длительность, которая в
2,5 - 5 раз протяжнее, чем длительность соответствующих
кратких гласных. Даже незначительно редуцированное про-
изношение долгих гласных первого слога заметно нарушает
фонетическую структуру слова, тогда как несколько удли-
ненное произношение не влияет на их качество.

Однако в односложных словах и в неперых слогах мно-
госложных слов ясные гласные, восходящие исторически к
долгим гласным и дифтонгам, квалифицируются некоторыми
исследователями только как длинные гласные фонемы. Одна-
ко исследования длительности, фонематической принадлеж-
ности показали, что в ясные гласные в закрытых однослож-

ных словах, в последнем закрытом слоге слова и количественно, и качественно не отличаются от соответствующих кратких гласных фонем. В открытых слогах в тех же позициях слова гласные обладают еще, хотя и несколько редуцированной, незначительной длительностью, а фонематически являются краткими. Примеры: сэн "хороший", хол "горло", зэг "заноза", тэг "степь", заг "цель", зун "сто", зун "иголка", дулан "тепло", бүлен "теплый", ерун "утро", адун "табун", сурул "мундштук", ачин "заслуги /род.п./", талын "иной, другой", ха "лопаточная часть тела", бэ "чучело", то "число", счет", сө "ночь", бу "винтовка", ду "младший", кэ "красивый", би "танец", зала "гребень, кисточка на головном уборе", кэре "ворона", залу "мужчина", булу "брусок".

В середине же многосложных слов исторически долгие и дифтонги также претерпели количественные изменения, однако в фонематическом отношении делятся на краткие и долгие в зависимости от фонетических условий. Так, перед последним слогом с неясным гласным всегда ясные гласные бывают долгими: манаадь "у нас", бүрүүлэ "сумрак", туруутын "копытное", керээдхе "пилить". Однако перед последним слогом с ясным гласным гласные имеют обычно редуцированную длительность и являются краткими, хотя в медленном темпе речи они факультативно могут удлиняться и приобрести качественную долготу: манадан "на своем посту", бүләдуулхе "согреть", күләхэр "чтобы подождать", бүдүгэр "бруском", хошудын "хошутский" /их орфограммы: бүрүл, турутн, керэдх, манадан, бүләдүлх, күләхэр, бүдүгөр, хошудын/. Учет в орфоэпии количественных и качественных характеристик ясных гласных в названных позициях слова будет содействовать утверждению единой нормы литературного произношения.

Неясные гласные

Наибольшим препятствием в установлении норм калмыцкой орфоэпии является отсутствие графической передачи на письме неясных гласных фонем, благодаря чему боль-

множество слов состоит из сочетаний согласных с одним гласным в первом слоге, в отдельных случаях число сочетающихся согласных достигает II. В таких случаях орфоэпическое произношение и вообще сколько-нибудь правильное чтение слов затруднительно.

В самом деле, как правильно прочитать такие написания как кэдгн, агльн, бахн, баахн, хурвьлн, бөкүн. И другие многочисленные слова? Ведь их можно прочитать: кэдгегн ~ кэдгегн ~ кэдгегне /правильные варианты будут здесь подчеркнуты/, агльгь ~ агльгь, бахьн ~ бахьнь ~ бахнь, баахнь ~ баахнь, хурвьльгь ~ хурвьльгь, бөкүн ~ бөкуне ~ бөкуне.

Неясные /редуцированные/ гласные отличаются от кратких и долгих гласных очень слабой напряженностью артикуляции, что дает акустический эффект "неясности". В современном калмыцком языке имеются как известно, три неясные гласные фонемы, которые между собой противопоставляются как спецификой артикуляторной работы каждой из них и связанным с ним акустическим эффектом. Твердоядная неясная гласная фонема ь, которая, в отличие от других неясных гласных, имеет более "твердую" акустическую окраску, артикуляционно приближается к гласным смешанного и заднего рядов и выступает в сочетании с твердыми согласными в твердоядных словах: мягкорядная неясная гласная фонема е имеет переднерядную артикуляцию среднего подъема, выступает в словах мягкого ряда; индифферентная к сингармоническим рядам неясная гласная фонема й образуется при высоком подъеме языка, чем е, выступает как в твердоядных, так и в мягкорядных словах после мягких согласных т', д', н', л', ч, ж, й,^I

Примеры: I/ на неясную гласную ь: бахнь "столб", баахьн "маленький", батхьнь "муха", арьмжй "аркан", бальгьсын "город", хадмьнхь "избегать произношения имен старших

I. См. об этом П.Ц. Б и т к е е в. Неясные гласные калмыцкого языка. Записки КНИИЯЛИ. Вып.3, Э., 1964, стр. 69-92.

Е г о ж е. Проблемы фонетики калмыцкого языка. Э., 1975, стр. 126-142.

родственников мужа", болъвьърхъ "становиться культурным, совершенным". /Орфограммы этих слов: бахн, баахн, батхн, аръмж, балъсн, хадмнх, болвъорх/; 2/на неясный гласный е: кегелджирѣен "голубь", кеделмечнеремден "наши рабочие /вин.п./", къркелке "гудеть, рычать", нэмелте "добавка, дополнение", еңгелке "отделать", ендгелке "снести яйцо", тэрмелке "делать стену" /орфограммы слов: кеглжрѣн, кедлмчнрмдн, кърклк, немлт, еңглх, ендглх, термлх/; 3/на неясный гласный й: хат'йг "бочка", бот'й "том", бод'й "святость", хан'й "спутник", тан'ил "знакомый", сол'йг "обмен", туул'й "сказка", ачй "племянник, внук", учйг "нитка", бучй "шнур", цаажй "закон", ээжй "бабушка", аждйг "внимание", хоййр "два", хаййг "адрес", биййн' "он сам" /орфограммы слов: хатыг, боть, бодь, хань, таньл, сольг, тууль, ач, учг, буч, цааж, ээж, аждг, хойр, хайг, бийн'/.

С о г л а с н ы е

Согласные фонемы получили в графике действующей калмыцкой орфографии, в отличие от гласных, довольно полное отражение. Поэтому, естественно, нормы произношения согласных не относятся к числу острых вопросов орфоэпии. Здесь можно говорить только о некоторых согласных и сочетаний согласных, которые в достаточной мере не поддержаны графикой и орфографией. Увулярные согласные фонемы ɣ, ʁ отличаются тем, что одна из них является слабым смычным, а другая сверхслабым шелевым. Смычная выступает в начале слова и после увулярного согласного ɣ в середине слова: ɣал "огонь", аңгаахъ "открывать широко /рот/". Но есть подговоры, в которых наблюдается замена г заднеязычным смычным согласным. Однако графическая передача этого согласного буквой һ "аш" позволяет выработать единое произношение.

Сверхслабый шелевой увулярный ʁ, который выступает в середине многосложных слов, произносится некоторыми представителями диалектов как заднеязычный шелевой со-

гласный, а в постфиксальных морфемах мягкорядных слов — как заднеязычный смычный г. Во всех этих случаях следует произносить сверхслабый щелевой увулярный ɣ, образуемый щелевой преградой между увулой с мягким небом и задней частью спинки языка.

При сочетании двух согласных в на стыке морфем получается сочетание двух об, например, авв "взял", произносится авбб. Язык, вероятно, избегает такого сочетания. Не свойственно, по-видимому, и сочетание двух увулярных щелевых хх, поэтому на стыке морфем один из них диссимилируется и выступает в смычном варианте: тохкь "сделать", дахкь "следовать за..." /их орфограммы: тохх, дахх/. В абсолютном конце слова согласный н произносится без конечного элемента г: аң, "зверь", дөң "помощь", арслың "лев". Согласный н в конце слова получил отражение специальной буквой в старом калмыцком письме, но по диалектам имеется некоторое расхождение, а именно: иногда произносится с конечным неясным гласным, тогда н как неконечный выступает в сочетании с согласным г. Наблюдается некоторое стремление заменять в середине слова увулярный смычный носовой н на заднеязычный ң. Хотя они являются оттенками одной фонемы, но употребление их в неестественных для них фонетических условиях нарушает нормальное восприятие.

Однако практическое установление более единой нормы произношения требует объединения усилий работников науки, просвещения и высшего образования, театра, союза писателей, издательства, редакции газет, радио и телевидения.

К вопросу об усовершенствовании калмыцкой
орфографии

В условиях развивающегося калмыцко-русского двуязычия вопрос усовершенствования орфографии калмыцкого языка приобретает особую значимость в деле обучения и воспитания подрастающего поколения на родном языке.

Известно, что в годы языкового строительства в калмыцкой орфографии были допущены серьезные недочеты, которые в основном выразились, во-первых, в необозначении редуцированных, или неясных гласных на письме в непервых слогах слова, например, келлэрн "голубь", келлмичнр "рабочие", где в словах скапливаются множество согласных, во-вторых, в нерегулярном обозначении долгих гласных, например, хен "овца", — хеене "овечий", то "число" — тооһин "числа, числовой", в которых корневой элемент одного и того же слова при различных его формах пишется по-разному, в-третьих, в необозначении долгих гласных после первого слога: яман "коза", улан "красный", тэмене "верблюжий", где долгие гласные обозначаются как краткие, хотя произносятся долго: ямаан, улаан, тэмэенее¹.

В 30-х годах перечисленные недочеты считались положительной стороной калмыцкой орфографии, ее достижением, однако языковая практика, наша повседневная жизнь оказались более строгими судьями.

В настоящее время жизнь настоятельно требует скорейшего устранения указанных недостатков, так как они стали тормозом в развитии просвещения и культуры на родном языке. Актуальность решения вопроса налицо: носителю языка нужна стабильная, удобная для чтения и письма орфография.

---

1. См. IV-я конференция языкового строительства Калмыкии. Элиста, 1935, стр.69-74, 83.

При реформе современной калмыцкой орфографии в первую очередь необходимо восстановить редуцированные гласные. Этот вопрос на протяжении многих лет рассматривался на различных совещаниях лингвистов. О них немало печаталось на страницах республиканских газет. Особенно настойчиво поднимается он в последнее время, что видно из выступления многих товарищей на страницах газеты "Халмыгын". Однако вопрос до сих пор остается нерешенным, хотя многие стороны проблемы уже получили определенную ясность¹.

Известно, что в калмыцком языке существуют твердые, мягкорядные и нейтральнорядные гласные. Мнения ученых сходятся на том, что при реформе современной орфографии следует учесть эти особенности, в связи с чем предлагаются для мягкого ряда буква "е": тэрген "теле-та", едмег "хлеб", для нейтрального "и": танил, иниг, зати.

Спорным был и остается вопрос принятия знака для твердого ряда. В этих целях выдвигаются два основных предложения: 1/принять твердый знак /ь/; 2/принять букву "ы".

Что же касается первого варианта, то нужно сказать, что доводы, приводимые отдельными лицами, являются, как нам представляется, весьма неубедительными. Так, в частности, П.Ц.Биткеев, обосновывая свое предложение принять "ь" в качестве редуцированной гласной буквы, пишет: "Здесь учитывались чтения "ь" как редуцированного гласного в некоторых говорах русского языка и оправдавшая себя многовековая практика широкого употребления "ь" в качестве гласной буквы в болгарском языке, например, Болгария..."².

1. И.К. И л и ш к и н. Развитие калмыцкого литературного языка в условиях формирования калмыцко-русского двуязычия. Элиста, 1972, стр.85-89.

2. П.Ц. Б и т к е е в. Проблемы графики и орфографии современного калмыцкого языка. Элиста, 1969, стр.17.

Такую рекомендацию передавать твердорядную неясную гласную фонему буквой "ъ" мы считаем не приемлемой для современной калмыцкой письменности, так как перечисленные выше доводы недостаточно обоснованы. Она отвергается теми фактами, что написание "ъ" в некоторых говорах русского языка ни в коем случае не может стать главной причиной того, чтобы он был принят в качестве буквы, несущей большую фонетическую нагрузку в калмыцком письменном языке. Кроме того факт, приводимый данным автором, сам по себе является весьма незначительным, так как не имеет ни малейшего отражения в современной русской орфографии как звук, реально существующий в русском языке. Поэтому непонятно и странно, почему мы этим, по существу, беззвучным, немым разделительным твердым знаком должны обозначать реально имеющийся в калмыцком языке, произносимый и слышимый звук, пусть даже и редуцированный. Во-вторых, есть ли что-либо общее между болгарским и калмыцким языками? Всем известно, что эти языки по отношению друг к другу являются в корне разными как по своим грамматическим законам, так и орфографическими традициями. Поэтому, предлагаемый вариант — заимствовать у болгар "ъ" в качестве редуцированной гласной буквы ничем не оправдывается и мало того — он произволен.

Кроме того в связи с таким решением проблемы возникает вопрос — почему гласные мягкого или нейтрального ряда мы должны обозначать произносимыми буквами, а в твердом ряде — непроносимым ъ. Необходимо поступать последовательно — если приняли в первых двух случаях гласные буквы, то надо принять гласную букву и в третьем. Тогда не будет никакого противоречия и учащимся можно будет объяснить причины принятия этих гласных в качестве знаков, обозначающих редуцированные гласные. Но можем ли мы сказать учащимся школ, что "ъ" принят потому, что он существует как гласный звук в болгарском языке или в каком-то диалекте русского языка.

Стремление к усовершенствованию орфографии определяется практическими нуждами общества — в первую оче-

редь нуждами школы^I. С этой точки зрения, что означает для учащихся "ь"? Сейчас он для них просто разделительный твердый знак. Этот знак имеется как в русском, так и в калмыцком языках, и выполняет свою прямую функцию — разделять гласную от согласной: съезд, авьяс "привычка", тахья "тубетейка", докья "сигнал", зокьял "произведение", новья "пойдем", собственные имена Адьян, Сумьян и др. В случае же принятия этого знака в калмыцкий язык в качестве буквы со звуком, то сторонники этого предложения считают, что он соответственно якобы станет обозначать некую гласную букву, причем условную, подразумеваемуюся. Из такого решения вопроса что же мы будем иметь в результате: твердый знак или гласную букву? Что ответим на это учащимся? Неужели должны доказывать им, что твердый знак не есть твердый знак.

Экспериментальные данные письменных работ /диктантов/, проведенных среди учащихся школ нашей республики, студентов калмыцкого педучилища и университета с целью выявления неясных гласных на письме показали, что одной из букв, которой учащиеся обозначали твердую редуцированную гласную, явилась "ы", наряду с "а", "э". Например: хасын "кол", махын "мясо", салькын "ветер", бавһыр "пушистый", багтымһа "вместимый", арвын "десять", базы "своjak", ацы "сучья" и т.д. Его и следовало бы принять в качестве твердой редуцированной гласной за невозможностью принять "а" и "э".

После экспериментальных исследований природы неясных гласных в калмыцком языке, мы пришли к выводу, что для восстановления на письме редуцированной твердой гласной не следует далеко ходить за заимствованием нужного нам знака, его можно найти в самом калмыцком языке.

Целесообразность выбора буквы "ы" заключается еще в том, что она есть произносимый звук, в известной степени, как показали письменные работы учащихся, отражающий именно тот звук, который мы ощущаем в нашей речи

И. В. В. В и н о г р а д о в. О необходимости усовершенствования нашего правописания. Вопросы русской орфографии. М., 1964, стр. 8.

в процессе произношения слов с твердыми гласными.

Следует напомнить, что обозначение неясных гласных на письме буквой "ы" уже опробовано в работах отдельных авторов, например, А.Ш.Кичиков в своей монографии редуцированные твердые гласные передает буквой "ы"¹.

Могут быть возражения против принятия этой буквы, так как она встречается в аффиксах родительного и винительного падежей после согласных д, т, л, н: малын "скотский, скотный", малыг "скота". Но ведь в данном случае мы имеем падежные формы, а не исходную основу слова. Кроме того падежные формы можно передать через "ы" долгий: малын, маалын.

Таким образом, из всего сказанного, обозначение неясной твердой гласной фонемы буквой "ы" более оправдывается, чем вариант, предлагающий "ь". Безусловно, выдвигаемый нами вариант не представляет собой наилучший выход из положения. Но что же делать, если нет иного, более подходящего выхода. Потому мы и должны решить эту проблему исходя из объективных данных языка и мнений носителей современного калмыцкого языка, т.е. исходя из самой жизни. Ведь немало написано статей, особенно за последнее время в газете "Хальмг үнн" по вопросам редуцированных гласных, где авторы этих статей высказывают много дельных предложений. Кстати сказать, почти все выступившие товарищи, как, например, учительница калмыцкого языка и литературы Малодербетовской средней школы Е.С.Эрендженова, знатоки калмыцкого языка народный поэт Калмыкии К.Эрендженов, старейший журналист Д.Бадмаев, преподаватель калмыцкого языка в педучилище С.А.Кензеев, врач Ц.К.Корсункиев и другие высказались против принятия "ь" в качестве редуцированной гласной буквы.

Современная орфография калмыцкого языка настолько трудна, запутана и противоречива, что она становится

---

1. А.Ш. К и ч и к о в. Дербетский говор. Элиста, 1963.

препятствием для изучающих калмыцкий язык особенно для учащихся школ.

Например, во время работы с учащимися по восстановлению неясных гласных на письме приходилось встречаться с пародоксальными случаями, связанными с необозначением этих гласных в словах. У учащегося спрашиваем: — сколько слогов в слове кедлмешчир "рабочие"?

— один.

— Почему?

— Потому что в слове одна гласная.

Наверняка не встретился бы этот горький случай, если бы мы писали кегелжир-ен, кедлемешчир. Ученики очень просто разделили бы их на слоги: ке-гел-жир-ен, кед-ле-меш-чи-ир. Такой слоговой принцип восстановления неясных гласных на письме, исходящий из того, что в каждом слоге должна быть гласная, выдвинутый П.Ц.Биткеевым, непременно должен лечь в основу решения вопроса¹. Преимущество предлагаемого письма очевидно: оно снимает все те барьеры, которые препятствуют чтению текста и в целом открывает большие удобства для изучения калмыцкого языка подрастающим поколением. Так, проверка на скорость чтения калмыцких текстов показала, что один и тот же текст, написанный с восстановленными и невосстановленными гласными одними и теми же учащимися прочитывался за разный промежуток времени: текст с восстановленными гласными, обычно, прочитывался значительно быстрее, чем текст, в котором редуцированные гласные в словах не были обозначены. Это еще раз свидетельствует о том, что стечение нескольких согласных на письме не только затрудняет деление слова на слоги, морфемы, но и чтение текста и произношение.

Для обозначения редуцированных гласных в мягкорядных словах мы предлагаем взять букву "е". Дело в том, что звук э в современном письме передается двумя буквами э и е — э в абсолютном начале слова /эн, эк, эрн/, е — в первом слоге после согласных /тэг, тэмэн/. Далее

¹ П. Ц. Б и т к е е в. Указ.соч., стр.14.

первого слога звук э в калмыцком языке не встречается. Использование в одном слоге для одного звука двух букв не рационально. Поэтому наше предложение / оно поддерживается большинством высказывавшихся устно или печатно по данному вопросу / в первом слоге писать э / в абсолютном начале и в первом слоге после согласных /, а в первых слогах мягкорядных слов, где слышится е — образный краткий редуцированный гласный, писать е. Напр., тэрген, бэрген, эке, эне, дээре, кээре. А слова, начинающиеся йотированным гласным э писать через йэ, например, йэдден, йэверхе и т.д. Для обозначения нейтрально-рядного краткого и образного редуцированного гласного, который встречается в словах твердого и мягкого рядов, мы предлагаем взять букву и. Причем этот гласный встречается в основном после шипящего ш, аффрикат ж, ч, и мягких согласных т, д, л, н и др. Например, иши, кишиг, ээжи, эчи, зати, туули, унин.

Обозначение редуцированного нейтрально-рядного гласного буквой и исторически оправдано. Причем данный гласный выполняет одновременно две функции: обозначает неясный гласный и смягчает предшествующий согласный. Поэтому вопрос об обозначении нейтрально-рядного гласного буквой и не должно вызывать каких-либо сомнений.

Неясные гласные должны быть восстановлены в словообразовательных и словоизменительных аффиксах. Формы дательного, винительного и исходного падежей следует писать с редуцированными гласными: гэрте, гэриге, гэртесе. Это же положение в полной мере относится и к суффиксам имен существительных, прилагательных, числительных и т.д. Например: кэрсен, ширдег, дэвскер, багышныр, дүүнер, шарыцыр, дээрке, тавулын, нэгдегчи и т.д.

Ждет своего решения также и вопрос о долгих гласных. По своей важности и неотложности данная проблема в современной орфографии также представляет собой трудную задачу. Специфические особенности любого языка обязательно должны быть отражены и на его письменной форме. Иначе язык может, если выразиться образно, остаться без своего

облика. Долгие гласные в монгольских языках всегда были, есть, очевидно, и будут. Причем, они имеют место в любой позиции: в начале, середине, конце слова. В настоящее время мы их обозначаем только в первом слове слова, например, ааһы "чашка", тооһын "пыль". Существует большая путаница, как отметили выше, в связи с непоследовательным написанием односложных слов типа се "ночь", но сөөгин "ночной", бу "ружье", но бууһин "ружья". Еще хуже обстоит дело с такими словами, как керэд, кевэд, залад, чирэд и т.п., смысл которых без контекста вообще невозможно понять. Можно ли дальше довольствоваться таким письмом? Нет, с этим мириться нельзя и вопрос надо решать не половинчато, а полно, восстановив на письме и долгие гласные. Этого требует прежде всего школа, когда обучение родному языку осуществляется почти через письменные источники, а не через посредство живого разговорного языка. По-калмыцки дети читают именно так, как написано: бор "серый", шар "желтый", вместо боры, шары. Но почему нельзя сделать так, чтобы дети и писали и говорили одинаково во всех случаях, т.е. с долгими гласными: тоо "число" — тооһин "числовой", а не то в одном случае, и тооһин — в другом, ямаан "коза" ямаагы "козу", хөөн "овца" — хөөге "овцу", улаан "красный" улааниге "красного". Тогда дети и говорить стали бы правильно. А смысл вышеприведенных слов керэд, кевэд, залад, чирэд/ после восстановления долготы гласных стал бы совершенно ясным. В них люди отчетливо поняли бы, что керэд деепричастная форма означает — замерзая, потому что керээде существительное в дательном падеже означает — пиле, залад — управляя, так как залаады — кисти, кевэд — всплывающая, потому что кевээде означает — на берегу, чирэд — влоча, а чирээде — на лицо, в лицо.

Наконец, следует сказать, что поднимаемый вопрос, связанный с реформой в орфографии, должен привлечь внимания всего населения, пользующимся калмыцким языком. Это прежде всего относится к учителям калмыцкого языка и литературы, писателям, журналистам Калмыкии. Нет сом-

нения в том, что в результате широкой дискуссии будут высказаны много ценных предложений, которые помогут правильно решить наиболее трудные вопросы современной калмыцкой орфографии.

В настоящее время в области нашей орфографии стоят большие и трудные задачи, требующие решения на основе научных и практических данных. Орфография есть система глубоко научная и тесно связанная с жизнью. Поэтому она требует серьезного и объективного подхода. Только таким путем можно дать народу — носителю языка правильную и устойчивую письменность.

Прилагаем текст с восстановленными редуцированными гласными /без долгих гласных в непервых слогах/.

Хойыр залху

Кэзэнэ бээжи. Нэге залху куунде садхнь иред, маххнь чанчкад, йовжи одна. Маххнь буслад болна. Тиигжи бээт-лень үүнүр басы нэге залху ирнэ.

— Өөрчин болсын махын бөөнэ, һарһы, хожрын идий, — гижди кэвтсен залху ирсен залхуды кэлнэ.

— һарһад уга махын болхла би чиген идши угав, — гижди кэлэд, тэрень хажудхнь иред кэвтнэ. Хойыр залху унтжи одна. Гэрте холаон йовсын өлссен, ундассын оржи ирнэ.

— Эне хойыр махан идэд, цадад унтжи билтэл — гижди санад, маххнь һарһад идчикэд, залу йовжи одна.

Тиигжи хойыр залху залу махын уга үлджи.

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ДОЛГИХ ГЛАСНЫХ
И ИХ РОЛИ В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

Вопрос о долгих гласных в монгольских языках вызывает большой интерес и много споров среди ученых. Он тем более важен, что процесс образования долгих гласных коснулся в той или иной степени почти всех монгольских языков и диалектов и внес значительные изменения в их фонетическую систему. Он происходил очень неравномерно и таким образом, что один язык почти полностью изменял свою фонетическую структуру /например, современный монгольский язык/, а другой в значительной степени сохранял свои древние формы /например, монгорский и дагурский языки/¹.

Предполагают, что "процесс этот начался в очень раннюю эпоху, еще до возникновения государства при Чингисхане"², и заключался в том, что вследствие второстепенного ударения, падавшего на второй гласный в комплексах $V + y \sim g + v$ и $V + w + V$, интервокальные $y \sim g$, а еще раньше w начали ослабляться и выпадать, впоследствии два гласных, оказавшихся рядом, стянулись в один долгий.

Например:

uлауān	/монг.письм./	"красный" -
hūla'an	/китайская транскрипция/	-
uān	/ойратское письмо/	- улаан /совр.монг. калм./ ³ .

1. В диалекте минхэ монгорского языка вместо ожидаемой долгой гласной, встречающейся в других языках, находим краткую гласную.

См. Б.Х. Т о д а е в а . Монгорский язык. М., 1973, стр.16.

2. Б.Я. В л а д и м и р ц о в . Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия, Л., 1929, стр.193.

Б.Я. Владимирцов выделял несколько комплексов и сочетаний, явившихся основой, на которой образовались долгие гласные:

1. сочетание $V + \gamma \sim g + V$	2. комплекс $V + w + V$
3. сочетание $V + \tilde{n} + V$	4. полудолгий V
5. комплекс $V + w$	6. /спорадически/ нормальное V
7. дифтонги на i	8. комплекс $u + a$
- /в ново-монг. письм. языке/ I

Приведем несколько примеров на эти комплексы:
 МОНГ. ПИСЬМ. *baγatuz* совр. МОНГ. баатар "богатырь, герой"

degece
öveg, öveg-ий

дээрэ "на, над, сверху"
 өөр, өөрийн "свой, собственный"

iniye
owa ~ow -ou
ge wa

инээх "смеяться"
 оо "белила, пудра"
 гоо "красивый, статный"

kimün
кете

хүүн "человек"
 гээх "сказать, говорить"

tauvai

туулай "заяц"

Наглядно показал картину развития долгих гласных Г.Д. Санжеев², который разделяет точку зрения Б.Я. Владимирцова. Вот что он пишет: "Интервокальные проточные согласные г, г, j, w в I2-I3 вв. превращаются в проточный же h /хиатус-h/ ... около I3-I4 вв. интервокальный h исчезает, в результате чего образуется двоеслог -- гласный плюс гласный /едва ли дифтонг/; ... и около I4-I5 вв. двоеслоги -- гласный плюс гласный в течение очень короткого времени стянулись в один слог³."

1. Там же, стр. 193.

2. Хронология образования долгих гласных у Г.Д. Санжеева является спорной.

3. Г.Д. Санжеев. Сравнительная грамматика монгольских языков, М., 1953, стр. 77-78.

Таков основной процесс превращения комплекса в дол-
гую гласную по Г.Д.Санжееву. Но как было упомянуто выше,
процесс этот был не повсеместен и имел исключения. А что
же являлось причиной сохранения или преобразования комп-
лекса?

На этот вопрос трудно дать однозначный ответ, так
как монгольский письменный язык не дает нам примеров,
объясняющих, почему, например, слово *qaγan* - "хан"
в современно языке превратилось в "хаан" /xān/, а *aiγadan*
"белый" дало цагаан /tʂaγ.ān/¹.

Очевидно, следует учитывать характер гласных и со-
гласных звуков комплекса.

Исследователи-монголисты предполагают, что второй
гласный комплекс выделялся ударенностью или количествен-
но. Г.И.Рамстедт и Б.Я.Владимирцов считали эту гласную
ударенной. Японский ученый Хаттори Ш. предполагает, что
вторая гласная комплекса была не просто ударенной, а
долгой. Он пишет по этому поводу: "Все существующее,
однако, до сих пор не сообщает фонологически важной про-
тивоположности ударения в монгольских языках, с другой
стороны, все диалекты и языки знают фонетическую проти-
воположность кратких и долгих гласных, которые непосред-
ственно следовали за "g" и, что долгие гласные во вто-
ром и следующих слогах произносились сильнее и более
артикулированно, чем краткие гласные в этих же позициях,
и являются причиной ослабления "g", который непосред-
ственно предшествовал им.

$VgV \rightarrow VgV \rightarrow VgV$

$VgVr \rightarrow VvV: \rightarrow VV$

Например, *кигидин* → *хигин*

"палец" /халх./

кигидин → *хигдан*

"палец" /бурят./²

Г. Г. И. Р а м с т е д т. Сравнительная фонетика мон-
гольского письменного языка и халхаско-ургинского гово-
ра, СПб, 1908, стр.23.

2. Х а т т о р и Ш. "The Length of Vowels in Proto-mongol".
Studia Mongolica. t. 2, 1961, стр.456.

Другими словами он считает, что там, где в древне-монгольском языке вторая гласная комплекса была долгой, то комплекс преобразовался и на его месте появилась долгая гласная; там же, где гласные комплекса были краткими, комплекс сохранялся в застывшем виде.

Нам не известно была ли эта вторая гласная комплекса долгой или она была ударенной, но так или иначе, эта гласная была каким-то образом выделена и тем самым вела на ослабление интервокальных согласных и образование долгих гласных.

Однако, то, что вторая гласная комплекса не звучала как долгая опровергается Т.А.Бертагаевым на том основании, что "в следующих словах, где пережиточно сохранился комплекс Г+С+Г, все гласные произносятся кратко: бурят. дэгэл /халх. дээл/ "шуба"; бурят. дэгэлэй, халх.дэглий "шубенка"; бурят. хураган /халх. хуруу/ "палец"; бурят. нюраган /халх. нуруу/ "спина" и др.¹, халх. эгэм "ключица, плечо бурят. ээм, калм. оврэн, бур.халх.өөрөө, өөр.

В отношении характера согласных комплекса Хаттори Ш. выдвинул гипотезу, "... что в Древне-/средне-/монгольском языке было два вида гутуральных звуков /велярные и авелярные/: взрывной /ч/ /ж/ и слабый ффрикативный типа /ç/ /ʃ/. Первый из них не исчез к настоящему времени, в то время как второй исчез и гласные, которые предшествовали и следовали за ним, сливались в долгий гласный. Например:

Древне-монг.		Совр.монг.	
<i>авича</i>	"дядя"	<i>авага</i>	- авга
<i>вагачиг</i>	"герой, богатырь"		- баатар ²

А.Бобровников принимал долгие гласные за придыхательные звуки, образовавшиеся из слияния гласной с гор-

1. Т.А. Бертагаев. Количественные чередования гласных и аблаут в монгольских языках", ВЯ № 6, 1971, стр. II7.

2. Хаттори Ш. Там же, стр.457.

пленной, которая за ней следовала. Он предполагал, что письменный язык отражает те же самые долгие гласные, которые мы имеем теперь в современном языке, и находил подтверждение этому в памятниках квадратной письменности. Он писал "... в этом письме употребляли между двумя гласными не букву "Г", а букву "А", которой они хотели, судя по некоторым случаям ее употребления, обозначить только долгий звук гласной, а не гортанный звук "Г"¹.

Вряд ли можно полностью согласиться с этим мнением, хотя бы уже потому, что монгольский язык имеет пример образования долгих гласных там, где были такие согласные как *w*, *u* /или вообще из одной краткой гласной²/, которые никак нельзя назвать придыхательными. Кроме этого в отношении квадратной письменности можно сказать следующее; что она отражала именно современное фонетическое состояние языка. А мы знаем уже, что в 14 веке интервокальный *h* /хиатус/ начинает исчезать.

В результате чего образуется двослоги. Поэтому можно предполагать, что буква "А" в квадратной письменности обозначала долгий гласный, но только не древний, а тот, который, вероятно, начинал образовываться от слияния двослогов.

Известно, что имеется масса примеров и в монгольском, и в бурятском, и в других языках и диалектах /а особенно это характерно для монгурского и дагурского языков/, когда комплекс остается не преобразованным в долгую гласную /монг. даглий "полущубок", бурят. дагэл "шуба: - ср. монг. дээл/ и, когда интервокальный *γ* ~ *g*, хотя и сохранялся, но тем не менее, второй гласный оказывался долгим /монг. хязгаар "граница, рубеж", ичигуур "стыд, позор", агаар "воздух, сфера"/.

Но тут нужно иметь ввиду особенности произношения монгольскими чтецами комплекса Г С Г при чтении пись-

---

1. А. Б о б р о в н и к о в. Грамматика монгольско-калмыцкого языка, Казань, 1849, стр.16-17.

2. Н.Н. П о п п е. "Introduction to Mongolian comparative studies." стр.60.

менного текста. Гласный комплекса при чтении обычно растягивался по аналогии с соответствующим гласным разговорного языка. Об этом говорил в свое время Рамстедт.

Например:

читается	халх.-ург. <i>дāха</i>	"быть в состоянии нести"
<i>даг, āхи</i>		совр.монг. <i>даах</i>
<i>даг, ахи</i>		халх.-ург. "следовать"
	<i>даг, āхā</i>	совр.монг. <i>дагах</i> ¹

Комплекс Г+С+Г, в котором согласный был слоговым, полувокальным вполне мог вступить в соотносительную коррелятивную связь с фонофонематическим составом системы гласных, о чем свидетельствует ряд фактов.

По мнению Т.А.Бартагаева, в комплексах Г С Г, переходящих в долгую гласную, согласные были слоговыми, полувокальными, близко придвинутыми к гласным по звучанию, наподобие *j* /йот/, такие согласные в интервокальном положении между двумя гласными, естественно, были подвержены ослаблению и постепенному исчезновению.

В тех случаях, когда они произносились, как обыкновенные сонорные и звонкие, а не как слоговые, что у них было больше шансов сохраниться в интервокальном положении².

Б.Я.Владимирцов считал, что сохранение комплексов наиболее характерно словам часто употребляемым в повседневной речи, что не давало им утратить более древнюю форму.

Мон. письм.

есиде

етеген

инедга

"отец", сов.монг. эцэг

"старуха, бабка", эмгэн

"лисица" үнэг³

1. Г.И. Р а м с т е д т. Указ. соч., стр. 23.

2. Т.А. Б е р т а г а е в. из устного сообщения.

3. Б.Я. В л а д и м и р ц о в. Там же, стр. 231-232.

Такое явление Б.Я. Владимирцов называл "ототалой фонетической эволюцией".

Монгольский письменный язык /классический/ отражает древнейшее состояние монгольского языка, в котором не было долгих гласных. Как доказательство этому можно привести такой факт, что ни один источник, зафиксировавший древнейшую фонетическую структуру монгольского языка, не имеет упоминания о таком факте, как долгие гласные. Например, в одной из первых работ по фонетике монгольского языка Сажа бандила Гунгажалцана /1182-1251 гг./, которая вошла в сочетание Молома рабжамба Данзан-Цагвы "jujuken - i tolta - yin tayilbuqi usüg - ün endegügel - ün qaganjuic - yi aqilγayūci oγtaγjuic - yin mani".

отсутствуют долгие гласные: "... *ter öaj-tur Sanskiya Pandida monγol ulus - ün üsüg - i er - e, em - e, ersü digwan - γuag jokiγaysan bolai, usü - üd inu: a, e, i, na, ne, ni, va, ve, vi, qa, ke, ki, qa, ye, gi, ma, me, mi, la, le, li, ra, re, ri, sa, se, si, da, de, di, ta, te, ti, ya, ye, yi, cā, cē, cī, ja, je, ji, va, ve, vi, edeger bolai!*"¹

Вместе с тем уже в 1241 году Киракос записывает следующие монгольские формы, отражающие появление долгих гласных в разговорном языке за счет исчезновения *y~q*, находившихся между двумя гласными: "teriuγan "голова"

- монг. письм. *terigün* халх. түрү

iman "роза" - монг. письм. *imagan - jamā*

thaman "верблюд" - монг. *temegen* теме².

Вероятно, социальные причины, такие как "переход от охотничьего звероловного быта к кочевому"³, а затем

1. Лувсанвандан. Ш. Орчин цагийн монгол хэлний зүй, Улаанбаатар, 1967, стр.5.

2. Б.Я. Владимирцов. Там же, стр.213.

3. Могло быть и так, что в древне-письменном языке не фиксировалась система гласных, присущих местным наречиям.

начавшееся мощное объединение большой массы разноязычных племен, вызвали большие изменения в языке¹.

Г.П.Мельников в статье "Алтайская гипотеза с позиций системной лингвистики" говорит, что: "... язык является самонастраивающейся, адаптивной системой, а общие свойства таких систем зависят, как от особенностей субстанции их элементов, так и от своеобразия сети отношений между элементами, т.е. от структуры системы"². В связи с этим Г.П.Мельников выводит понятие детерминанта, т.е. краткую формулировку способа функционирования, в соответствии с которым система выполняет свою функцию. Детерминантом монгольского языка является тенденция к экономии служебных элементов.

Он пишет в статье "Монгольский вокализм как система и алтайская гипотеза": "Принцип экономии служебных элементов развивался в определенном направлении: нужны были средства лексической замены той семантики, которая выражалась аффиксами и не была очевидна из контекста. Лишь при этом условии средняя длина монгольских аффиксальных цепочек могла бы уменьшиться и аффиксам не грозила опасность стягивания — при сохранении всех тех преимуществ слышавшегося звукового состава... Однако подобное перераспределение части служебных функций, перенос их с аффиксов на корни могло быть возможным лишь при условии, что семантика каждого аффикса ясно осознается всеми членами языкового коллектива..."³.

Однако, в связи с консолидацией монгольской нации и включением большого числа иноязычных народов в империю Чингис-хана, для которых монгольский язык не был

---

1. Б.Я. В л а д и м и р ц о в. Там же, стр.241.

2. Г.П. М е л ь н и к о в. Алтайская гипотеза с позиций системной лингвистики, стр.85.

3. Г.П. М е л ь н и к о в. Монгольский вокализм как система и алтайская гипотеза, Кн. "Проблема общности алтайских языков", Л., 1971, стр.258-259.

родным, резко ослабилась острота восприятия "...внутренней формы слов и морфем, утратилась способность правильного морфемного членения сложных языковых единиц. А прямым следствием такого состояния на фонетическом уровне оказывается резкое возрастание случаев выпадения, звуков, стяжения, опрощения, возникновения новых звукотипов и фонем, особенно, если в языке встречаются часто длинные цепочки морфем не совсем ясной семантики..."¹.

Помимо этого, очевидно, происходила частичная ассимиляция языков, которая дала большое количество новых слов /заимствований/ и новых фонетических вариантов. Письменный же монгольский язык, основанный в свое время на каком-то одном диалекте, не мог отразить всех изменений происходивших в языке /до 14-15 вв./. Поэтому, не только заимствованные слова на письме вынуждены были подчиняться законам монгольской орфографии, но и собственные слова в новой форме писались по-прежнему. Однако, попытки отразить новые фонетические явления неоднократно возникали и это мы можем проследить по попыткам создать более универсальную письменность: создание Пагба-ламой в 14 веке квадратной письменности, приближавшейся в большей степени к живому языку; попытки использовать письменность других языков /например, маньчжурского/; создание в 17 веке ойратской письменности и др. Хотя эти попытки и не увенчались успехом, они говорят нам о том, что уже в то время сознавалось несоответствие и изменившейся фонетической системы языка и его письменного выражения. Впрочем, надо отметить, что и письменный язык развивался и изменялся, но незначительно по сравнению с разговорным.

В заключении мы отметим, что процесс образования долгих гласных повлек за собой значительные изменения в монгольских языках. Не только в их фонетической системе, но и на более высоком уровне: "количественное чере-

---

1. Г.П. М е л ь н и к о в. Указ. соч., стр.259.

дование гласных фонем повлекло за собой возникновение вариантов слов, изменение их лексического и грамматического значения¹.

Например: I. варианты слов.

монг. сэргэхү - сэрэхү "прохлаждаться"

байца-х - байхаа-х "проверять, допрашивать"

бурят.диал. эжий "мать, бабушка"

монг. ээж "мать"

бурят. ээжий "мать, бабушка"

2. изменение оттенков лексических значений

монг. сурга-ха /учить" - сургаа-ха "обучать, научить"

бурят. хөргөхө "охлаждать: замораживать" - хөргөөхө "специально охлаждать, специально замораживать"

3. изменение грамматической функции

монг. хата-ха "сушиться" - хатаа-ха "сушить"

шата-ха "гореть" - шатаа-ха "поджигать"²

На основании этого Т.А.Бертагаев определяет долгую гласную как морфофону, которая "чередуюсь с краткой гласной основы не только вносит модификацию в лексическое значение слов, но образует бинарную систему глагольных категорий транзитивности и интранзитивности", а комплекс Г+С+Г, где он сохранился в застывшем виде, определяет как морфему /например, гар-а-х "переходить, влезать", гар-ага-х - гаргах "вылезать", где ага-га рассматривается как аффикс³.

"Таким образом, статус и функции застывшего архаического комплекса Г+С+Г выпавшего из системы чередования, и генетически родственной ему долгой гласной на

---

1. Т.А. Бертагаев. Количественное чередование гласных и аблаут в монгольских языках". ВЯ № 6, 1971, стр.117.

2. Там же, стр. 117.

3. Там же, стр. 121.

современном этапе разводились: за комплексом закрепи-
лась роль морфемы, за долгой гласной — роль морфоне-
мы "I".

Отсюда мы видим какую значительную роль сыграл про-
цесс образования долгих гласных в формировании и раз-
витии монгольских языков.

Л Е К С И К А

О происхождении названий мелкого скота в языках
МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ

Монгольские народы издревле занимались кочевым скотоводством. Отпечатки этого во многом сохранились в современной жизни этих племен: ведущей отраслью в их хозяйственном развитии и сейчас остается полукочевое, а местами и кочевое скотоводство. Об этом древнем занятии монголов, калмыков и бурят достаточно ярко говорят их национальные традиции и устные предания: эпические сказания, легенды, сказки, пословицы, поговорки, песни, богато вобравшие в себя и донесшие до нас многие элементы из жизни монгольских кочевников тех незапамятных времен. О том же свидетельствуют также дошедшие до нас письменные и археологические памятники, научные открытия по истории и этнографии названных народов.

Социально-экономическое своеобразие прошлой жизни монгольских народов, в основном заключающееся в кочевом скотоводстве, естественно, отразилось на лексическом составе их языков. Думаем, не будет преувеличением сказать, что значительная доля словарного фонда монгольских языков приходится на номадную лексику, в которой особое и заметное место занимают наименования домашних животных¹.

Названия домашних животных могут быть охарактеризованы как один из слоев номадной лексики монгольских языков, с течением времени, в силу особых условий своего бытования, получивший специфические черты, которые отразились на структуре, звуковом оформлении и семантике данного класса слов.

---

1. Под ними монгольские народы подразумевают традиционные пять видов скота: лошадей, крупный рогатый скот, верблюдов, овец и коз.

Лексика, связанная с наименованиями домашних животных в монгольских языках, как специальный предмет исследования не привлекала еще внимания ученых. Отдельные статьи, опубликованные в разные годы, ставят и решают эту проблему в связи с изучением лексики тюркских и тунгусо-маньчжурских языков. Работ же, рассматривающих данный вопрос с точки зрения монголистики, не имеется. Между тем этот класс слов в языках монгольских народов является одним из обиходных и многочисленных, т.к. основу экономики МНР, Калмыцкой и Бурятской автономных республик все еще составляет, как отметили выше, скотоводческое хозяйство. Поэтому лексика, относящаяся к животноводству, требует специального научного освещения и системного упорядочения.

Изучение названий домашних животных вызвано еще и тем, что словарный состав монгольских языков является малоизученным. По этому поводу Т.А.Бертагаев, посвятивший немало работ сравнительно-исторической лексикологии, пишет, что "Лексикология монгольских языков является самым слабым местом в монголоведении. Если фонетика и морфология в какой-то степени исследованы, то этого нельзя сказать в отношении лексики"¹. Поэтому последовательное изучение лексического состава монгольских языков по отдельным тематическим группам слов является неотложной задачей в лексикологии монгольских языков. Данная статья посвящается одной из них, а именно: видовым и внутривидовым названиям овец и коз.

Понятие "мелкий скот" выражается сочетаниями слов: общ.монг. бог мал, монг. вариант. жижиг мал, бур.жэжэ мал "мелкий скот: овцы, козы". В монгольском языке лексема жижиг кроме того означает "приплод". Другие названия: монг. богино хэлийн мал "мелкий скот", букв. "коротконогий скот", калм. үүрмег мал или нэрхен шиирте

---

1. Т.А. Бертагаев. К исследованию лексики монгольских языков. Улан-Удэ, 1961, стр.3.

мал "мелкий скот", букв. "тонконогий скот". Собира-
тельное название молодняка образуется из парных слов или
бином: монг. ишигэ хурьга/н/, калм. ишик хурһан, бур.
эшегэ/н/ хурьган "молодняк мелкого скота" букв. "козля-
та-ягнята".

Названия овец. Монгольские народы овец относят к
животным с "горячим дыханием", что означает "скот с по-
лезным, хорошим свойством мяса". В качестве родового
названия овец употребляется слово: хонь /хони/н/, писем.
хони, *ᠬᠣᠨᠢ*, калм. хон, писем. *хонин*, калм. бузав. хонь,
бур. хонин "овца взрослая", монг. писем. *хонин* (<*хои<*хой
< *хонин*) соответствует тюркским *ḡoñ, ḡojuñ, koi* ¹.
Ср. мгр., даг. хони, бн. хонэ, мог. *ḡonin*, дунс. *ḡoni* ²,
тюрк. *koj(un)*, тур. *koi, kojun*, тюрк. *kon, koj, kojun* "ов-
ца" > чув. *xuj* ~ монг. *konin* (калм. хон, хон), тунг.
kōni - ksa "овечья шкура", ср. самод. *koj, konin*,
konir "овца" ³ ма. хонин "овца".

За наиболее древнюю форму этого слова А.М. Щербак
принимает тюрк. *кон/ун/*, в котором суффикс -ун в процес-
се эволюции данного слова изменился или совсем исчез ⁴.
По его мнению, монгольские наименования овец заимство-
ваны из тюркских языков: монг. писем. *ḡonin* < тюрк.
kojun, т.к. мо. н развился из общетюркского *ǰ > ǰ и н ⁵,

1. Б.Я. Владимирцов. Сравнительная грамма-
тика монгольского письменного языка и халхаского наре-
чия. Введение и фонетика. Л., 1929, стр.372.

2. Б.Х. Тодаева. Дунсянский язык. М., 1961; она
же. Басаньский язык. М., 1964; Монгорский язык. М., 1973.
В дальнейшем параллели из данных языков будут приводить-
ся по названным трудам этого автора /см. словарики, кото-
рые даются в конце указанных работ, откуда заимствованы
наши примеры соответствий/ под общей для всех ссылкой:
Тодаева, указ. соч.

3. М. Ряснен. Материалы по исторической фоне-
тике тюркских языков. М., 1955, стр.179.

4. А.М. Щербак. Названия домашних и диких живот-
ных в тюркских языках. "Историческое развитие лексики
тюркских языков". М., 1961, стр.110.

5. А.М. Щербак. Указ. соч., стр.117.

о чем не согласна К.А.Новикова, которая согласно традиционной алтаистической точки зрения доказывает, что интервокальное тюрк. $n' \sim j < n'$, а $z < *r$ I.

Фонетическое развитие слова хен отчетливо прослеживается на вариантах различных форм этого слова, представленных Г.Д.Санжеевым: $*xon_i > *xönin > xön$ 2, где в результате перехода гласного i с последующего слога на первый, слово приобрело форму $xöin$, в которой позже дифтонг $öi$ превратился в долгий $ö$, что вообще характерно калмыцкому языку, и, наконец, в современной орфографии дало e : хен. Однако здесь следует отметить, что в результате метатезы возникает форма $xoin$, а не $xöin$, что, очевидно, пришло позже, в которой под воздействием мягкорядного i , предшествующий твердорядный o переходит в $ö$, что дает в комплексе $öi$: $xoin > xöin$. Дифтонг же мягкий $öi > \underline{ö}$: $xön > xön$. В собственно монгольском и бурятском языках подобные переходы не произошли. Им, прежде всего монгольскому, свойственны выпадение конечных слогов в словах, напр., хонин — хонь, морин — морь и т.п., в которых под влиянием нейтрально-рядного мягкого гласного i смягчаются предшествующие согласные.

Названия самцов: монг., калм. $xuñ$, письм. $xuñ$, $xiñ$, $xiñ$, калм. письм. $xuñ$, бур. хуса "взрослый баран-производитель". Ср. тюрк. коч, кочкар; ма. $kuñ$ "козел, баран", тунг. хуса, серб., болг. коч "баран-производитель", 3 русск. диал. куцан "некладенный баран" — заимствовано из монгольского" 4 /Фасмер Э.С./.

А.М.Щербак на фонетической основе доказывает, что

---

1. К.А.Новикова. Иноязычные элементы в тунгусо-маньчжурской лексике, относящейся к животному миру. "Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков". Л., 1972, стр.114.

2. Г.Д.Санжеев. Грамматика калмыцкого языка. М.-Л., 1940, стр.12-13.

3. Т.А.Бертагеев. К исследованию лексики, стр.152.

4. А.М.Щербак. Названия, ЛТЯз, стр.115.

МОНГОЛЬСКОЕ *дүсэ~хиса* так же, как и другие монгольские наименования овец, заимствовано из тюркских языков¹.

Монг. *ирэг*, калм. *ирге*, калм.-дерб. *ирег*, письменные *ирге*, халх. *ирег*, бур. *эрье*, бур. *мух.*-шиб. *эргэ* "валух".
др.-тюрк. *irk* "овца по четвертому году", ма. *ирге*,
русск. диал. *иргень* "кладеный баран" мо. *irge*².

Т.А. Бертагаев происхождение этого слова связывает с корневым *эр-// ар-// ир-*: *эр* "самец, муж", ср. тюрк. *ар* /в том же значении/ *-ар -ан* > *ар-а-т* "простолодин", *ир-гэн* "люди, народ" // бур. зап. *эр-је* -т "люди", *эр-јэ* "баран-кастрированный"³.

В корне этого слова действительно могут быть *ар-*, *эр-*, *ир-*, *яр-*, но значение его, как нам представляется, в первую очередь связано с понятиями "простой, рядовой; очищенный, опустошенный", а не с *эр* "муж" или "мужчина", ср.: мо. *ар - ат* "простолодин", *ир-гэн* "люди", *эрье* "баран-кастрат", калм. *эр-үн /arıyn /* "чистый, святой", *ар-чих* "чистить" и др.-тюрк. *ar-ıy* "чистый", *ar-ıytag* "очишение, устранение", *ar-ıyla* "кастрировать, холостить"⁴.

Калм. *шилэг* "овца от года до двух лет", но не "баран", вероятно, от глг. *шилже* или *шилхе* "отбирать" /лучшее/.

Калм. *бойдаг*, письм. *vojdag* "двухлетний баран, прошлогодний ягненок". Ср. кирг. *voi* "тело", войдок - *voidag* "холостой".

1. Д.А. А б а ш е е в. К вопросу о реализации бурят-монгольского языка "Бурятоведческий сборник", вып. III-IV, Иркутск, 1927, стр. 13.

2. О.Н. Т р у б а ч е в. Происхождение названий домашних животных в славянских языках. М., 1960, стр. 81.

3. Т.А. Б е р т а г а е в. Лексика современных монгольских литературных языков. М., 1974, стр. 61-63.

4. Древнетюркский словарь. Под ред. В.М.Наделяева. Л., 1969, стр. 51-52.

Названия самок: монг., халх. *зусаг*, писм. *зусаг*, бур. *зуһаг* "двухлетняя, впервые сунтая овца коза", калм. *зусак* - *зусак* "двухлетняя овца коза", ср.монг. писм. *зит* "лето", *зуса* "проводить лето, летовать", *жусаг* "двухлетний баран" соотв. тюрк. *жызак*, *тысак*, *тысагас*¹. Ср. тюрк. *шишак* *шишак* "овца двух лет" - из *шиш* "опухать, толстеть"², алт. *ййзак*, кирг. *жусак*, польск. диал. *сызак* "ягненок - сосунок", словц. *сісак* "ягненок", словен. *вісьек* "барашек-ягненок", болг. диал. *шишек* "ягненок до двух лет", в-луж. *зивак* "годовалый ягненок"³.

Калм. *нәәднер* - *најінар* "овца от двух до трех лет". По Рамstedту /К.С./ *нәәднер* "женский, женственный, женщина" < *најінар* < *шин*, кор. *наі* "человек".

Названия молодняка обоого пола: монг. *хурга/н/*, халх. *хурага*, писм. *хураган*, калм. *хурһан* - *хурага*, бур. *хурьга/н/* "ягненок от рождения до года". Ср. бн. *хурһан*, дунс. *курһан* /Тодаева, указ. соч., /; тюрк. *козі*, тунг. *куржан*, русск. сиб. *хураган* "ягненок" < монг.⁴.

А.М. Шербак утверждает, что древнейшим в фонетическом отношении является форма *козі* ~ *кузі*. По вопросу об источнике заимствования данного слова у него обнаруживаются противоречивые высказывания. В своей работе он пишет: "Ротацирующая разновидность этого слова не выступает ни в одном из письменных источников и не известна в современных тюркских языках. Поэтому алт. *кураган*, тув. и хак. *хураган* необходимо рассматривать как заимствования из монгольского языка"⁵. Здесь же он продолжает: "...монг.

1. Б.Я. В л а д и м и р ц о в. Сравнительная грамматика, стр. 174.

2. А.М. Ш е р б а к. Названия, ЛТЯз, стр. 115-116.

3. О.Н. Т р у б а ч е в. Происхождение названий, стр. 82.

4. М. Ф а с м е р. Этимологический словарь русского языка. В дальнейшем даем в тексте в сокращении: Фасмер. Э.С.

5. А.М. Ш е р б а к. Названия, ЛТЯз, стр. 113.

писм. *дигаран* явно тюркского происхождения", что оно вошло в монгольский из древнечувацкого или иной группы языков чувашского типа.

Генетическая связь монгольских и тюркских форм этого слова очевидна. Древнейшей из всех форм, по мнению И.А.Новиковой, является монг.писм. *дигаран* ~ *дигиуан* ~ *дигиуан*¹.

Монг., халх. тэлег, писм. *tölöge* "ягненок двух лет", калм.тэлге - дерб. тэлег - *tölgö* "ягненок до двух лет", бур. түлгэн "овца по второму году", эх-бул. тэлегэ "взрослая овца", сел.-зап. шүлгэ "баран овца двух лет", сел. шелеге, мух.-шиб., ал.шөлгөн, эхир.-бул. шелег, цонг. шүлгэ. Ср. тюрк. торл образовано от *тор* "рожать"², *seletgöz* от него алб. *chilek* "ягненок на втором году, годовалый козел"³.

Значение тэлег, вероятно, связано со значением слова тел~тул "приплод, молодняк", см. глаг.монг. тэллех, калм.дерб. тэлгелхе "ягниться, рожать ягненка". Прибавление суффикса -аг, -ег к основам слов, обозначающих живых существ, напр., в калмыцком языке, явление нередкое: калм.лит. батхан-дерб. батхан-аг "муха", лит.бөкүн-дерб. бөкүн-ег "комар", лит. хулһан-дерб. хулһан-аг "мышь" и т.д. Иногда такое наращение приводит к сужению количества значения слова, напр., калм.лит. түрген "оса; быстрый, скорый", после присоединения к нему суффикса -сг- түргенег стало выражать одно значение "оса".

Калм. төве - *tövö* хурһан, бур. төвөө "ягненок выродок"⁴, түбөө хурьган, эшэгэн "рахитичный ягненок, козленок", ср. глаг. түбөөрхе "становиться белесым, вялым".

1. И.А.Новикова. Иноязычные элементы, ПОЯЗ, стр.248.

2. А.М.Щербак. Названия, ЛТЯЗ, стр.115.

3. О.Н.Трубачев. Происхождение названий, стр.152.

4. Т.А.Бертагаев. К исследованию лексики, стр.152.

Калм. марха-тарха "недоношенный ягненок". Ср. кирг. марка "поздний ягненок"¹.

Бур. сэгсурга² "полугодовалый барашек", ср. бур. һэхүүргэ "шкурка ягненка старше шести месяцев", калм. сэгсурга - *seksurga* "шкурка молодой овцы", русск. диал. саксурга или сакюрка "поярковая овчина старше шести месяцев" /Фасмер Э.С./.

Калм. саксӓг, сагсӓг-*saksak* "ягненок около года", ср. калм. прил. саксӓг "пушистый", монг. сагсгар "пушистый, лохматый", бур. һагсагар хурьган "пушистый ягненок". Ср. русск. диал. саксак "долгорунная, майская овчина" - из калмыцкого саксак /Фасмер Э.С./.

Дифференциальные названия молодняка овцы по сезонам года. Бур. эх. хурбэ "ягненок", - сел., цонг. "родившийся зимой ягненок", бур. ал. хөрве хурьган "годовалый осенний барашек, шкурка летнего ягненка заколотого осенью", эх. - бул. хөрве и хурьган синонимичны - "ягненок", бур. зап. сагаанай хөрве "ягненок весеннего ~ летнего помета", - цонг. хөрве "зимний ягненок", ср. бур. бох. хурбэдхэ "овчина мех с короткой шерстью", глаг. бох. хурбэлхэ - "стричь вторично шерсть", бур. барг. хөрбэ "овечья шкура без шерсти", бох. нарян хөрве "шкура овцы, снятая вскоре после стрижки".

Калм. цаһан /хурһан/ писым. сауан "ягненок, родившийся зимой ~ ранней весной, родившийся в ненормальный срок", бур. эх. сагаа/н/ "ягненок летнего помета", - кач. сагаан хурьган "ягненок, родившийся летом". Кроме того во многих бурятских говорах сагаа/н/ означает "олень" /самец и самка/.

Бур. бох. һахуурга, "ягненок весеннего летнего помета", ср. сел. "длинношерстная овчина молодого барашка", зап. һахуургалха "ягниться летом, ягниться второй раз" /см. сэгсурга/.

1. А. М. Щербак. Названия, ЛТЯз, стр. 115.

2. Д. А. Абашеев. К вопросу о реализации бурят-монгольского языка - "Бурятоведческий сборник", вып. III-IV, Иркутск, 1927, стр. 13.

В различных диалектах и говорах монгольских языков такие сезонные наименования молодняка домашних животных представлены в большом количестве.

Названия коз. Этот вид скота у монгольских народов особую ценность не составляет. Она относится к категории животных с плохим качеством мяса и, потому мало разводится. О ней калмыцкая поговорка гласит: мал чилехлэ — яман "когда нет скота /иного/ — остается коза".

Видовым названием для коз служит термин монг., бур. ямаа/н/, письм.монг. *итауан*, *ниауан*, калм. яман—*јатан*, бур.нимаан "коза взрослая", бур.байк.—кудар.нимаан "коза", бур. эх. нямаан где *j // н*. Ср. мгр. има, дунс. *јиман*, бн. *іман*; /Тодаева, указ.соч./, тюрк. *ітуа ~ уітуа* "самка каменного барана"¹, тунг. има/н/, наму/н/; ма. *німан* "козел" < мо. *итауан* "козел" (*ниауан* < **уітауан*², нивх. эман³).

В этом слове можно отметить две особенности: 1/сохранение *i* в первом слоге, 2/стяжение *ауа > а̄⁴*, которое относится к третьему или последнему /начиная с XVI в./ периоду развития монгольских языков⁵. Последняя особенность весьма характерна для названий многих видов домашних животных.

Для большинства языков алтайской группы признается генетическая связь этого слова. За основу берется

---

1. Б.Я. Владимирцов. Сравнительная грамматика, стр.194.

2. Г.Д. Санжеев. Маньчжуро-монгольские языковые параллели. ИАН № 9. Отделение гуманитарных наук. Л., 1930, стр.674.

3. Т.А. Бертагаев. В.З. Панфилов. Проблемы алтаистики и монголоведения. Тезисы. Элиста, 1972, стр.5.

4. Г.И. Рамстедт. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халх. — ургинского говора. СПб., 1908, стр.22.

5. Г.Д. Санжеев. Сравнительная грамматика монгольских языков, т.1, М., 1953, стр.16—20.

jitʏa; I монг. писем. *итаган* ~ *питаган* < др.-тюрк.
jitʏa < обще тюрк. *ditʏa 2.

Названия самцов. монг. тэх писем. *теке* "дикий гор-
ный козел", калм. *тэке*, калм.-дерб. *тэке*, писем. *теке*,
бур., халх. *тэхэ* "взрослый козел-производитель". Ср.
др.-тюрк. *тека*, тюрк. *такә*, *тәкә*, русск. сиб. *тыкен*
"козел" /Даль Т.С./ . Обще тюркскому варианту *тәкә* соот-
ветствует по значению гаг. цап /< рум. *тап* или русск./ 3.

Монг. ухна "некастрированный козел", калм. *ухана*,
писменные *ихина* "дикий молодой козел", также монг.
идина "козел по второму году", - ср. глаг. *ухах* "рыть,
ковырять, копать", калм. *ихантсоч* "выпрыжку", монг.
икис ки "бросать, разбег, бросаться" 4, - калм. *үкес ги*
"спешу, тороплюсь".

Монг. бавнаа, *бабана* - писем. *babana* иносказ. "ко-
зел", бур. *бабана* "козел". Ср. гаг. *бобана* "старая ов-
ца семи-восемью лет", слав. *babana* "старая беззубая
овца", рум. *babana* "овца с первым ягненком, молодая
овца" 5.

Монг. оэрх, калм. *сэрке* - *serke*, бур. *һәрхэ* "кла-
денный козел свыше трех лет". Ср. др.-тюрк. *еркай* "ко-
зел", тюрк. *эркеч*, *серка* образовано от глагольной ос-
новы *әрик* облежаться, ослабеть 6, н.-луж., в.-луж.
серка, *сера* "овечка" 7.

---

1. К.А. Новикова. Иноязычные элементы, ОСЛАЗ,
стр. II 5.

2. А.М. Щербак. Названия, ЛТЯз, стр. II 8.

3. А.М. Щербак. Указ. соч., ЛТЯз, стр. II 9.

4. Г.И. Рамстедт. Введение, стр. I 95.

5. О.Н. Трубачев. Происхождение названий,
стр. 82.

6. А.М. Щербак. Названия, ЛТЯз, стр. II 8.

7. О.Н. Трубачев. Происхождение названий,
стр. 82.

Калм. сиинэг, письм. *segeneg* < *sejines "двухгодовалый козел" /Рамстедт К.С./, бур. эх. – бул. хиинэг мух.-шиб. һынек "кладеный козел двух лет", бох. хиинэг, һайнаг "вол, кастрированный бык", цонг. сиинэг, соэног, сынэг "кастрированный молодой козел по третьему году". Ср. тюрк. СҮҮҢ в разных значениях: "горный козел", "коза", "марал", "олень" и др.¹.

Названия самок: бур. эх. шоогой "коза, козы", барг. хонин шоогой "овцы и козы", барг. эмэ шоогой "коза", эре шоогой "козел", вариантное эх. – бул., барг. шоогоэ "коза"².

Монг. янгий – *jangir* "коза – матка" /в том числе и дикая/.

Названия молодняка обоего пола: монг., халх. ишиг, письм. *isigen*, калм. ишке // ишиг – *isige*, бур. эшэгэ/н "козленок от рождения до года", халх. ишиг, баит. ишкё "козленок" < *isge* < *isge* ³. Ср. др.-тюрк. ёскй, ёскй "коза", лат. о́зка, др.-инд. ajika, лит. о́зка "коза"⁴, русск. диал. ишиген "козленок" – из монгольских языков /Фасмер. Э.С./.

Калм. диал. бавал, письм. *bawal* "подросший козленок". По-видимому, происхождение этого имени связано со значением глагола бавалзайх /от бавиха/ "лохматиться, становиться лохматым".

Монг. хегий, письм. *kögei* "родившийся к зиме ~ зимойте-ленок, ягненок", ср. хегне "веревка с петлями для привязывания ягнят, козлят", глаг. хегнэх "привязывать ягнят, козлят на веревку".

1. А.М. Щербак. Названия, ЛТЯз, стр.113.

2. Р.А. Раднаев. Баргузинский говор. "Исследование бурятских говоров", вып.1. Улан-Удэ, 1965, стр.87.

3. Б.Я. Владимирцов. Сравнительная грамматика, стр.377.

4. О приведенных параллелях подр.см.: О.Н. Трубачев. Происхождение названий, стр.87; здесь предполагается родство слав. коза с лат. о́зка, в котором допускается метатеза. См. также М.Фасмер. Этимологический словарь, стр.277, – предполагаемая метатеза в данном случае отвергается.

Монг. борлон - *borlong* "годовалый козленок", калм. борлэг - *borlog* "родившийся поздно осенью" /о молодяке мелких домашних животных/, бур.бох. борлон "годовалый" /об овцах и козах/, калм. боря хурһан "подросший ягненок", - слово бор/а/ здесь имеет значение "окрепший, выносливый, сильный", ср., калм. боря махта мал "сильный, жилистый скот". Вероятно, бор/а/ "ягненок" < бор/а/ "сильный, крепкий".

Монг. дахлай - *дахлай* "поздний ягненок, козленок, родившийся в конце лета ~ в начале осени" по суш. дах "шуба ~ доха", ср. глаг. дахлах "одевать, накидывать доху".

Этимологические заметки

Диалектная лексика русских говоров на территории Калмыцкой АССР до сих пор никем не собиралась и не изучалась. А между тем она представляет немалый интерес с точки зрения как генетических, так и территориальных связей. В настоящее время ее начинают собирать и изучать. Студентами и преподавателями Калмыцкого госуниверситета за последние годы (1971-75) собран значительный диалектный материал, на основании которого составляется картотека. Начата семантическая, территориальная и этимологическая обработка собранной диалектной лексики. В данных заметках излагаются этимологические наблюдения над диалектными словами, извлеченными из текстов, собранных студентами заочного отделения КГУ в процессе выполнения курсовых работ по русской диалектологии.

Специфика русской диалектной лексики Калмыкии состоит в том, что она носит территориально-смешанный характер. Русское население Калмыкии составляют переселенцы из различных областей и краев (главным образом, граничащих с Калмыкией). Первопоселенцы, прибывшие на ее территорию в прошлом веке, были, по всей вероятности, носителями диалектов украинского языка. С течением времени они смешивались с постоянно прибывавшим русским населением, и это наложило отпечаток на диалектную лексику, формировавшуюся в результате смешения двух языков — украинского и русского. Украинская струя до сих пор очень заметна в лексике русских говоров Калмыкии. Примером могут служить украинизмы, видимые, так сказать, невооруженным глазом, т.е. имеющие украинские особенности в звучании и морфологической структуре: назустріч — навстречу, дівкованнечко — девичество, дрібненький — мелконький, це — это, що ось — чего-то, стілєць — столик (примеры здесь и в дальнейшем даны в приближительной фонетической транскрипции).

Украинская лексика сосуществует и взаимодействует с

русской диалектной лексикой, принесенной переселенцами из центральной России, Поволжья, с Дона (таковы пжнорусизмы анадьсь - недавно, вскоростях - вскоре, завеска - фартук, задышка - одышка, кочет или певень - петух, жамка - прыжок и т.д.). Значительное влияние на современную диалектную лексику Калмыкии оказывает лексика литературного языка, которая, вытесняя диалектные слова, занимает все больший удельный сектор в словарном составе диалектов. Это влияние - нивелирующее, это закономерное следствие усиливающегося процесса языковой интеграции - преобладающей тенденции языкового развития на современном этапе.

К числу характерных особенностей лексики русских говоров Калмыкии надо отнести также наличие в них известного количества заимствований из калмыцкого языка, напр., гелдуг (истор). - духовное лицо у калмыков, буддийский священник, хотон - калмыцкое поселение, шудон - мясной бульон, хулук - степной колодец, махн-шелдтыган - похлебка с мясом и луком и т.д.

Таким образом, диалектная русская лексика Калмыкии отражает взаимодействие языков и диалектов в той степени, какая обычно свойственна словарному составу говоров вторичной формации, обособившихся от материнской диалектной почвы и существующих в иноязычном окружении.

Перейдем к этимологическому анализу отдельных слов. Мы ограничимся ближней этимологией, указывающей на непосредственные генетические связи между словами. Так, слово домака - палка связываем с глаголом домать, не исследуя происхождения этого последнего. Лишь в некоторых трудных случаях будут затронуты более глубокие этимологические связи. В большинстве случаев нами опущены подробности, которые можно отыскать в известных этимологических словарях А.Г.Преображенского и М.Р.Фасмера (с целью избежать повторения). Думается, что читатели при желании обратятся к этим словарям и сами найдут интересующие их данные. Ссылки на словарь М.Р.Фасмера (равно как и на другие словари, см. список в конце работы) приводятся лишь в той

мере, в какой это необходимо для выяснения ближней этимологии слов. Более подробно этимологические выкладки будут даны в работе "Наблюдения над русскими народными говорами Калмыцкой АССР".

Апалоник - половник, разливательная кухонная ложка. Образовано: о-половик; связано по происхождению с глаголом **полотъ** - искоренять сорняки (первоначальное значение **дять, сыпать**; ср. др.- русск. половьникъ - мера сыпучих тел; укр. палати, белор. палаць - веять, т.е. сыпать зерно по ветру, очищая его от мякнны; также ср. белор. палон(к) - разливательная ложка (Фасмер, III, 307).

Буреки - пельмени (вариант - **бёррги**). Заимствовано из калмыцкого языка, в котором берг означает пельмени. Рамстедт приводит калм. *böög, büüg* - мясной пирог, мясной паштет, ср. русск. **пирог**. (РКМ). Таким образом, буреки - это возвратное заимствование.

Важкий - тяжелый. - То была важка работа, бо жинки робили увсе самы. Слово украинское, образовано от **вага** - вес, тяжесть; последнее - общеславянское: ср. укр., белор., вага, польск. *waga*, чеш. *váha* и т.д. (Фасмер, I, 263). В рассказе И.А.Бунина "Лирник Родной" приводится украинская песня, в которой есть наречие **важко** - тяжело, образованное от прилагательного **важкий**: "Ой, як тяжко, важко кам'ня глодати, а ще тяжче, важче тебе к собі взяти" (И.А.Бунина, Избранные произведения, М., 1963, стр.303).

Вехоть, вехотка - мочалка или тряпка для хозяйственных нужд (мытья посуды, стирания со стола и т.д.). - Мама кажэ: Дэ вихотка? Я кажэ : Нэ знаю, шо за вихотка. Она кажэ: Тряпка. - Этот диалог наглядно показывает, что некоторые диалектные слова известны лишь старшему поколению говорящих; молодежь в большинстве случаев уже утратила их. Отмеченное слово - общеславянское: ср. др.- рус. **вѣхъть**, укр. **вѣхоть**, польск. *wiechies'* ит.д. (Фасмер, I, 308). В русском языке оно известно в основном в северных говорах (архангельских, вятских, сибирских, уральских и др.). В русские говоры Калмыкии это слово попало, видимо, из украинского языка (судя по отражению древнего "ять" в виде

И и другим особенностям приведенного выше текста), но не из севернорусских говоров. Слово входит в ту же этимологическую группу, что и веять, вить, вихор, вихрь.

Гепнуться — упасть: *h* эгнулась з дробныи (упала с лестницы). Отмечено в курских и донских говорах, образовано от местоимения геп — ляп, стук (СРНГ, 6, 166).

Джамба, джомба — калмыцкий чай, завариваемый из плеточных сортов, с добавлением молока, масла, пряностей, иногда — поджаренной муки. В калмыцкий язык это слово попало из тибетского Цзамба — подсушенная ячменная мука (Ю. Шарфионович, комментарий к "Игре Веталы с человеком", пер. с тибетского, Наука, 1969, стр. 143); ср. также монг. замбаа — поджаренная ячменная мука (МРС, 191). В калмыцком языке значение "мука, подмешиваемая к чаю" изменилось; слово джамба стало обозначать "чай" (который часто готовится без муки). Видимо, это последнее значение зафиксировано Рамstedтом: жомба (*džomba*) — кирпич чая; хороший чай (РКВ).

Дробина, дробина, дробиня — лестница. — Дид каже баби: "Язроблю дробыну, а ты подлезеш косять" (Из сказки). Слово свойственно южным и западным русским говорам, соприкасающимся с украинским и белорусским языками, и имеет значения в русских говорах: 1/ лестница деревянная, приставная; 2) боковая стенка повозки в виде решетки, лестница; 3) телега с решетчатыми боковыми стенками. Имеются и славянские соответствия: ср. укр. дробина, белор. драбіны, чеш., словацк. польск. *drabina* (СРНГ, 8, 168; Даль, I, 492). Этого слова нет ни у Преображенского, ни у Фасмера, ни у Срезневского. По происхождению оно, возможно, родственно слову трап — лестница на корабле; ср. голл. *trap* *pe*, швед. *trappa*, нем. *Treppe* — лестница (Смирн., Хр., 250). Фонетический облик слова дробина говорит скорее об исконном родстве его с указанными германскими словами, чем о заимствовании; быть может, это общее славяно-германское достояние. Состав: дроб — ин — а.

Каланец — светильник. — Потушылы каланецъ, поляхали спаты. (Из песни). Слово имеет славянские соответствия:

ср. укр. каганець, польск. *kałaniec*, чеш. *kačan* (Фасмер, I, 155). Возможно, имеет отношение к слову каган — князь, государь. Это древний тюркский титул, известный и на Руси. Так, киевский князь Владимир (XI в.) носил титул кагана. В фольклоре огонь часто именуют царем: Царь-Огонь. Исходя из этого, можно предположить, что каганец — уменьшительное от каган (стало быть, первоначальное значение — "царек", князек"; это отражение древнего почтения к огню).

Мокрораон — микрорайон. Это слово — результат так называемой "народной этимологии", т.е. попытки осмыслить непонятное по внутренней форме слово на основе связей родного языка, сделать прозрачным образ, лежащий внутри нового слова. Поскольку такие попытки опираются не на принципы научной этимологии, а на случайное сходство с известными говорящему словами, то сплошь и рядом "народные этимологии" ошибочны. (ср., напр., карасин вм. керосин, бульвар вм. бульвар).

Насиня — семечки. — Возможно, из украинского предлагаемого насіяння, которому соответствует русское насеяние, от сеять. Если это так, то "насиня" это, что "насеивается", сеется.

Нелипашка : Свашка — нелипашка, пышок не липыла, дружок не дарыла; одну излипыла из зеленою сина, тай ту сама съела (Из песни). Украинизм, от дліпати — лепить. "Нелипашка" буквально означает "та, которая не лепит" (сдобных пишек для угощения).

Нышко — собака. — Вин на мэнэ косо поллядае, вин на мэнэ нышком лае. (Из песни). — Можно предположить региональное древнее заимствование из монгольских языков в древнерусский язык; ср. калм. ноха, монг. нохой — собака (МРС, 272). Как сибирское, у Дала (II, 557) приводится слово нох — нох — призывная кличка упряжных и промышленных собак, от нохо — инородчesk. — собака. Какой, по его терминологии, "инородчeskий" язык он имел в виду, неясно. Но связь с приведенными выше словами из монгольских языков — явная. Может быть, приведенные Далем слова заимство-

ваны из бурятского языка? Ср. бурятск. нохой - собака (РБМС, 606). Что же касается отмеченного нами слова нышко, то оно вряд ли пришло из Бурятии. Его территорию трудно определить, и мы не беремся это делать. Фонетическая история слова нышко могла быть такой: слово ноха, нохо, попавшее в русский язык, возможно, еще до XIV века, приобрело уменьшительный суффикс -ьк-: ношько. На почве украинского языка о в закрытом слоге перешло в и: н(ш)ко (это произошло после падения редуцированных и образования закрытых слогов). Впоследствии н отвердело - вероятно, уже на почве смешанного элистинского говора: вместо нышко стали произносить нышко (аналогичные случаи отвердения согласных перед и: скрнзь ← скр(з)ь, рнлля ← рнлля ← роля и т. д.).

Оселёдка - селедка. - А на польци осилётка лыжить. - Образовано от седелка с помощью приставки о - ; ср. оседец - волжская сельдь (Даль, II, 695).

Осличчик - скамейка. Украинизм: осл(ичик) соответствует русскому ослончик, уменьшит. от ослон - юж. зап.-лавка в избе; ослончик, ослонец, - стул, иногда - скамейка, табурет (Даль, II, 699). Эти слова Даль приводит в статье ослонять, ослонить. В современном литературном языке - другая приставка: прислонить; последнее родственно кло-нить (с иным рефлексом индоевропейского задненебного). Значит, ослончик, осл(ичик) это то, к чему можно прислониться, на что можно опереться.

Паняй - поезжай, уезжай. - Сидлай коня, паняй з двора, ты нэ мий, а я нэ твоя. (Из песни). - Образовано из погоняй - понукай (лошадь, чтобы быстрее шла) путем выпадения слога -го- в быстрой речи. Слово южнорусское: Даль (III, 152) отмечает паняй как тульское и курское.

Передеякаться - перепугаться. - Мы з нэю перэлякались. - Образовано от лякаться - бояться, пугаться. У Дала (III, 286) приведено: Лякаты - юж. зап. пугать; лякаться - пугаться. В русские говоры проникло из украинского языка. Первоначальное значение "гнуться". С течением времени произошло сужение значения: "гнуться от страха", "ежиться".

ревный корень *lenk -, чередующийся с *lenk -; ср. лук, лукавый (букв. "изогнутый"), лука, лукоморье, излучина см. Фасмер, II, 550).

Припять - припертый. - Старший боярин *h* орбатный, до *h* ени припятьный, *h* звездочком прибитный, шоб нэ був сьрдн-ий. (Из песни). - От глагола припять - припереть, при-ять, притиснуть, образованного от пять - натягивать, ср. ср. п.'ясти, пчу - натягиваю; белор. пяць, пчу - даваю, - русск. пята, пчу - натягиваю (Фасмер, III, 292). В современном русском языке от этого корня образованы: распять, пядьце, запятая, пядить, пинать, запинаться, пре-пьяние и т.д. Корень *rej -, чередующийся с *roj - (пу-ать, путы, препона, запонка и т.д.).

Прискриннок - отделение в сундуке. - Прискрынак у сун-дуке имеюща, маленький такой ящичек. - Образовано с по-мощью приставки *при* - и уменьшительного суффикса - *ок* - от скриня, скрина-сундук : *при* - скрин - *ок*. Слово скри-ня - древнерусское, заимствов. из лат. *scrinium* - сундук (Фасмер, III, 657).

Пика - пренебр. - лицо (слово экспрессивно окрашен-ное). - Та чырз прытку, та набыв сьбѣ пьку. (Из песни). У Даля (III, IIО) приведено: Пика - ори. вор. нѣрс, мѣрс, -лицо. Пиквица, пиковица - арх. - нос или кончик его. Здесь, видимо, произошел метафорический перенос: пика - концы кончик носа, нос → лицо.

Рыдля - пашня. - Рыдля эта па аняи быков дапашы. - Слово общеславянское: ср. др. - русск. ролья, укр. рѣдля, белор. ролья, серб. рѣл, чеш. *role* - пашня; мера площади (Фасмер, III, 558). В элистинских говорах рыдля - украинизм, историзм.

Сплатовня - печь. - Зимой хлеб сама пьку; сплатовня - печь. - От сплотить - пригнать плотно. "Сплотить кадку, ведро - набить обручи потуже. Будет наст, так снег спло-тится, осядет, ссядется поплотнее". (Даль, IV, 292). Спла-товня - это, по -видимому, глинобитная печь, для изготов-ления которой глину бьют, уплотняют, "сплачивают".

Сушко - сухое место. - Вытях кыцу за ушко, положив на оушко. (Из песни). - Уменьшительное от существительного среднего рода сухо - сухое место (ср. антоним мокро - "не ступай в мокро"). Образовано с помощью суффикса - к-; суш - к - о.

Удуды - кушанье вроде клецок или галушек. Сидайте з нами удуды исты. - По всей вероятности, от калмыцкого оддуд - звезды (РКС, 196). Название могло быть дано по форме изделий. Это одно из довольно многочисленных калмыцких заимствований, обозначающих кушанья, в русских говорах.

Умлыно - гумно. - Зайчику, зайчику, да ты бував? - В умлыни, в умлыни. (Из песни). - Состав: - у-млын-о (от млын; мельница; ср. в поговорке: "Каков мельник, таков и млын; каков батька, таков и сын"). Млын - слово общеславянское: ср. укр. млин. серб. млин, чеш. *mlyn* и т.д.; заимствовано в общеслав. эпоху из др. - верх.- нем. , в которой попало из народно-лат. *molent* мельница (Фасмер, IV, 632).

Фанера - шкаф. - Колька сразу фанеру срубил, а Ленька диван хороший скалатил. - Здесь наблюдается перенос названия с материала на изделие, ср. мрамор, в смысле "мраморные изделия", напр., античный мрамор; также: бронза XVIII века, средневековый фарфор и т.д. Это метонимия.

Хвиртка - калитка. - Из фортка, с заменой ф на хв и с переходом О а И (и) в закрытом слогe, что свойственно украинскому языку; заимствовано из польск. *forta, fo-rtka* - дверь; а это, в свою очередь, восходит к нов. - верх. - нем. *pforte* заимств. из лат. *porta* - дверь, ворота (Фасмер, IV, 204).

Худамэнт - фундамент. - Худамэнт на дом (для дома) поставили. - Здесь наблюдаются: 1/ диалектная замена ф на х; 2/ ударение на последнем слогe; последнее об"ясняется тем, что это слово было заимствовано из польского языка, в котором косвенные падежи слова *fundament* несут ударение на предпоследнем слогe, напр. *fundamenta, fundamentu*; по аналогии ударение в диалекте было перенесено на последний слог именительного падежа, чего не наблюдается в польском языке.

Шахва - шкаф. - Посуду складывали у шахву. Я сделал шахву. - Это слово заимствовано из литературного языка и претерпело в диалекте адаптацию: 1/ звуковую - замена ф на хв; 2) морфологическую - переход из мужского рода в женский под влиянием косвенных падежей: о шахве, шахвой. Случай перехода заимствованных слов мужского рода в женский наблюдаются в некоторых других говорах, напр., в уральских: вместо комода говорят комода: новая мода.

Швачка - швея. - Из Киева швачка, купеческая дочка, по тор ам ежжала, шолки куповала (Из песни). - Можно предположить форму мужского рода швак (из предполагаемого др. - русск. швакъ), откуда женск. род швачка.

Ятровка - жена брата по отношению к жене другого брата. - Ятровки - две невестки в одном доме. - Слово общеславянское, один из древних, теперь уже полузабытых терминов родства; ср. укр. ятрѡвка, белор. ятроука, др.-русск. ятры, род. п. ятьрѣ, болг. етьрѣва, серб. јетрѣва, др.-чеш. *jatvenice*, польск. *jątry, jątrew* (Фасмер, IV, 569).

Итак, рассмотренные выше диалектные слова представляют из себя хронологически и генетически разнообразную группу, внутри которой можно условно выделить такие разновидности:

1) общеславянская лексика, т.е. имеющаяся во всех группах славянских языков (вехоть, рyllя, ятровка); к ней при-мыкают слова, имеющие частичные славянские соответствия (важкий, дробина, каганец, перелякаться, припять);

2) древнерусская лексика, происходящая от общеславянских корней, но имеющая соответствия лишь в восточнославянских языках (аполоник, насиня, осилетка, осличник, при-скрынок, сплатовня, сущко, умлыно, швачка); чаще всего это соответствия между русскими говорами и украинским языком, так что их можно считать украинскими заимствованиями в русском языке. Известно, что говоры Калмыкии представляют собой наслоение на украинский диалектный массив говоров центральной и южной России. Украинские лексичес-

кие элементы в современных русских говорах Калмыкии являются чем-то вроде субстрата, и бывает трудно провести границу при определении территориальной принадлежности отдельных слов, унаследованных от общеславянской и древнерусской эпох современными говорами. Так, например, если слово рыддя — "пашня" явно принесено с Украины, то ятровка имеется как в украинском языке (ятр вка), так и в южных и западных русских говорах (ср. ятровь, ятрова, ятровка, ятровья, ятровица — жена деверя, Даль, IV, 682). Общеславянская и древнерусская лексика представлена в нашем списке семнадцатью словами из 30, т.е. составляет более половины общего количества слов, привлеченных для этимологического анализа. По особенностям значений упомянутые слова относятся большей частью к предметной (бытовой и производственной) лексике.

3) Новообразования в диалектной лексике представлены в данном случае шестью заимствованиями из разных источников (из русского литературного языка: мокрорайон, пыка, фонера, шахва; из польского языка: хвиртка, худамент; при этом заимствованные слова претерпели фонетическую и смысловую адаптацию); тремя словами (экспрессивно окрашенными), образованными на почве родного языка: гупнуться, паняй, нелипашка.

Заимствования из калмыцкого языка представлены четырьмя словами, из которых три являются названиями кушаний (буреки, джамба, удуды) и одно — названием домашнего животного (нышко — собака). Относительно последнего, однако мы сомневаемся, точно ли из калмыцкого языка оно заимствовано. Известно, что контакты между русскими и калмыками относятся к началу XVII в., а слово нышко, судя по его фонетической истории, заставляет предполагать несравненно более раннюю эпоху (может быть, XI в.).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1. Даль - В.И. Даль, Толковый словарь живого великорусского языка, т.т. I-IV, М., 1955.
2. Срезн. - И.И. Срезневский. Материалы для словаря древне-русского языка, т.т. I-III, М., 1958 .
3. СРНГ - Словарь русских народных говоров под редакцией Ф.П. Филина и Ф.П. Сороколетова, выпуски I-10. М., 1965-74.
4. Фасмер - М.Р. Фасмер, Этимологический словарь русского языка, т.т. I-IV, М., 1964-1973.
5. РКВ - J. Ramstedt, Kalmückisches Wörterbuch, Helsinki, 1935.
6. РКС - Русско-калмыцкий словарь под редакцией И.К. Илишкина, М., 1964.
7. МРС - Монголо-русский словарь под редакцией А. Лувсандэндэва, М., 1957.
8. Смирн. Хр. - А.И. Смирницкий, Хрестоматия по истории английского языка, М., 1953.
9. РБМС - Русско-бурят-монгольский словарь под редакцией Ц.Б. Цыдендамбаева, М., 1954.

Принципы образования женских слов /табу/ в
калмыцком языке

Женские слова /или табу/ образовались в калмыцком языке благодаря тому, что жена не должна была /в целом ряде случаев, это и сейчас сохраняется/ называть имена старших родственников мужа, даже если этих родственников давно уже нет, и она, естественно, о них могла только слышать. Поэтому названия вещей или явлений, совпадающие с личными именами старших родственников и далеких предков мужа, жена произносила в измененной форме или заменяла другими словами /по определенному принципу/.

Женские слова возникли на базе правил взаимоотношений людей в быту и обществе, представляют несомненный интерес для монголистики и языкознания вообще как отражение в языке экстралингвистических факторов. "Эти социальные нравы оказываются немаловажными для изучения истории морфирования языка, ибо только благодаря знакомству с ними могут быть объяснены некоторые фонетические явления в языке"¹, — писал Г.И. Рамstedт, рассматривая женские слова калмыцкого языка в сравнении с аналогичными явлениями других алтайских языков.

Это явление пронизывает все уровни языка, особенно фонетический и морфологический, благодаря чему текст приобретает особый /нередко загадочный/ стилистический оттенок. Чтобы убедиться в этом достаточно привести следующую калмыцкую загадку, зафиксированную В.Л. Котвичем еще в начале нашего столетия: — Урхулин телтр урһмулин йозурт уульха маальхаг жолмж. "По ту сторону текущего, под растущим воющий скушал до чиста блеу-

---

¹ Г. И. Р а м с т е д т . Введение в алтайское языкознание. /Перевод с немецкого/, М., 1957, стр.221.

шего"¹. Обычное содержание текста должно было быть та-
ким: Усна телтр, модна йозурт чон хеэг идчкж. "На той
стороне реки /воды/, у корня дерева волк до чиста съел
овцу". В.Л.Котвич замечает: "Настоящая загадка перво-
начально представляла собой сообщение жены о заурядном
явлении, получившее загадочный смысл в следствии того,
что для нее оказались запретными все имена нарицатель-
ные, которых касалось сообщение: усн /вода/, модн /лес/,
чон /волк/, и хен /овца/².

Таким образом, усн "вода /река/" заменено в загадке
на урсхл "течение" /от уро - "течь" - постфикс - хл/,
слово модн "дерево /лес/" - на урхмл "растение" /от урл
- "расти" - постфикс - мл/, чон заменено на уульха "воу-
щий, имеющий обыкновение выть" от ууль - постфикс -ха/,
хен "овца" - на маальха "блеющий /имеющий обыкновение
блеять", от основы мааль - постфикс -ха/, идчкж замене-
но на долмжх/ литературно долмхх "на едине аккуратно
скушать до чиста/".

Таких загадок, пословиц с женскими словами можно
привести много, ведь калмычки по своему произносили
даже такие слова, которые обозначали предметы повседне-
вого их пользования, например, ца "чай" - идэн "пища",
усн "молоко" - цаһан идэн "белая пища", ааһ "чашка", -
оав "посуда", утх "нож" - шор "штык". Если женщина - кал-
мычка табуировала слова цаһан "белый", то она молоко
называла гилэн идэн /меняла цаһан на гилэн "светлый"/,
если же не могла произносить слово гилэн, в силу того
обстоятельства, что это слово совпадает с именем одно-
го из старших родственников, то уже это слово произно-
силось с заменой начального согласного на другой: гилэн
- милэн следовательно, усн "молоко" называли уже милэн
идэн.

---

1. В.Л. Котвич. Калмыцкие загадки и пословицы.
СПб., 1905, стр.22.

2. Там же, стр. 22, сноска.

В настоящее время еще имеет силу табуирование имен до четвертого — пятого колена. Раньше хадмнлһн /табуирование/ последовательно строго соблюдалось до девятого колена. Да так строго, что табуировали кличку собаки родственников мужа по материнской линии, например, вместо клички собаки говорили: һаһхһн тәәһн "темного цвета борзая" һаһх /дяди по линии материнской линии/. Хар ноха "черная собака" заменена на баран "темный" тәәһн "борзая". Из содержания приведенного примера видно, что здесь переплетаются следы матриархата /собака дяди по материнской линии/ и патриархата /собака дяди мужа/.

Прежде супруги также не произносили имена друг друга, называли иначе, например, мана күн, что означает буквально: наш человек, мана герин эзн "хозяин нашего дома, глава семьи", герин эзн күүкд күн "хозяйка дома, семьи" и т.п.

Женские слова калмыцкого языка почти не изучены, литература по этому вопросу исчерпывается лишь следующими работами. Так, некоторые образцы табуирования имен /правда, всего на двух страницах/ привел в своем "Отчете" Н.Очиров под заголовком "Специальные женские слова"¹. Всего помещено 48 калмыцких собственных имен с их вариантами без каких-либо комментариев и пояснений. Анализируя приведенные Н.Очировым слова, можно сгруппировать по таким признакам: 1/слово-формы образованные путем замены начального согласного на й--: көк² "синий" — йөке, бадымь "лотос" — йадымь, менке "вечный" — йенке /всего 31 слово/; 2/словоформы, образованные путем за-

---

1. Н. Очиров. Отчет о поездке к Астраханским калмыкам летом 1909 г. "Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии"... СПб., 1911, стр.73.

2. Н. Очиров. Ответ о поездке к Астраханским калмыкам летом 1909г. "Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии"... СПб., 1911, стр.74.

мени начального согласного на м: ширдег "кошма" — мирдег, шил "стекло" — мил /2 слова/; 3/передача числительных и собственных имен, образованных от числительных, описательным путем, например, дөрви "четыре" — һурвнас улу "более, чем три", нәәмн "восемь" — доланас улу "более семи, больше, чем семь", арви "десять" — хойр тавн "два пятка" /всего три примера/; 4/путем замены слов их синонимами или описательной передачи; ноха "собака" — тәәһн "борзой кобель" /перевод табуированных слов везде мой — Г.Б./ күүкн "девочка, дедушка" нойкн "княжна"; Әлзә "счастье", гилән мәр "белый, светлый путь" /Всего 12 слов/. Слово улан "красный" передается почему-то словом девән. Собранные мною полевые материалы, наблюдения не подтверждают правомерность такого соответствия. Обычно словом девән "нежная молодая трава" заменяют слово ноһан "зеленый, зелень, зеленая трава".

Г.И.Рамstedт отразил в своем "Словаре"¹ некоторые женские слова, а позже в упомянутой выше работе отметил, что в калмыцком языке имеется два способа образования женских слов: замена "запретного" слова другим близким по смыслу словом, т.е. синонимом, а если же нет подходящего синонима, то инициальный согласный меняется на й².

Специальную статью "Язык калмыцких женщин", написанную по материалам упомянутого словаря Г.И.Рамstedта, опубликовал Пенти Аалто, который систематизировав женскую лексику в калмыцком языке, установил еще третий способ образования женских слов — иносказание.

---

1. J. Ramstedt. *Kalmückisches Wörterbuch*, Helsinki, 1935

2. Г.И. Р а м с т е д т. Введение в алтайское языкознание. /Перевод с немецкого/, М., 1957, стр. 221.

В литературе известны три способа образования женских слов:

1. Замена инициального согласного на й, а иногда на м.

2. Замена табуируемого слова его синонимом.

3. Инскоказательная передача.

Табуирование имен старших родственников мужа невесткой отметил и историк У.Э.Эрдниев, который квалифицирует табу как остаточное от патриархальных обычаев и традиций явление¹.

Существует распространенное мнение, что жены не произносят имена старших родственников мужа потому, что им это запрещали. Такое мнение в корне неверно. Табу — это отражение социальных явлений, связанных с выработанными веками этическими нормами поведения и отношениями людей в обществе, быту, с понятиями приличия и уважения старших, с почтительным отношением к возрасту. Называть имена старших родственников мужа считалось неприличным и некультурным. Раньше, если бы калмычка, выйдя замуж, назвала старших родственников мужа по имени, то она бы прослыла /далеко за пределами своего кочевья/ как бестактная, невоспитанная, невежественная. О ней сказали бы "темен мөрнлэ адл" /букв./ "подобна верблюду и лошади" и еще хуже "мал адусн болсн "подобна скоту".

Хадмилн кундлннэ телэ келгдиг имн. "Избегание произносить имен старших родственников мужа существует для выражения" — говорят в народе. У монгольских народов было всегда почтительное отношение к старшим, возрасту, если даже последние не являются родственниками, о чем свидетельствует поговорка: "Кун ахтань сэн, девл захтань сэн" "хорошо, когда человек имеет старшего, шуба — ворот". Эта поговорка нашла отражение и в памяти

---

1. У.Э. Эрдниев. Калмыки. Э., 1970, стр. 183-194.

нике XIII века "Сокровенном сказании монголов" в следующей форме: "Добро человеку быть с головой, а шубе с воротом"¹.

В кочевьях калмыков людей любого возраста, и вообще старших /мужчин и женщин/ называли не по имени; а наделенным данным коллективом именами, которые нередко подчеркивали их заслуги перед обществом, семьей, их мудрость, мастерство, талант, одаренность.

Здесь достаточно упомянуть известный факт, что дед калмыцкого ученого XVII Зая-Пандита прославился среди четырех ойрат очень мудрым и его называли Кюнку - Заячи /буквально: мудрый Заячи/².

Дети, например, обычно не называли по имени взрослых. Если взрослые приходились ребенку родственниками /в том числе и далекими/, то он называл, подчеркивая и родственное отношение часто путем использования таких терминов как авһ... "родственники по отцу", наһц... "родственники по матери", например, Авһ бергн, Наһц эчк и другие. Хотя отношения людей строились на основе уважения старших, однако это вовсе не исключало, а напротив, предполагало доброе отношение к младшим. В подтверждение можно привести следующую пословицу: "Ахиг алд кундлмн, дууг делм кундлмн" "Страшего уважают на сажень, а младшего на полсажень". В благопожелании, выражающем мирную спокойную радостную жизнь, счастье, говорится: "Кен ахан кундлэд, кен дууһэн төвчэд"... "Почитая старших, уважая младших..." По своему смыслу созвучно с приведенными данными и другое народное выражение: Та гисн таалонла эдл, чи гисн чичснлэ эдл". "Вы" звучит словно ласка, "ты" - словно удар кулаком".

Таким образом, понятие "хадмнлн" - почтительное отношение жены к старшим родственникам мужа и "избегание" произносить их имена возникло, вероятно, на основе

---

1. С. А. К о з и н. Сокровенное сказание монголов. Л., 1940, стр. 82-206.

2. Биография Зая-Пандиты. Оригинал на старом калмыцком письме, стр. 3.

исторически сложившейся системы этических норм поведения и строится на субординации взаимоотношений людей по родственному, поло-возрастному признакам.

Женские слова /или табу/ являются производными от личных имен. Последние же могут быть самыми обыкновенными словами, обозначающими предметы, живые существа, абстрактные понятия, явления природы, топонимические наименования, названия растений, количество, различные качества.

Личные имена калмаков могут совпадать:

1/ С названиями животных и птиц, например, арслн "лев", барс "тигр", ая "медведь", чон "волк", туула "заяц", тек "козел", ноха "собака", хаха "свинья", ялмн "тушканчик", зурмн "суслик", бозлг "самец суслика", хен "онца", хуц "баран-производитель", меклэ "лягушка", һалун "гусь", һурһлда "жаворонок", карада "ласточка", нуһсн "утка", така "курица", шонун "птица", туһл "теленок", бух "сын-производитель".

2/ С названиями растений, их частей или плодов: буурлда "бурьян", хамхул "перекати-поле", уласн "тополь", зегсн "тростник", хулсн "камыш", бадм /цөц/ "лотос", альмн "яблоко", модн "дерево", ноһан "зелень, зеленая травка", навч "лист".

3/ С цветовыми наименованиями: цаһан "белый", хар "черный", көк "синий, голубой /иногда зеленый/", бор "серый", улан /"красный", хоһр "светлый, светло-желтый", шар "желтый", хо светлый".

4/ С названиями частей тела человека и животных: толһа "голова", маһна "лоб", зула "темя", амн "рот, пасть", нүдн "глаз", глаза", чирэ "лицо", чикн "ухо", ашк "мочка уха", халх "щека", шүдн "зуб", ергн "подбородок", саһна "чело", сахл "усы, борода", тоха "локоть", хурһн "палец", һар "рука", чееж "грудь", көл "нога", шаһа "лодышка, астрагал", сүл "хвост", савр "лапа", эвр "рог, рога", туру "копыто", ескө "пятка", дел "грива", цох "висок" үсн "волос", ноосн "шерсть", хамр "нос", ханчр "брилина", гүзән "требуха".

5/ С наименованием одежды, орудиями производства, предметами обихода, названиями пищи и их частей: махла "шапка", "головной убор", зала "кисть на головном уборе", зах "ворот", девл "шуба", хоон "сапоги, обувь", энгр "края одежды", ханци "рукава", шалвр "брюки, штаны", шунһрцг "штанина", хорма "подол", шанһ "поварешка", хэесн "котел", ааһ "чашка", ишке "войлок, кошма", цаасн "бумага", бус "ремень", бек "чернила, тушь", мөңгн "деньги".

6/ С названиями чисел: тавн "пять", зурһан "шесть", долан "семь", нөөмн "восемь", йисн "девять", арвн "десять", хөрн "двадцать", һучн "тридцать", дөчн "сорок", дөрвн "четыре", жирн "шестьдесят".

7/ С названиями планет: нарн "солнце", одн "звезда", Бөмб "Сатурн", Пурвэ "Юпитер".

8/ со словами, выражающими качество, свойства: номт "ученый", хорһт "масляный", согту "пьяный", эргү "слабый", сохр "слепой", доһлц "хромой", зөргтө "смелый", бөк "сильный, силач", му "плохой", сөн "хороший", шин "новый", менк "вечный", һалзн "лысый", хождр "плешивый", тарһн "жирный, полный", буурл "седой", хату "твердый".

9/ со словами, выражающими отвлеченные понятия: жирһл "счастье", эв "мир", амулц "благополучие, мирный", элзэ "счастье", байр "радость".

10/ С топонимическими названиями: Оват, Белчр, Бурат, Жуург, Сухат, Элст, Татал, Бурһст, Көк-Булг.

11/ Личные имена калмыков могут быть древнекалмыцкого происхождения, большей частью с неясной этимологией. Тарха, Хаср, Баатр, Баср, Шонхр, Балтг.

12/ Много имен иноязычного происхождения, в основном тибетского, тюркского, русского. Цедн, һалдн, Церн, Увш, Мацг, Дорж, Эрндн, Жал, Идрю, Исмаил, һанбек, Булат, Иван, Истван, Жанна, Павел, Сергей и другие.

Личные имена могут совпадать со словами, образованными от перечисленных выше типов слов путем присоединения к ним словообразовательных и словоизменительных постфиксов или сочетания с другими словами. Например,

зегсте "тростниковый", имеющий тростник" /от зего - "тростник" -те - постфикс обладания/, үкря "окотовод" /от үкр "корова", "скот" ч постфикс деятеля/, ноһала "зайчонок, родившийся весной в пору, когда уже появилась зеленая трава/от ноһа - "зеленый, зелень" -ла постфикс образования имен существительных по семантике производящей основы /мөңгүч "жадный до денег, скопидом/ от мөңг - "деньги" постфикс -ч/, арвт "десятилетний" /от арв - "десять" -т - постфикс обладания /сөөхэ "красота" /от сөөх - "красивый" постфикс -э/, хатуч "жадный" от хату "твердый" постфикс -ч/, елзэт "счастливая, счастливый" /от елзэ "счастье" постфикс обладания -т/.

Кроме того, имеются специальные постфиксы образования личных имен от простых слов. Приведем несколько примеров: Нарнда /от нари "солнце" постфикс -да/, Харка /от Хар "черный" постфикс -ка/, Хердэ /от хөрн "двадцать" постфикс -дэ/, Шовада /от шова "торчащий вертикально" постфикс -да/, Хоода /от хо "светлый" постфикс -да/, Үүлэ /от үүл - "облако" постфикс звательного падежа -э/, Харлу /от хар "черный" -лу, Денэ /от ден - четвертое число месяца" постфикс звательного падежа -э/, Денэкэ /от основы Денэ постфикс -кэ/, Ыуна /от һун - "третье число месяца" постфикс звательного падежа -а/, Ыуча "тридцать" - постфикс звательного падежа -а/.

Имеющиеся в моем распоряжении материалы позволяют дополнить отмеченные в научной литературе способы образования в калмыцком языке табуированных слов, уточнить их и классифицировать эти способы.

1. Способ фонетической модификации¹ можно дополнить следующими пунктами:

а/ Исчезновение инициального согласного, если второй слог начинается с д, например, байн "богатый" произносится как айн - без инициального б. Это объясняется тем, что язык избегает употребления согласного й в начале

---

1. Образование женской лексики путем замены или выпадения инициальных согласных слова названо здесь способом фонетической модификации.

двух смежных слогов поэтому чтобы не получилось йайн из байн при замене б на й, инициальный б выпадает;

2. Замена инициальных согласных л, н на м, например, кирл "счастье" — мирл, хәре — собственное имя — Мәре. Выше было отмечено, что в литературе зафиксирована замена ш на м: ширдг "кошма" — мирдг. Однако последний не относится к способам образования табуированных слов, а является простой формой выражения неопределенного множества типа хән — мән "овцы" и т.п., цаасн — маасн "бумаги и другие вещи".

3. Замена инициального ц на согласный т /наряду с заменой на й/, например, Пюрвә — Түрвә.

Однако в целом ряде случаев табуирование слов способом фонетической модификации оказывается далеко не достаточным для того, чтобы избежать произнесения слов, совпадающих с именами старших родственников мужа, в силу ряда обстоятельств как, например, совпадающие или близкое сходство измененного слова с именем другого родственника. Поэтому в большинстве случаев прибегают к другим лексическим способам передачи имени или совпадающего с ним слова. Этот вариант табуирования слов здесь назван семантическим способом образования женских слов. Это главным образом использование синонимов и замена табуируемого слова другим сходным с ним по какому-либо признаку словом /очень часто изобретенный самой калмычкой/.

Семантический способ образования женских слов включает в себя следующие аспекты: I. Замена табуируемого слова синонимом /наиболее распространенное явление/. Хотя нет еще в лингвистической литературе единого мнения относительно понятия "синоним", все же наиболее приемлемое следующее определение "Синонимы — слова близкие или тождественные по своему значению, обозначающие одно и то же понятие, но отличающиеся друг от друга либо оттенками значения /близкие/, либо стилистической

/тождественные/, либо обеими этими признаками¹.
 Примеры: Хатуч "ладный" - генерте "окрыга", хулхач "вор" - зедкэч "вор", ноха "собака" - тээһи "борзой кобель" бродячая собака", туһл "теленок" - күзүч "теленок" /образовано по признаку, что привязывали раньше к длинной протянутой по земле веревке за шею/
 һар "рука" - савр "лапа", һол "река", мери /һол/ большая река", намч "лист /растение/ - хамтхасн "лист", боол "раб" - мухла "раб, слуга", хаалһ "дорога" - зам "путь, широкая дорога", дегтр "книга - ном "книга, учение", һалзын "лысый - халцха "лысый", туула "заяц - утчикт "длинноухий", шил стекло" - толь "стекло /оконное/, зеркало", уһһи "жеребенок до года" - дааһи "годовалый жеребенок", чире "лицо" - һур "лицо лик", мери "конь" - акт "конь, мерин", тосн "масло" - хорһи "масло, жиры", бат "крепкий" - бек "крепкий, прочный", чолун "камень, скала", шог "насмешка, шутка" - наадн "игра", үзг "сторона" - чиг "сторона, направление", һоодан "прямо" - шуудтан "прямо", шора "пыль" - тоосн "пыль" - тоорм "пыль", севг "сито" - элг "сито", кец "отлогий косогор" - таму "косогор, склон", гөңгн "слабый, легкий" - гийгн "легкий", зала "хохол /у птиц/, кисть на голове" - цацг "кисть", шалһ "коса /орудие/" - хая "коса /орудие/".

В связи с развитием калмыcko-русского двуязычия используются в качестве синонима и русские слова, например, вместо яман "коза" говорят коза, вместо така "курица" - кууркь, мис "кошка" - коошкь, һаха "свинья" - чуушкь, аралд "рубль", - руувль. Интересно, что заимствованное из русского слово заменено другим русским словом: шоткь "щетка" - "мазок".

2. Очень часто табуируемое слово передается путем замены по одной какой-либо его части и, наоборот, заме-

¹ Г. А. П. Е в г е н ь е в а. Проект словаря синонимов. М., 1964, стр.9.

ны общего отдельным, родового видовым и, наоборот, Такие явления называются в лингвистике синекдохой. 1/ Передача целого по его части и, наоборот, части по целому можно показать на следующих примерах: хадасн "гвоздь" табуируется путем замены его названием части товрук "головка", шляпка гвоздя", темэн "верблюд" - словом бекн "горб" или бект "имеющий горб/н/", чики "ухо" - ашк "мочка уха", модн "дерево" - ац "ствол дерева", шалвр "брюки, шаровары" - шуңдрцг "штанина". Приведенные здесь слова могут иметь и обратный порядок употребления - часть может быть передана по названию целого в зависимости от того, какое слово табуируется.

2/ Передача общего отдельным и, наоборот, отдельного общим: мал "скот", может быть передан как үкр "корова", цаһан идән "молочная /букв.белая/ пища" - үсн "молоко", чигән "кумыс" сав "посуда" - ааһ "чашка", шанһ "ковш", адун "табун" - мерн "конь", лошадь", акт "конь", махла "головной убор /любой/, шапка", - халыг "калмыцкий национальный головной убор". Такие слова могут иметь и обратный порядок употребления - использования названия общего вместо отдельного.

3/ Передача родового понятия видовым и, наоборот, видового родовым: боран "осадки", непогода" может быть передан при его табуировании словами, выражающими видо-ные понятия как цасн "снег", хур "дождь", шуурһи "буран", чиг "изморось", шовун "птица" передается в первую очередь словами, обозначающими домашних птиц - така "курица", нуһсн "утка", һалун "гусь", заһсн "рыба" - башанк "вобля", цурх "щука", сазн "сазан". Слова обозначающие видо-ные понятия, могут употребляться в системе женских табу вместо слов, передающих родовые понятия.

3. Нередко для образования табу используется метафорический перенос слов на основе сходства по цвету, форме и других внешних характеристик. Например, темэн "верблюд" заменяют словом хандһ "лось", вероятно, здесь имеет значение сходства этих в роде животных, которые одомашнены людьми. Слово хамр "нос", а также "возвыше-

ние, скала, утес носовидной формы, заменяется словом дава "перевал". Общее для этих понятий — выражение чего-то возвышающегося. Керэ "ворона" — шааэна "сорока", зул "лампада", герл "свет". Взаимозамена слов, приведенных здесь парами, осуществляется на основе общности внешних характеристик.

4. При образовании табу могут быть использованы слова, имеющие общие или сходные функции. Примеры: Сук "топор", может быть заменено словами балт "секира", чавчан "рубка". Общим в этих словах является выражение функции орудия, предназначенного для рубки или рубления чего-нибудь. Яман "коза" — бээгдг "блеющий". Мэстэ "ледяной" — цаста "снеговой", оба слова выражают понятия, связанные с холодом. Баха "свинья" — хадрач "рассекающий, разрывающий". Здесь подчеркнута особенность свиней, разрывать землю, рассекать камни. Уүли "туча" — чачр "тень, падающая от навеса", передают понятия "дающие тень". Муут "плоховатый, плохонький" — димих "быть напрасным". Следует отметить, что при табуировании нередко в случаях созвучия избегают возможных ассоциаций с табуируемым словом. Например, слово нарм "небная занавеска" заменяется также как и слово нарн "солнце" словом герл "свет". Кекэ "кукушка" ассоциируется со словом кекэ "сосущий", поэтому табуируется как шимдг "сосущий".

5. Описательная передача понятия, выраженного табуируемым словом, — один из способов образования женских слов. Это в первую очередь числительные, например, долан "семь", — зурһанас улу "больше шести", нээмн "восемь" — доланас улу "больше семи", йисн "девять" — нээмнэс улу "больше восьми" или арвнас дуту "меньше десяти", найн "восемьдесят" — далнас улу ик то "большое число", которое превышает семьдесят". Описательно могут передавать существительные и прилагательные, например, дааһн "годовалый жеребенок" — бичкн мөрн "маленький конь", му "плохой" — арһ уга "беспомощный, бессильный".

Вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы:

1. Женские слова /или табу/ в калмыцком языке - это отражение социальных явлений, возникших еще в древности на основе культурно-этических норм поведения и взаимоотношения людей в количестве, семье по родственному и поло-возрастному признакам.

2. Исследование женских слов и смежных с ними явлений имеет важное значение для установления истории формирования языка и выявления особенностей его современного состояния.

3. Женские слова образуются из личных имен, которые могут совпадать с самыми обыкновенными словами, обозначающими предметы, живые существа, абстрактные понятия, явления природы, топонимические наименования, названия растений, количество, различные качества, или иметь древнекалмыцкое, общемонгольское и иноязычное происхождение.

При образовании женских слов /табу/ в калмыцком языке используются следующие способы

1. Способ фонетической модификации /он относится только к инициальным согласным имен/:

1/ Замена инициальных согласных обычно на й;

2/ Замена согласных ж, н, г, на м;

3/ Согласных х может заменяться на б.

4/ Согласный п может факультативно заменяться еще согласными на т;

5/ Инициальный согласный б исчезает в словах байн "богатый", и производных от него именах Байа, Байчх при табуировании их способом фонетической модификации и произносятся как айн, Айа, Айчх;

6/ Факультативного характера исчезновение наблюдается и инициальных согласных с, т, д.

2. Семантический способ образования женских слов состоит в следующем:

1/ использование синонимов,

2/ передача табуируемого слова путем использования явлений синекдохи:

а/ замена общего частным и частного общим,

б/ замена родового видовым и видового родовым.

3. Использование способа метафорического переноса слов на основе сходства предметов, явлений по цвету, форме и другим внешним признакам.

4. Замена табуируемого слова другим, выражающим общее или сходные по функции действия словом.

5. Описательная передача понятия, выраженного табуируемым словом.

Процесс отражения и языковая семантика

Диалектическое единство мышления как способа отражения действительности и языка как материальной основы мышления давно стало общепризнанным.

Думается, что одна из актуальных задач в настоящее время состоит в том, чтобы найти такой подход к языку и мышлению, который позволял бы осветить принадлежащую объекту лингвистики сторону мышления, т.е. необходимо стать на позиции собственно лингвистики, и с этих позиций обратиться к языку в его семантическом аспекте. Эта задача продиктована тем, что на современном этапе старая и широкая тема "язык и мышление", предстает в более четкой формулировке как проблема соотношения содержания языковых форм и логических форм, или проблема языковой семантики.

В этом плане нам представляется интересным проследить некоторые вопросы взаимоотношения языка и мышления в работе видного советского монголиста Т.А.Бертагаева "Лексика современных монгольских литературных языков".¹⁾ На большом фактическом материале монгольского и бурятского языков Т.А.Бертагаев прослеживает развитие лексики монгольских языков, анализирует причины семантических изменений и "рассматривает слово не как произвольный знак, а как исторически сложившееся единство структурных элементов при ведущей роли семантики."

Способность человеческого мозга отражать действительность — есть результат длительного развития высокоорганизованной материи.

Если ощущения как самый элементарный фактор сознания отражают лишь отдельные свойства вещей, то вещь в целом, в единстве ее различных чувственно воспроизводимых

1. Т. А. Бертагаев в. Лексика современных монгольских литературных языков. М., "Наука", 1974.

свойств отражается в восприятии. Восприятие у человека обычно включает в себя осмысление предметов, их свойств и отношений, "животное же лишено этой способности, восприятие человека в отличие от восприятия животного не ограничено ситуативно, а опосредовано свободно и детерминировано социальным познавательным опытом".¹⁾

Диалектико-материалистически определяя характер восприятия как одного из факторов сознания, Т.А.Бертагаев исходит из того, что сознание является свойством не всякой, а лишь высокоорганизованной материи, оно связано лишь с деятельностью человеческого мозга, со специфическим человеческим, специальным образом жизни: "Человек непременно сопоставляет, сравнивает воспринимаемое с эвентуально соотносимыми данными своего общественного бытия и общественной практики, духовно-творческой деятельности и веками накопленного опыта.

Следовательно, с самого начала воспринятое соответствует ступени общественного сознания человека, оно включается в сеть категорий его мышления".²⁾ А мышлению открыты такие стороны мира, которые недоступны чувственному восприятию. На основании видимого, осязаемого, слышимого и т.п. мы, благодаря мыслительной деятельности, проникаем в невидимое, неосязаемое, неслышимое. Мышление дает нам знание о глубинных свойствах, связях и отношениях. С помощью мышления мы осуществляем диалектический переход от внешнего к внутреннему, от явлений к сущности вещей, процессов и т.д. "Будучи высшей формой отражательной деятельности, мышление вместе с тем присутствует и на чувственной ступени: ощущая и воспринимая что-либо, человек

---

1. Т.А.Бертагаев. Лексика современных монгольских литературных языков. М., "Наука", 1974, стр.7.

2. Т.А.Бертагаев. Лексика современных монгольских литературных языков. М., "Наука", 1974, стр. 8.

уже мыслит, осознает результаты чувственных восприятий"¹⁾

Переход от живого созерцания, от чувственного познания к обобщенному, отвлеченному мышлению осуществляется с помощью языка.

Язык в свою очередь, как отмечает Т.А.Бертагаев, объективирует мысли и чувства человека, преобразует идеальное в материальное. Материальным в данном случае выступают движущиеся слои воздуха - звуки.

Пользуясь терминологией известных болгарских ученых Тодора Павлова и Стефана Василева, Т.А.Бертагаев рассматривает мыслительный акт как "отражение-след". Такие формы сознания и мышления как представление, понятие и суждение Т.А.Бертагаев относит к "отражению-следу". "Отражение-след" он считает существенной действенной стороной общего отражения.²⁾

Если мыслительный процесс - это "отражение-след", то динамическая, действенная сторона и проявление "отражения следа" есть, по Т.А.Бертагаеву, "отражение-ответная реакция" (у некоторых философов - "активность сознания и отражения", у физиологов - "опережающее отражение").

Именно к этой стороне отражения - ответной реакции отражающего относит Т.А.Бертагаев языковую семантику, т. е. мыслительный процесс, являющийся отражением, запечатленным высокоорганизованной материей, осуществляется и через семантику или значение слов.

Значения слов, как актуализированные и осуществленные элементы мышления, не могут быть сведены к последним, - это две стороны сознания - отражения³⁾ - замечает Т.А.Бертагаев: "Если формы мышления - результат взаимодействия субъекта с объектом в процессе его познавательной, практической, целенаправленной общественной деятельности, то семантика, продуцируясь ответным отражением, реализуется

1. Основы марксистско-ленинской философии. М., Политиздат, 1972, стр.86.

2. Т. А. Бертагаев. Указ. соч., стр. 8.

3. Т. А. Бертагаев. Указ. соч., стр.9.

прежде всего в процессе взаимодействия самих субъектов, их социального общения, обмена мыслями в процессе познания объективного мира и в ходе практической, духовно-созидательной деятельности.¹⁾ Далее Т.А.Бертагаев проследживает взаимоотношение мышления и семантики, их отношение к субъекту и приходит к выводу; что мышление есть внутреннее состояние субъекта, а семантика — внешняя, ответная его реакции, то есть внутреннее, проявленное вовне.

На наш взгляд, в данном случае необходимо сделать уточнение: семантика приобретает статус "внешней, ответной реакции" и "проявляется вовне", только в том случае, когда она облекается в материальную оболочку в виде слова. Иными словами семантика не существует без слов. Слово — есть материальная сторона семантики, а семантика — идеальное содержание слова.

Идеалистическая философия извращает связь слова и его значения, языка и мысли, поскольку отрицает, что слово есть материальная оболочка мысли. Слово оказывается чем-то духовным, и тем самым проблема связи слова с его значением переносится в сферу психического. Если все же признается, что мысль находится в голове, то утверждается, что существует она там в "оголенном виде". Проще говоря, человек может якобы мыслить без слов, и лишь тогда, когда люди хотят свои мысли передать кому-либо, высказать, записать и т.д. они облачают их в слова. Такова предпосылка гипотез ряда этнографов и лингвистов о существовании в первобытном обществе стадии "ручной речи" (К.Леви-Брюль, Н.Я.Март и др.). Согласно их теории люди уже обладали понятиями, а звукового языка еще не создали и поэтому об"яснялись с помощью жестов.

Т.А.Бертагаев, исходя из диалектико-материалистических позиций и опираясь на высказывания И.М.Сеченова, совершенно верно утверждает, что мысль облекается в материальную, звуковую оболочку не только тогда, когда мы говорим или пишем, но и в том случае, когда мы думаем.

---

1. Т.А. Бертагаев. Указ. соч., стр.9.

мышление сопровождается незримыми движениями мышц языка даже тогда, когда человек молчит. Это явление известно науке как "внутренняя речь". Экспериментально было доказано, что "внутренняя речь" всегда опирается на кинестезические раздражения, идущие от органов речи, но эти раздражения могут быть незначительными, скрытыми. В любом случае об их существовании свидетельствуют приборы. Таким образом, звуковая сторона появляется всегда с мыслью, и, какие бы мысли не возникали у человека в голове, они не могут возникнуть и существовать без материальной стороны, в частности без "языковой материи". Т.А.Бертагаев по этому поводу пишет следующее: "Значение слова в своем истоке возникает одновременно с мышечным движением, в частности со звуком, продуктом речевой кинестезии, а не иначе, потому что движение и отражение органически связанные компоненты. Базальным в смысле реализации (только в этом отношении) или об"ективизации, является движение, кинестезия речи, т.е. звук (наряду со звуком - жест)"¹⁾.

Правильно омечая звук как главное средство реализации или объективации значения слова, Т.А.Бертагаев явно обнаруживает свою симпатию к жестикуляционной теории Н.Я.Марра, когда считает, что и жест, наряду со звуком, служит средством проявления значения.

Не надо забывать, что с помощью жестов можно выразить только уже известные понятия. На этой основе и существует социально разработанный "язык" глухонемых. Однако создание этого специального "языка" стало возможным лишь на высокой ступени развития человеческой культуры, поскольку при обучении глухонемых определенный жест сопоставляется с уже существующим словом.

В связи с кинестезией речи Т.А.Бертагаев рассматривает значение как модификацию процесса отражения в мыслительной акции, а его звуковую сторону - как производное нейро-физиологической формы движения, тесно связанное с речевым моторным центром мозга".²⁾

1. Т.А. Бертагаев. Указ.соч., стр.10.

2. Т.А. Бертагаев. Указ. соч., стр.11.

Таким образом, Т.А. Бертагаев видит в основе мыслительных процессов движение материи, и это движение он называет нейро-физиологической формой движения. Эта концепция выражает позитивную точку зрения ученого-лингвиста на дискуссионный философский вопрос — считать ли мышление как феномен, основанный на форме движения материи. Надо сказать, что Т.А.Бертагаев, как и некоторые философы-марксисты нашего времени, рассматривает мышление как одну из основных форм движения материи наряду с механическим, химическим и т.д. неспроста. Согласно Энгельсу, движение, понимаемое как способ существования материи, как внутренне присущий материи атрибут, обнимает собой все происходящие во Вселенной изменения и процессы, начиная от простого перемещения и кончая мышлением.¹⁾ Сознание есть функция человеческого мозга. Мозг представляет собой исключительно сложную функциональную систему. И верное понимание функционирования этой системы предполагает нейро-физиологическое движение нейронов в коре головного мозга. Вне физиологических процессов в мозгу невозможно возникновение никакого ощущения, никакого чувства и побуждения.

Каждое слово представляет собой единство звучания и значения (смысла). Очевидно, нет слов, лишенных звуковой стороны. Нет также слов, лишенных смысла, значения.

В современной науке нет единого понимания природы словесных значений. По мнению одних ученых, значение — это связь определенного звучания с определенным признаком, предметом, действием, отношение слова к предмету, признаку, действию. По мнению других, значение — это отображение предмета, закрепленное за словом.

Много дискуссий в современной лингвистике и по природе звучания слова. Многие исследователи относят звучание слова к знакам-меткам, присвоенным значениям произвольно или стихийно.

---

1. См. К. Маркс и Ф. Энгельс. соч., т.20, стр.391.

Даже единство звучания и значения признается далеко не всеми лингвистами, так как некоторые считают, что означаемое и означающее связаны произвольно и между звуковой и идеальной сторонами слова нет необходимой внутренней связи.

В своей работе "Лексика современных монгольских литературных языков" Т.А.Бертагаев подвергает тщательному анализу природу означаемого и означающего и связь между ними. Кредо автора по данному вопросу эксплицитно выражено так: "...И звук речи, и смысл — не знаки, не произвольные и не конвенциальные порождения"¹⁾. Утверждая, что "звучание слов не знак, не метка значения, и слова — значения не похожи на меченые атомы",²⁾ Т.А.Бертагаев приходит к выводу: "Звуковой комплекс есть материальное воплощение, условие проявления и способ объективирования значения, выдвинутый формой движения, находящегося в основе любой отражательной реакции, в данном случае действующей на уровне мыслительного процесса".³⁾ Таким образом, в нашем сознании "отпечатывается", отображается физический, материальный облик слова: там же "отпечатывается", отображается физический, материальный облик предмета (явления) действительности. Между отображением ("отпечатком") физического облика слова и отображением предмета устанавливается прочная связь, так что два отображения образуют целостное единство. И каждый раз, когда на наше сознание воздействует предмет, возникает его отображение, а вместе с отображением предмета и отображение соответствующего слова. И наоборот, каждый раз, когда мы слышим или читаем слово, в сознании возникает его отображение, а вместе с ним — отображение соответствующего слову предмета.

---

1. Т. А. Б е р т а г а е в. Указ. соч., стр.10.

2. Там же, стр.11.

3. Т. А. Б е р т а г а е в. Указ. соч., стр.11.

Совершенно справедливо критикуя положение Ф. де Соссюра о произвольной связи означаемого и означающего, Т.А.Бертагаев проследивает эволюцию речевого и нейтрофизиологического механизма первобытного человека и делает вывод: "Диахронная преемственность и последовательность доречевой и речевой кинестезии показывает, что отношение означающего к означаемому непроизвольны и исторически закономерны."¹⁾

Далее Т.А.Бертагаев полемизирует с авторами "Общего языкознания"²⁾ и рассматривает слово не как произвольный знак, а как исторически сложившееся единство структурных элементов при ведущей роли семантики. Вопреки широко распространенному мнению, Т.А.Бертагаев не признает знаковую систему языка. "Если слово есть акт мысли (отражения), появившейся в мире, то знак — нечто присвоенное извне или отнесенное к мыслительной категории".³⁾ Следовательно, связь слова с мыслительной акцией в ее истоке глубинная, внутренняя, у знака — внешняя. Слово как внутренне связанное с мыслительной акцией не только отражает, но и воспроизводит объект в виде идеального в разных аспектах, отсюда и вариации значений в слове, чего лишен знак: у слова функция репродуктивная, у знака — заместительная — приходит к выводу Т.А.Бертагаев. Заклучая сказанное, автор отмечает следующее: "Слово — не знак, не произвольная единица, а многогранное по своей структуре цельное образование, закономерно возникшее с появлением человека наряду с другими его существенными признаками, — величина дискретно минимальная, линейно сочетаемая и виртуально равная предложению; важнейшая и относительно замкнутая осевая микросистема, вокруг которой разворачивается вся сложнейшая сеть структурно-системных отношений языка-речи".⁴⁾

1. Т. А. Б е р т а г а е в . Указ. соч., стр. II.

2. "Общее языкознание". М., "Наука", 1970.

3. Т. А. Б е р т а г а е в . Указ. соч., стр. 20.

4. Т. А. Б е р т а г а е в . Указ. соч., стр. 27.

Таким образом, естественный язык - как считает Т.А.Бертагаев - незнакомая система, вся его символика и формализованная система вторична и надстроена на языке как вполне осознанное конвенциональное творение.

РЕЦЕНЗИИ

О работе И.К.Илишкина "Функционирование калмыцкого литературного языка в условиях развития калмыcko-русского билингвизма" I

В области языкознания есть особая и весьма актуальная проблематика, связанная с задачами исследования взаимодействия языков в условиях языкового контакта. В качестве объекта исследований такого рода может быть избран любой уровень языка — лексика, фонетика, морфология, синтаксис. В представленной монографии И.К.Илишкина "Функционирование калмыцкого литературного языка в условиях развития калмыcko-русского билингвизма" подвергаются сопоставительному изучению все основные аспекты литературного калмыцкого языка в их отношении к аналогичным разделам русского литературного языка.

Диссертация общим объемом 16 авт.л. /328 стр.машинописы/ включает предисловие, вводные разделы /стр.1-33/, список использованной литературы, оглавление /стр.318-328/ и состоит из двух приблизительно равных по объему частей.

Часть I /стр.33-145/ посвящена комплексу вопросов, которые связаны с "общественными функциями калмыцкого языка", с ростом удельного веса литературного калмыцкого языка в советскую эпоху. И.К.Илишкин анализирует реформу письменности, огромную значимость калмыцкого литературного языка в различных областях — в периодической печати, в деле создания учебной литературы, в области оригинальной и переводной художественной литературы, литературы научной и в такой широкой области, как устная форма калмыцкого литературного языка и театр, радио и т.д.

I. Монография была представлена в качестве докторской диссертации.

Многосторонняя роль калмыцкого литературного языка в работе И.К.Илишкина освещена с исчерпывающей полнотой и убедительностью. Вместе с тем "в советскую эпоху в связи с бурным ростом промышленности, сельского хозяйства и расцветом национальной по форме и социалистической по содержанию культуры калмыцкого народа быстро развивается калмыcko-русское двуязычие" (стр.46). От правильного подхода к этому явлению зависит весь дальнейший ход исследования, его целенаправленность, его успешное завершение. Понять и проанализировать "соотношение общественных функций калмыцкого и русского языка" — таков один из главных выводов автора (стр.45). "В народном хозяйстве Калмыцкой АССР трудятся представители более чем восьмидесяти народов и национальностей. Средством общения их на производстве, в учреждениях, учебных заведениях является в основном русский язык" (стр. 46). В этом разделе автор приводит наглядные таблицы, из которых одна дает представление о соотношении функций калмыцкого и русского языков в досоветский период и вторая — в советское время (стр.46—47).

В I-ю часть своей монографии И.К.Илишкин включил также проблемы, связанные с развитием лексического состава, становлением и развитием различных стилей в калмыцком литературном языке и, в заключительных разделах, освещение, теоретическое истолкование различных аспектов двуязычия — в социологическом, психологическом, лингвистическом и педагогическом планах.

Что касается лексики, И.К.Илишкин следующим образом формулирует свое отношение к этому "строительному материалу языка": "Основными факторами, определяющими развитие лексики языка, являются социальные факторы, развитие материальной и духовной культуры общества, а не внутривидовое развитие, как это утверждают представители зарубежного структурализма" (стр.49).

Сжато, но вполне убедительно излагает свой взгляд на лексический состав калмыцкого языка И.К.Илишкин на стр.50—96. Здесь, в частности, отмечается, что

древний лексический пласт образуют слова, унаследованные калмыцким языком от эпохи родового строя до XIII-XIV столетия; многие из этих слов являются общими для всех монгольских групп языков (названия частей тела, термины родства, обозначения природных явлений, признаков предметов, понятия трудовых процессов, например, нога, рука, брат, солнце, вода, горячий, варить, доить) (стр.50). Исходя из этого факта, что в лексике отражается историческое прошлое языка и его настоящее, связанное с развитием экономики, культуры, науки и техники, автор подходит к проблеме заимствований в дооктябрьский период и в советскую эпоху. Он касается вопросов монголо-туркских и монголо-тунгусоманьчжурских лексических связей, а также заимствований из других языков - иранских, санскрита, арабских, греческих и, в связи с распространением буддизма, тибетизмов. "Но все эти заимствования в количественном отношении не идут в сравнение с заимствованиями из русского языка" - "этот процесс продолжается и поныне. Несомненно, он будет развиваться и дальше в связи с бурным ростом социалистической экономики и культуры Калмыкии" (стр.55) - такова точка зрения автора, таковы выводы, вытекающие из его подхода к языку прежде всего как к орудию общения в реальных историко-экономических условиях. Отмечая, что заимствованная лексика приблизительно составляет около 10%, согласно данным русско-калмыцкого словаря, изд. 1964г. под ред. И.К.Илишкина, т.е. около 3000 слов из 30.000, автор характеризует состав заимствованной лексики, выделяя в ней следующие группы: общественно-политическая терминологическая лексика, наименования административных единиц, учреждений и должностей, лексика, связанная с сельско-хозяйственным производством, далее - относящаяся к культуре, просвещению, здравоохранению, науке, средствам связи и транспорта, военной терминологии (стр.67-68). В связи с процессами обогащения словарного запаса калмыцкого языка исследуются также фонетические модификации облика заимствованных слов под влиянием таких фак-

торов калмыцкого языка, как гармония гласных, редукция гласных непервых слогов, субституция в области согласных, формы преодоления несвойственного калмыцкому языку стечения согласных в начале слова и т.д. (ср., напр., калм. пабрик "фабрика", арам "рама" и т.п.). Одновременно автор констатирует воздействие (через проникновение заимствований и владение русским языком) русской фонетической системы на калмыцкую, внедрение словообразовательных элементов (например, суффиксов "ист, изм"), приобретение отчетливых морфологических контуров в таком разряде частей речи как имя прилагательное, употребление инфинитивных форм русского глагола в сочетании со вспомогательным глаголом, например, командировать кех "командировать" наряду с аффиксальными (командлх - "командовать" и т.д.) (стр.90).

Очень интересны положения, в которых И.К.Илишкин излагает свою точку зрения на становление и развитие различных стилей в калмыцком литературном языке в связи с двуязычием. Он выделяет следующие функциональные стили, имеющие разную степень развития: стиль бытового общения, общественно-публицистический, официально деловой, литературно-художественный и учебно-педагогический (стр. III-I25).

Как уже отмечалось ранее, I-я часть диссертации завершается теоретическими обобщениями, вытекающими из особых условий двуязычия в нашей стране. И.К.Илишкин в первую очередь останавливается на проблеме двуязычия в социологическом плане, с точки зрения общественных, экономических и культурных связей. Русский язык в СССР за годы советской власти стал языком межнационального общения. С психологической точки зрения билингвизм подразделяется на несколько подвидов: а) рецептивный, ограниченный возможностью понимания неродной речи; б) репродуктивный, при наличии навыков воспроизводить чужую речь и т.д. С лингвистической точки зрения объектом изучения является выявление сходства и отличий в фонетике и грамматическом строе двух языков, так как при владении и поль-

зовании этими языками у говорящего проявляются факторы интерференции, т.е. взаимодействие структурных элементов одного языка и структурных элементов другого языка. С практической точки зрения важная роль отводится также педагогическому аспекту исследования — методике преподавания обоих языков от начальной школы до ВУЗа включительно. Завершая разбор первой части работы, мне остается добавить, что все основные разделы ее, теоретические предпосылки и выводы опубликованы в работе И.К.Илишкина "Развитие калмыцкого литературного языка в условиях формирования калмыcko-русского двуязычия", в издании Калмыцкого научно-исследовательского института языка, литературы и истории при Совете Министров Калмыцкой АССР, Элиста, 1972 г., объемом 6,3 п.л.

II-я часть работы — Функционирование звукового строя и морфологической системы калмыцкого языка в условиях калмыcko-русского двуязычия — также была опубликована в Элисте в 1973 г. под заглавием "Очерки сопоставительной грамматики русского и калмыцкого языков" (13,5 п.л.). Название опубликованного варианта этой части полностью отражает ее содержание. В ней в строгой последовательности помещены в виде серии очерков или подразделов сопоставительные характеристики отдельных грамматических категорий калмыцкого и русского литературного языков, начиная с обзора частей речи и далее по каждой отдельной части речи: имя существительное, его особенности в обоих языках, категория одушевленности, рода, падежа, числа, склонение, словообразование и т.д. (см. оглавление в работе или содержание в печатном издании). Разделу частей речи предпослан сопоставительный очерк фонетики и орфографии обоих языков.

Если первая часть монографии И.К.Илишкина представляет собой развернутую, глубоко обосновываемую трактовку калмыcko-русского двуязычия в аспекте социально-общественном, то вторая является реализацией лингвистического и педагогического подхода к собственно языковым фактам обоих языков, причем оба подхода неразрывно свя-

заны между собой.

Что касается фонетики, в данной части работы не только сопоставляются составы гласных и согласных и анализируются их различия, но уделяется внимание и таким вопросам как слоговая структура и ударение. Вопрос о слоговой структуре калмыцкого языка привлекает внимание автора не случайно. В связи с редуцией гласных в непервых слогах калмыцкое слово может предстать в виде скопления согласных с одним гласным, ср., например, элсн "песок", элстэ "песчаный", Элстд бээх "жить в Элисте", бадьснд "в городе" и т.п. Эта особенность калмыцкого языка выделяет его не только среди других монгольских языков, но и вообще языков мира (Юшманов). Правда, произношение таких сочетаний облегчается тем обстоятельством, что сонорные согласные — л, р, н являются в калмыцком языке слогообразующими (Рамстедт). Интересны наблюдения И.К.Илишкина, когда он отмечает, что деления слов со скоплением согласных типа те-мд-гл-хш-вди (9 согласных) "не обозначим" или шо-р-һл-жи "муравей" не только затрудняет при усвоении понятия слога, "но и практически не привилось" и "учителя и сейчас избегают вопроса деления слов с безгласными в непервых слогах" (стр.29). Достаточно сложен и вопрос об ударении, которое в русском языке связано с морфологическими изменениями слова (руки — руки), а в калмыцком проблема ударения "была подчинена долготе гласных" (стр.23, изд.1973г.). При заимствованиях из русского языка русские ударные первые слоги произносятся как долгие, подобно тому как это наблюдается в якутском, эвенкийском и многих других алтайских языках. Но ударные гласные непервых слогов русского заимствованного слова в калмыцком произношении уже не воспроизводятся как долгие, хотя и не редуцируются, тогда как безударные редуцируются, т.е. и в этом отношении берет свои права исторически выработавшаяся калмыцкая модель слова. Таким образом, звуковой строй языка сказывается не только в области артикуляционной базы, особенностей речевого уклада при воспроизведении гласных или

согласных фонем, но и в выработанных, сложившихся у носителей языка привычных нормах облика отдельных слов, выступающих как определенный звуковой тип, комплекс.

Что касается разделов собственно грамматических, в качестве образца сопоставительного освещения и анализа можно привести, например, родительный падеж. В русском языке родительный приименной в различных словосочетаниях имеет ряд значений. Прежде всего обычно отмечается родительный принадлежности, например, книга брата. Приводя эту форму в сопоставлении с калмыцкой, И.К.Илишкин приводит ахим дегтр, с отметкой в скобках "книга (моего) брата", так как в смысловом отношении беспритяжательная форма калмыцкого существительного "брат" выглядела бы "искусственной". Остальные значения даны под рубрикой признака предмета - например, родительный отношения (директор совхоза - совхозын директор, родительный носителя признака - вкус винограда - үзмин амтн, родительный объекта - строительство коммунизма - коммунизмн тосхлт). Отмечены также несвойственные калмыцкому языку функции русского родительного падежа как родительный приглагольный в партитивном значении типа "дайте мне молока" при употреблении в калмыцком винительного падежа (нанд үс егтн) или родительный в отрицательных оборотах при именительном в калмыцком (на столе нет ручки - стол деер ручк уга); сюда же родительный при глаголах бояться, остерегаться и т.п., которые в калмыцком управляют формой исходного падежа (теленек испугался (от) машины - туһл машинэс үргв). В диссертации специальное внимание уделено также родительному при числительных типа два стола, пять столов, а также родительному мерн (стакан молока), когда в калмыцком требуется форма именительного падежа. Наконец, незамеченным не остался родительный аблативный в сравнительных конструкциях русского языка, в то время как калмыцкий располагает формой исходного падежа (Волга шире Дона - Ижл Теңгэс ергцр). Последний пример - наличие особых аблативных или элативных падежных форм в калмыцком или эвенкийском и т.д. языках - являет-

оя как бы материальным подтверждением специфики русского родительного падежа – родительного аблативного /Волга от Дона шире/. Сопоставление различного рода словосочетаний, конструкций помогает не только усвоить особенности того или иного изучаемого языка, но и глубже, отчетливее осознать многообразие функций и значений той или иной формы, категории языка русского. Иными словами, сопоставительные штудии имеют не только несценимое научно-практическое значение, но также служат целям общетеоретического характера, в частности, раскрытию так называемых языковых универсалий.

В "Очерках сопоставительной грамматики русского и калмыцкого языков" И.К.Илишкина много поучительного и интересного может почерпнуть не только монголовед, но специалисты по другим языкам, типологически или генетически близким, как например, по таким как тунгусо-маньчжурские или тюркские: в этих языках много общего, хотя, например, только что рассмотренная категория родительного падежа отсутствует в большинстве тунгусо-маньчжурских языков, и функции выражения идеи принадлежности, отношения целого и части и т.д. несут притяжательные конструкции /дом отца – отец дом его, ножка стола – стол ножка его и т.д./. Во многих языках алтайской семьи отсутствует согласование в числе и падеже при склонении прилагательных или числительных с именами существительными, совпадают отрицательные конструкции /на столе нет ручки – на столе ручка нет /–отсутствует/ и т.д. С точки зрения алтаиста не монголоведа не может не обратить на себя внимание тот факт, что анализируя категорию русского и калмыцкого залога, И.К.Илишкин вслед за рассмотрением действительного залога переходит к залогу, отсутствующему в русском языке – а именно залогу побудительному или понудительному, каузативному и т.д. В поисках аналогий в русском глаголе, которые хоть как-нибудь могли бы помочь понять эту специфическую категорию калмыцкого глагола, автор приводит интересные примеры – белеть – белить, чернеть – чернить,

синеть — синить. Для русской грамматики эти примеры не являются категоризальными, но понять специфику побудительного залога они бесспорно помогают. Очень убедительно изложены также значения близких по семантике залогов — взаимного и совместного, по поводу которых И.К.Илишкин не без основания цитирует А.Бобровникова, автора одной из лучших грамматик прошлого столетия — Грамматики монгольско-калмыцкого письменного языка, изданной в Казани в 1849 г.

Следует подчеркнуть, что И.К.Илишкин в своей работе дает возможность оценить тот вклад в области монголоведения в целом и калмыцкого языка в частности, который внесли в эту область нашего востоковедения русские и зарубежные ученые: Вл.Котвич, Г.Рамstedт, Б.Я.Владимирцов, а также целая плеяда советских ученых — представителей монгольских народностей — Г.Д.Санжеев, Т.А.Бертагаев, Д.А.Павлов, Ц.Д.Номинханов, Л.Д.Шагдаров, У.Ш.Дондуков, Б.Б.Бадмаев, А.Ш.Кичиков, Б.Х.Тодаева.

Раскрывая и характеризуюя грамматические категории калмыцкого языка, автор приводит соответствующие примеры на калмыцком и русском языках, схемы, парадигмы склонения и спряжения, перечни соответствующих показателей-суффиксов. Другими словами, работа выполнена на большом фактическом материале, специально подобранном и отрепарированном.

Из замечаний по диссертации, относящихся к положениям, по которым мнения могут не совпадать или которые хотелось бы уточнить, приведу следующие:

I/ В связи с классификацией наречий и говоров монгольского языка, предложенной Б.Я.Владимирцовым, где современный калмыцкий язык представлен в виде подгруппы А. Ойратского наречия, в работе говорится, что "Б.Я.Владимирцов был неправ, считая самостоятельные языки калмыков, бурятов и др. монгольских народов наречиями монгольского языка" /стр.15/. Мне представляется, что Б.Я.Владимирцов, употребляя термин "Наречие", имел в виду подчеркнуть именно их языковую самостоя-

тельность, ср. его слова: "Итак, монгольский языковой мир в настоящее время является в виде нескольких наречий, многих говоров, а общего языка не существует вовсе" /Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия, Л., 1929, стр. 19/. Иными словами, в данном случае термин "наречие" употреблен как синоним слова "язык", а не как лингвистический термин в узком смысле, т.е. наречие — группа говоров какого-либо языка. Впрочем, я на своей трактовке не настаиваю.

2/ Разница в составе фонем калмыцкого и русского языков в отношении гласных заключается в 2 фонемах, свойственных только калмыцкому /гласные переднего ряда е, у/, остальные артикуляционно совпадают с 6-ю русскими. Но если учитывать калмыцкие долгие гласные как особые фонемы, их число удваивается. Насколько существенна оппозиция калмыцких недолгих гласных долгим?

3/ При большом числе заимствований из русского языка, учитывая, что при написании и произношении русских заимствований ранее отсутствовавшие в калмыцком согласные не подвергаются субституции, но артикулируются согласно нормам русского произношения, в конечном итоге весь состав русских согласных с их системой оппозиций должен войти в состав калмыцких согласных, который в таком случае будет равен русскому + специфические калмыцкие /н, н'/?

4/ Всегда ли в конструкциях сравнительной степени требуется прибавление специального показателя /суффикса/ у имени прилагательного или оно может употребляться в обычной форме при наличии формы исходного падежа у слова, указывающего, с признаком какого предмета или лица сравнивается другой предмет. Например, в эвенском /ламутском/ языке употребительны конструкции типа: стол стул - дук гуд "стол /от/ стула высокий, вместо /по/ выше.

5/ Не ставится ли в калмыцком языке вопросительное местоимение "кто" при собственных именах животных, названий гор, рек и т.д.

6/ При отсутствии формальных отличий производных качественных прилагательных от существительных какого форма вопросительного местоимения, например, к словом "хороший", "большой" и т.д., т.е. когда речь идет о качестве предметов, а не о самих предметах.

Как показывает характер приведенных выше вопросов, они вызваны интересом, возникающим при чтении монографии И.К.Илишкина у специалиста по смежным, тунгусо-маньчжурским языкам.

Монография И.К.Илишкина - результат его многолетней деятельности в области литературного калмыцкого языка. Вышедшие из печати I-я и II-я части этой монографии являются пособиями по курсу русского и калмыцкого языков на филологическом факультете Калмыцкого государственного университета, педагогического училища, используются преподавателями школ и переводчиками.

СОДЕРЖАНИЕ

Указ Президиума Верховного Совета
Калмыцкой АССР о присвоении почет-
ного звания заслуженного деятеля
науки Калмыцкой АССР Т.А.Бертагаеву.

I/Б.Д.Муниев	Т.А.Бертагаев — видный советский монголист	3
2/Список трудов	Т.А.Бертагаева	8

ГРАММАТИКА

3/Д.А.Павлов	О системе склонения имен существительных в калмыцком языке	18
4/Н.Н.Убушаев	Указательные местоимения в современном калмыцком языке	43
5/С.П.Чариков	Безлично-притяжательные формы местоимений и имен собственных в монгольских языках	52
6/А.Л.Каляев	Адъективные имена в монгольских языках	57
7/Б.Б.Манжикова	К особенностям фонетической структуры звукоподражательных слов и их значений в калмыцком языке	65
8/Д.А.Сусеева	К вопросу о словосочетаниях в калмыцком языке	77
9/Г.Ц.Пурбеев	Семантика и синтаксические функции глагола <u>гих</u> в современном калмыцком языке	95
10/М.У.Монраев	Место наречия в предложении калмыцкого языка	104
11/В.Д.Дамбинова	Причастие будущего времени в современных монгольских языках в функции главных членов предложения	110
12/Д.А.Павлов	Основные этапы развития современной калмыцкой письменности	122
13/П.Ц.Биткеев	К вопросу об орфоэпических нормах современного калмыцкого языка.	148

- I4/ Э.Ч.Бардаев К вопросу об усовершенствовании калмыцкой орфографии I56
 М.У.Монраев
 Н.Н.Убушаев
- I5/ А.Верба К истории изучения долгих гласных и их роли в монгольских языках . . . I65

ЛЕКСИКА

- I6/ Э.Ч.Бардаев О происхождении названий мелкого скота в языках монгольских народов I77
- I7/ В.Ф.Житников Этимологические заметки I89
- I8/ Г.С.Биткеева Принципы образования женских слов /табу/ в калмыцком языке 200
- I9/ В.Х.Эрендженов Процесс отражения и языковая семантика 215

РЕЦЕНЗИИ

- 20/ В.И.Цинциус О работе И.К.Илишкина "Функционирование калмыцкого литературного языка в условиях развития калмыцко-русского билингвизма" 225

ВОПРОСЫ ГРАММАТИКИ И ЛЕКСИКОЛОГИИ СОВРЕМЕННОГО КАЛМЫЦКОГО ЯЗЫКА

Ответственный редактор канд. филол. наук
 М. У. Монраев

Калмыцкий НИИЯЛИ, 1976.

Научно-исследовательский институт языка,
 литературы и истории при Совете Министров
 Калмыцкой АССР

Подписано к печати 10/IX-1976 г. А-14702.
 Формат 60х90¹/₁₆. Бумага офсетная № 1. Печ. л. 14,75.
 Уч. изд. л. 11,97. Тираж 1000 экз. Зак. № 349.
 Цена 1 руб. 20 коп.

Офсетное производство 3-й типографии
 издательства "Наука"
 Москва К-45, ул. Жданова 12/1.

Цена 1 р. 20 к.